

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И
ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

**ОТ АБСОЛЮТИЗМА
К ДЕМОКРАТИИ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ
(1861—февраль, 1917)**

**Документы и материалы к семинарским занятиям
по отечественной истории**

**Екатеринбург
1991**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И
ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

ОТ АБСОЛЮТИЗМА
К ДЕМОКРАТИИ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ
(1861 — февраль, 1917)

Документы и материалы к семинарским занятиям
по отечественной истории

Екатеринбург
1991

Подготовлено кафедрой всеобщей истории

Составители: О. Н. Богатырева, Н. Н. Попов

**Редакционная коллегия:
профессора М. Е. Главацкий, Н. Н. Попов
доцент Н. Ф. Муравьева (отв. за выпуск)**

**Рецензент: доктор исторических наук,
профессор В. П. Леднев**

**© Уральский государственный
университет, 1991**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формирование личности будущего специалиста, интеллигента, гражданина своей Родины невозможно без изучения отечественной истории, являющейся важнейшей составной частью гуманитарной подготовки студентов вузов и учащихся школ. В современных условиях проблемы возрождения исторической правды, формирования у соотечественников нового исторического мышления выдвинулись на видное место в общественной жизни. Они предполагают отказ от старых теоретических догматических представлений в сталинском духе, обновление в целом всего обществознания, в том числе новое осмысление крайне искаженной отечественной политической истории. Это возможно только на основе свободного обмена мнениями, фактами и аргументами, признания необходимости плюрализма, многообразия точек зрения, осознания единства героического и трагического, положительного и негативного в историческом опыте народа.

Отсутствие сборников документов и материалов, отражающих современный уровень осмысления отечественной истории, несомненно, затрудняет гуманитарную, особенно историческую подготовку студентов. Настоящее издание в некоторой степени восполняет этот пробел. Оно призвано помочь студентам самостоятельно готовиться к семинарским занятиям по отечественной истории, роль которых в условиях ускоренного обновления исторических знаний существенно возросла. Вместо прежнего заучивания самостоятельно, критически рассмотреть и осмыслить разнообразные источники, в том числе впервые вводимые в научный оборот. Их обсуждение вместе с преподавателем на семинарских занятиях позволит студентам изучить широкий круг конкретно-исторических проблем, выработать по ним собственное мнение, уловить логику исторического процесса.

При составлении пособия учитывалось, что многие включенные в него материалы не имеют достаточного распространения или стали библиографической редкостью. Все помещенные в пособие документы разделены по проблемному принципу на три части, что поможет студенту сориентироваться при подготовке к семинарскому занятию. С этой же целью публикуемые в пособии документы и материалы имеют заголовки, а некоторые снабжены краткими методическими предисловиями, комментариями и примечаниями.

- В процессе работы над пособием имелись в виду следующие соображения:
- отобранные документы и материалы должны обеспечить достаточно полное представление о различных направлениях в общественной мысли и политическом движении России;
 - программные документы воспроизведены по возможности целиком, чтобы у студента сложилось верное представление о политической платформе данной организации;
 - из выступлений и трудов политических деятелей взяты, в основном, те места, которые наиболее выпукло характеризуют их взгляды;
 - опущены такие широко распространенные материалы, как произведения В. И. Ленина, документы по истории экономики и культуры и некоторые другие.

Хронологические рамки пособия охватывают период с 1861 г., т. е. с отмены крепостного права в России, по февраль 1917 г., до свержения царизма.

За эти более чем полвека в политической жизни страны произошли исключительно важные события, в том числе первая народная революция эпохи империализма. Во второй половине XIX в. в России появились все основные политические течения, действовавшие в последующий период наряду с консервативным, помещичье-монархическим, это либерально-буржуазное и социалистическое. В начале XX века образовались главные политические партии страны, в ходе думской деятельности стал постепенно накапливаться опыт российского парламентаризма. П. А. Столыпиным были предприняты серьезные попытки модернизации царизма, стоявшего на пути капиталистического развития России. В феврале 1917 г. это препятствие было устранено совместными усилиями либералов и социалистов, опиравшихся на растущее в условиях мировой войны революционное движение.

Пособие предназначено для студентов высших учебных заведений и учащихся школ, изучающих отечественную политическую историю, развитие общественно-политической мысли, историю политических партий и течений в России в конце XIX—начале XX в.

ЧАСТЬ I.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

А. И. ГЕРЦЕН «РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ»

Отрывки из письма А. И. Герцена французскому историку Ж. Мишле (1851, 22 сент.). Изложенный Герценом взгляд на русскую общину был усвоен впоследствии народниками и послужил одним из основных элементов их теории.

«... Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиною; только в отношении к общине и ее членам признает он за собою права и обязанности. Вне общины все ему кажется основанным на насилии...

... У русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немногое, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привязывает его еще более к его правам и к общинному устройству.

Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти, она благополучно дожила до развития социализма в Европе...

... Из всего этого вы видите, какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы

общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания...

... Европа на первом шагу к социальной революции встречается с этим народом, который представляет ей осуществление полудикое, неустроенное, — но, все-таки, осуществление — постоянного дележа земель между земледельцами. И заметьте, что этот великий пример дает нам не образованная Россия, но сам народ, его жизненный процесс. Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы — не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — мужик, точно так же как во Франции работник» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем/Под ред. Лемке. Б. М., 1919. Т. 4. С. 445-450).

А. И. ГЕРЦЕН «РУССКОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО»

(кон. 1852)

... Мне всякий раз становится не по себе, когда я говорю о народе. В наш демократический век нет ни одного слова, смысл которого был бы так извращен и так мало понятен. Идеи, которые связываются с этим словом, по большей части неопределенны, исполнены риторики, поверхностны. То народ поднимают до небес, то топчут его в грязь. К несчастью, ни благородное негодование, ни восторженная декламация не в состоянии выразить верно и точно понятие, обозначаемое словом «народ»; народ — это мощная гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства.

На вопрос, чего ждет русский народ, я отвечаю: начала социальной революции в Европе, — ждет бессознательно, в силу самого своего положения, инстинктом. Благодаря социалистическому движению в вопросе об освобождении крестьян сделан уже огромный шаг вперед. Правительство, дворяне, народ — никто больше не верит в возможность освобождения общины, т. е. крестьянина, без земли. Если придерживаться точки зрения безсловесного и неотъемлемого права собственности, задача эта неразрешима...

... Говорят об уничтожении русской общины! Хотел бы я знать, думали ли серьезно об этом те немногие русские, которые предлагают подобную меру. Что же останется, спрашиваю я, если мы вырвем этот жизненный нерв нашего национального

существования? Русский народ перенес всевозможные потери и сохранил только общину. И неужто именно в то время, когда многие западноевропейские мыслители указывают на плачевные последствия раздробления земельной собственности, мы со слепым легкомыслием подорвем установление, которое призваны лишь пассивно сохранять; община ведь сама собой держится в народе и с помощью народа, привязанного к ней своими интересами и традициями, и это—единственное право, которое еще не вырвано из его рук хищничеством и насилием.

Общине, я знаю, ставят в вину несовместность ее с личной свободой. Но разве чувствовался недостаток в этой свободе до отмены Юрьева дня (дня св. Георгия)? Разве наряду с постоянными поселениями не развивались подвижные общины—вольная артель и чисто военная община казаков? Неподвижная сельская община оставляла достаточно широкий простор для личной свободы и инициативы; она никогда не отказывала в заботе и пропитании двум своим законным отпрыскам, двум близнецам: один из них охранял и раздвигал границы страны, другой, с топором в руках, шел туда, куда призывала его работа...

Стремления позднейших европейских теоретиков не могут, разумеется, найти удовлетворение в общинном укладе русской деревни и республиканском строе казачьих поселений. Все в них было неразвито; личная свобода то и дело приносилась в жертву демократическому и патриархальному братству. Но кто же разрушает недостроенный дом, с тем, чтобы построить его по прежнему плану?.. Воспользуемся опытностью наших предшественников; она им дорого стоила... (Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 133—134).

«ВСЕПОДАДАННЕЙШИЙ АДРЕС» ТВЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА (1862)

«Ваше императорское величество, всемилостивейший государь!

Собравшись в первый раз после обнародования законоположений 19 февраля 1861 г., тверское дворянство приветствует русского царя, который приступил к освобождению крестьян и искоренению всякой неправды на земле русской. Тверское дворянство объявляет торжественно, что оно искренно сочувствует добрым начинаниям в. и. в. и готово следовать за вами путем, ведущим к благоденствию русского народа.

В доказательство нашей готовности и полного доверия к лицу в. и. в. мы решаемся представить на ваше благоусмотрение откро-

бенное изложение наших мыслей без всякой лжи и утайки.

Манифест 19 февраля, объявивший волю народу, улучшив несколько материальное благосостояние крестьян, не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом. Здравый смысл народа не может согласиться объявленной в. в. воли с существующими обязательными отношениями к помещикам и с искусственным разделением сословий. Народ видит, что он со временем может освободиться только от обязательного труда, но должен остаться вечным оброчным, преданным во власть тех же помещиков, названных мировыми посредниками.

Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаем этого положения. Такое громадное недоразумение ставит все общество в безвыходное положение, грозящее гибелью государству. Что же мешает устранить его? В обязательном предоставлении земли в собственность крестьян мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем это единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просим привести немедленно в исполнение эту меру общими силами государства, не полагая всей ее тяжести на одних крестьян, которые менее других виноваты в существовании крепостного права. Дворянство, в силу сословных преимуществ, избавлялось до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь! Мы считаем кровным грехом пользоваться благами общественного порядка за счет других сословий; не праведен тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый — ни копейки. Это могло быть терпимо только при крепостном праве, но теперь ставит нас в положение тунеядцев, совершенно бесполезных родине. Мы не желаем пользоваться таким позорным преимуществом и дальнейшее существование его не принимаем на свою ответственность.

Всеподданнейше просим в. и. в. разрешить нам принять на себя часть государственных податей, соответственных состоянию каждого. Кроме имущественных привилегий, мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народом. В настоящее время мы считаем беззаконием исключительность этого права и просим распространить его на все сословия.

Всемилощивейший государь! Мы твердо уверены, что вы искренно желаете блага России, и потому считаем священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством в. в. существует странное недоразумение, которое препятствует осуществлению ваших благих намерений. Вместо действитель-

ного осуществления обещанной вами русскому народу воли ваши сановники изобрели временно-обязанное положение, невыносимое как для крестьян, так и для помещиков. Вместо одновременного и обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников ваши сановники изобрели систему добровольных соглашений, которые грозят довести до крайнего разорения и крестьян и помещиков. Они находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда как мы сами, более всех заинтересованные в этом деле, желаем их отменения. Этот всеобщий разлад служит лучшим доказательством, что преобразование, требующееся ныне крайнюю необходимостью, не может быть совершенно бюрократическим порядком.

Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что стоим к нему ближе, и твердо уверены, что недостаточно одной благонамеренности не только для удовлетворения, но даже и для указания народных потребностей. Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными потому, что предпринимаются без спроса и ведома народа.

Собрание выборных всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных «Положением 19 февраля».

Представляя на благоусмотрение в. и. в. всеподданнейшее прошение о созвании Земского Собрания, мы надеемся, что искреннее желание общего блага, одушевляющее твердое дворянство, не подвергнется превратному толкованию...» (Лемке М. Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908. С. 447—449).

А. И. КОШЕЛЕВ «КОНСТИТУЦИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКАЯ ДУМА»

Кошелев Александр Иванович (1806—1883)—помещик, славянофил, публицист либерального направления.

«Созывать Земскую Думу — значит вести Россию к революции, т. е. к повторению у нас *Etats généraux*¹, превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792 г., с проскрипциями, гильотиною, *poiyades*² и пр.» Нет! господа. Не созвание Земской Думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете, а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства, нерешительные и противо-

¹ Генеральные штаты — собрание представителей сословий в феодальной Франции.

² Одно из террористических мероприятий революционного французского Конвента во время буржуазной революции конца XVIII в.; так называли массовые утопления контрреволюционеров.

рѣчащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобно-исполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово, полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр., и пр.

Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки, ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, — у нас не будет. Надеемся также, что в России не составит (хотя за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему... не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить...

... Опасение неумеренных притязаний со стороны думы в отношении к правительству совершенно неосновательно и напрасно. Самодержавие царя (разумеется, не бесчисленного множества царьков) остается во всей своей полноте; утвержденное, укорененное в народе, оно так сильно, что нет для него опасностей извне. Дума будет только совещательным собранием; ее сила будет заключаться в ее благоразумии, умеренности, знании. Следовательно, для самодержавия она не только не опасна, но с ее помощью оно может действовать гораздо свободнее и вернее, чем теперь, при беспрестанных ложных страхах бюрократии и при ее еще менее разумных самообольщениях в надеждах» (Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская Дума. Лейпциг, 1862. С. 49—51, 56—57).

**«ВСЕПОДАДАННЕЙШИЙ АДРЕС» МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА
(1865)**

«Всемиловитейший государь, московское дворянство в настоящем собрании своем не может не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрые начинания, всегда клонящиеся ко благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содействовать словом и делом на трудном, но великом пути, вами избранном. Мы убеждены, государь, что вы не остановитесь на этом пути и что вы пойдете вперед, опираясь на ваше верное дворянство, на весь русский народ. В дружном единстве и цельности — сила нашего отечества. Собрав нашу разъединенную доселе Россию в одно целое, сплотив ее твердо и заменив права отдельных ее частей общими правами, вы искорените навеки возможность мятежа и междоусобий. Призванному вами, государь, к новой жизни земству, при полном его развитии, суждено навеки упрочить основу и крепость России. Довершите же, государь, основанное вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите вашему верному дворянству с этой же целью избрать из среды себя лучших людей.

Дворянство было всегда твердою опорою русского престола. Не считаясь на государственной службе, не пользуясь сопряженными с нею наградами, безвозмездно исполняя свой долг для пользы отечества и порядка, эти люди, по самим условиям своего государственного положения, будут призваны сохранять драгоценные для народа и необходимые для истинного благоустройства нравственные и политические начала, на которых зиждется государственный строй. Этим путем, государь, вы узнаете нужды нашего отечества в истинном их свете, вы восстановите доверие к исполнительным властям, вы достигнете точного исполнения законов всеми и каждой и применимости их к нуждам страны.

Правда будет доходить беспрепятственно до вашего престола, и внешние, и внутренние враги замолчат, когда народ в лице своих представителей, с любовью окружая престол, будет постоянно следить, чтобы измена не могла никуда проникнуть...»
(Устимович П. Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886. С. 44—45).

М. А. БАКУНИН «НАША ПРОГРАММА»

Бакунин Михаил Александрович (1844—1876), русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества и деятель I Интернационала. М. А. Бакунин был противником учения К. Маркса и вел борьбу с ним в I Интернационале. «Наша программа» напечатана в № 1 журнала «Народное дело» (Женева, 1868).

«... Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. Умственного освобождения, потому что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твердыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, служа, с одной стороны, неременной опорой и оправданием для деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплуатации народа, с другой стороны, деморализуют самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащие стремления и лишая его таким образом энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни.

Из этого явно следует, что мы сторонники атеизма и материализма.

II. Социально-экономического освобождения народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью. Экономический быт народов был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее объяснение их политического существования. Все доселе существовавшие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религией, а все это вместе составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплуатирующему меньшинству. Государство без привилегий политических и юридических, основанных на привилегиях экономических, немыслимо.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

1. Упразднения права наследственной собственности.

2. Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины, следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследства.

3. С уничтожением брака рождается вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременности матери до самого их совершеннолетия, их воспитание и образование, равное для всех—от низшей ступени до специального высшего научного развития,—в одно и то же время индустриальное и умственное, соединяющее в себе подготовку человека и к мускульному и к нервному труду, должно лежать главным образом на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренных положения:

Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками, — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы — работникам — рабочим ассоциациям.

III. Вся будущая политическая организация должна быть ни чем другим, как свободной федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому во имя освобождения политического мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями.

Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения на основании их собственных инстинктов, нужд и воли, дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые захотят быть членами русского народа, могли бы создать сообща действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с такими же обществами в Европе и в целом мире» (**Утопический социализм в России. С. 401—402**).

П. А. ЛАВРОВ «ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ «КРИТИЧЕСКИ МЫСЛЯЩЕЙ ЛИЧНОСТИ»

Отрывки из «Исторических писем» Петра Лавровича ЛАВРОВА (1823—1900), печатавшихся под псевдонимом П. Миртов в журнале «Неделя» за 1868 и 1869 гг. и вышедших в 1870 г. отдельным изданием. Учение Лаврова о «критически мыслящих личностях», т. е. об интеллигенции, руководящей массами в борьбе за осуществление общественной справедливости, составляло одну из основ народнического мировоззрения.

«Один в поле не воин»,—говорит старинная пословица, и личность, являющаяся перед лицом общества с критикой обще-

ственных форм и с желанием воплотить в них справедливость, как бессильная единица, конечно, ничтожна. Тем не менее подобные личности создали историю, сделавшись силою, двигателями общества. Как же они это делали?

Прежде всего надо признать факт, что если рассматриваемый деятель есть, действительно, критически мыслящая личность, то он никогда не одинок. В чем состоит его критика общественных форм? В том, что он понял яснее и глубже других недостатки этих форм, отсутствие справедливости в них для настоящего времени. Но если это так, то многое множество личностей под тяжестью этих форм страдает и ропщет, мечется и гибнет.

Только они как недостаточно критически мыслящие личности не понимают, отчего это им так нехорошо. Но если им сказать, то они понять могут, и те, которые поймут, поймут это также хорошо, как тот, кто высказал мысль впервые, а пожалуй, еще и лучше, потому что они, может быть, выстрадали верность этой мысли гораздо полнее и разностороннее, чем ее первый провозвестник. Итак, чтобы не быть совсем одиноким, человек, начинающий борьбу против общественных форм, должен только высказать свою мысль так, чтобы ее узнали: если она верна, то он не будет одинок. Он будет иметь товарищей, единомышленников между людьми наиболее свежей, восприимчивой мысли... Это — сила невидимая, не осязаемая, не проявившаяся еще в действии, но уже сила.

Чтобы действие силы проявилось, нужен пример. Чтобы личность почувствовала себя не одинокою, надо, чтобы она узнала, что есть другая личность, не только понимающая, как ей тяжело и почему так тяжело, но и действующая против этого зла. Нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем... При этом фазисе борьбы критически мыслящие личности имеют перед собою уже действительную силу, только силу нестройную. Она тратится большею частью бесполезно, из-за пустых мелочей, которые прежде всего бросаются в глаза. Люди гибнут из-за проявления зла, а сущность его остается нетронутой...

...Чтобы сила не тратилась даром, надо ее организовать. Критически мыслящие и энергически желающие личности должны желать не только борьбы, но победы, для этого надо понимать не только цель, к которой стремишься, но и средства, которыми можно ее достигнуть. Если борьба была серьезна, то в числе борцов против устаревших общественных форм находятся

Не все только личности, борющиеся во имя своего страдания и понявшие это страдание лишь с чужого слова, с чужой мысли. В числе борцов есть и личности, критически продумавшие положение дел. Им приходится отыскивать друг друга: им приходится соединиться и придать нестройным элементам народившейся исторической силы стройность и согласие. Тогда сила организована; ее действие можно направить на данную точку, концентрировать для данной цели: ее задача теперь чисто техническая: с наименьшей тратой сил совершить наибольшую работу. Пора бессознательных страданий и мечтаний прошла: пора героических деятелей и фанатических мучеников, безрасчетливой траты сил и бесполезных жертв прошла. Настала пора спокойных, сознательных работников, рассчитанных ударов, строгой мысли и неуклонной терпеливой деятельности...

... Но общественная партия не есть партия кабинетных ученых. Она борется за истину и справедливость в конкретной форме. Она имеет в виду определенное зло, существующее в обществе. Если это действительно зло, то от него страдают весьма многие, чувствующие всю громадность этого зла, но не понимающие ясно ни его причин, ни средств борьбы против него. Это — те незаметные герои, о которых я говорил выше и которые обуславливают возможность прогресса. Это — реальная почва организуемой партии. Последняя именно потому и организуется, что знает о существовании значительного числа личностей, которые должны прийти навстречу ее требованиям, должны протянуть ей руки именно потому, что они страдают от зла, против которого она восстала...

... Итак, партия организовалась. Зерно ее — небольшое число выработанных, обдуманых, энергических людей, для которых критическая мысль нераздельна от дела. Около них — люди интеллигенции, менее выработанные. Реальная же почва партии — в неизбежных союзниках, в общественных группах, страждущих от зла, для борьбы с которым организовалась партия.

... Так растет общественная сила, переходя от уединенной, слабой личности сначала в сочувствие других личностей, потом в нестройное их содействие, пока не организуется партия, придающая борьбе направление и единство...» (Лавров П. А. Исторические письма. 2-е изд. СПб., 1905. С. 139—142, 149—150, 152).

С. Г. НЕЧАЕВ «КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА» (1869)

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882), участник российского революционного движения. Организатор тайного общества «Народная расправа». В 1869 г. в Москве убил по подозрению в предательстве студента И. И. Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями царскому правительству. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

«Отношение революционера к самому себе»

«§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено¹ единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспосадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он дено и носчно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех его побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченный. Беспосадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайна или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задав-

¹ Орфография автора.

лены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение—успех революции. Дено и носчно должна быть у него одна мысль, одна цель—беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданого в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-

нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товариществом—с одной стороны, а с другой—трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с вестью¹ его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором—все и все должны быть ему равно ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспричинного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в третье отделение и даже в зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория—неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предидущие нумера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышепереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и кремем² (?) полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая дол-

¹ Вероятно, «верую».

² Так у автора.

жна произойти от его смерти до революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особым умом, ни энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями: опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницей и сильною помосью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория—доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет безследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория—женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одне—пустыя, бессмысленныя и бездушныя, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категорию мужчин.

Другия—горячие, преданыя, способныя, но не наши, потому что не доработались еше до настоящего безфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу програму. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помоси которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу

§ 22. У товарищества ведь ¹ другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобсчению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному возманию.

§ 23. Под революцією народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу—движение, которое всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось сосдать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственныя традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это—дело будущих поколений. Наше дело—страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвено связано с государством, против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака-миroeда. Соединимся с лихим разбойничим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу—вот вся наша организация, конспирация, задача» (Родина. 1990. № 2. С. 82—83).

¹ Следует читать: «нет».

П. Н. ТКАЧЕВ «НАБАТ»

(Программа журнала)

ТКАЧЕВ ПЕТР НИКИТИЧ (1844—1886), один из идеологов революционного народничества, публицист. Сторонник заговорщических методов борьбы.

Отрывок из программы журнала «Набат», издававшегося в 1875—1881 г. в Женеве группой эмигрантов-народников во главе с П. Н. Ткачевым. Программа была напечатана отдельной брошюрой в ноябре 1875 г.

В набат!

«Когда при зареве пожара раздается звон набата, каждый бросает свой дом и спешит на пожарище для того, чтобы спасти достояние и жизнь ближнего; отвлеченная идея солидарности человеческих интересов выступает здесь во всей ее реальной силе и простоте. Каждый чувствует, что лишь спасая достояние другого, он может спасти свое собственное. Личная вражда, мелкие будничные дразги—все забывается ввиду общей опасности. Враги становятся рядом и действуют заодно. Все, что есть в человеке мелкого, дрянного, уходит на задний план, вперед выдвигаются его возвышеннейшие, благороднейшие побуждения. Потому-то только подлые трусы, только расслабленные эгоисты остаются глухими к звону набата.

Потому-то те минуты, когда он раздается, бывают обыкновенно лучшими минутами в народной жизни, несмотря на то, что это—минуты величайших народных бедствий.

Мы переживаем теперь такие минуты.

Пришло время ударить в набат! Смотрите! Огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принцип общины», принцип, долженствующий лечь краеугольным камнем того будущего общественного строя, о котором все мы мечтаем.

На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы—формы буржуазной жизни, развивается кулачество, мироедство; воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма.

Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы.

Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс прожудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им ту силу и крепость, которых пока еще в них нет.

Сегодня наше государство—фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней. Оно всем ненавистно, оно во всех, даже в собственных слугах, вызывает чувство тупого озлобления и рабского страха, смешанного с лакейским презрением. Его боятся, потому что у него материальная сила; но, раз оно потеряет эту силу, ни одна рука не поднимется на его защиту.

Но завтра за него встанут все его сегодняшние враги,—завтра оно будет выражать собой их интересы, интересы кулачества и мироедства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающегося буржуазного мира.

Сегодня оно абсолютно нелепо и нелепо абсолютно.

Завтра оно станет конституционно-умеренным, расчетливо-благоразумным. Поторопитесь же!

Сегодня мы сила.

Вы видите, государство, отчаиваясь совладать с нами, зовет к себе на помощь буржуазное общество, интеллигенцию.

Но, увы! Его союзники отказываются ему служить, по крайней мере даром, устами своих публицистов они говорят ему: «Мы сами ненавидим тебя; если ты хочешь, чтобы мы тебе служили,—поделись с нами всеми твоими правами; в противном случае—мы лучше пойдем за революционерами-утопистами. Они утописты, мы их не боимся. Только бы с тобою нам совладать, а с ними-то мы справимся!»

И они посылают в ряды наши своих детей, а их интеллигенция, за очень немногими исключениями, принадлежит к которым считается «позором и подлостью»,—их интеллигенция решительно держит нашу сторону.

Народ, изнывающий под гнетом деспотического, грубого, варварского произвола, униженный, ограбленный, разоренный, лишенный решительно всех человеческих прав, слушает нас, сочувствует нам, и, если бы не его рабские привычки, исторически выработавшиеся под влиянием условий окружающей его жизни, если бы не его панический страх перед «властью предрержащею», он открыто восстал бы против своих эксплуататоров и грабителей.

...Довольно вам толковать все о «подготовлении» да «подготовлении».

Подготавливать революцию—это совсем не дело революционера. Ее готовят эксплуататоры—капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революционер же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются благодаря тупости «охранителей», бессмыслию правительств с их жандармами и войсками, — благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда «мирного» прогресса и их буржуазной науки.

Революционер не подготавливает, а «делает» революцию.

Делайте же ее! Делайте скорее! Всякая нерешительность, всякая проволочка — преступны!

В чем должна состоять ближайшая, практически достижимая цель революции

Мы признаем анархию (или, точнее выражаясь, то, что под этим словом обыкновенно подразумевается), но только как желательный «идеал» отдаленного будущего. Однако мы утверждаем, что слово а н а р х и я не выражает собою вполне идеала этого будущего: оно указывает только на одну его сторону, на одну и совсем не существенную черту будущего общественного строя.

Анархия — значит безвластие. Но безвластие есть только одно из неизбежных, логических последствий причины более коренной, более глубокой — равенства.

Точно так же, как и власть есть не причина, как утверждают анархисты, существующего социального зла, а лишь его необходимый результат.

Все общественные бедствия, вся социальная неправда обуславливаются и зависят исключительно от неравенства людей, неравенства физического, интеллектуального, экономического, политического и всякого другого.

Следовательно, пока существует неравенство хотя в какой-нибудь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать власть. Анархия немыслима, немыслима логически (не говоря уже о ее практической невозможности) без предварительного установления абсолютного равенства между всеми членами общества. И потому-то самая существенная, самая характеристическая черта будущего общества и должна выражаться не словом анархия, а словом равенство. Равенство предполагает анархию, анархия — свободу; но и равенство, и анархия, и свобода, все эти понятия совмещаются в одном понятии, в одном слове, в слове братство. Где братство, там

и равенство, где равенство—там и безвластие, там и свобода.

Отсюда само собою следует, что никакая революция не может установить анархию, не установив сначала братства и равенства.

Но, чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первых, изменить данные условия общественного быта, уничтожить все те учреждения, которые вносят в жизнь людей неравенство, вражду, зависть, соперничество, и положить основание учреждениям, вносящим в нее начала, противоположные первым; во-вторых, изменить самую природу человека, перевоспитать его. Осуществить эту великую задачу могут, конечно, только люди, понимающие ее и искренно стремящиеся к ее разрешению, т. е. люди, умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство в силу своего более высокого умственного и нравственного развития всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством.

Следовательно, революционеры—люди этого меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества, необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать властью.

До революции эта власть имеет чисто нравственный, так сказать, духовный характер, а потому она оказывается совершенно бессильной в борьбе с таким порядком вещей, в котором все основано на грубой материальной силе, все подчинено расчету алчного, своекорыстного, хищнического эгоизма. Революционеры это понимают и стремятся путем насильственного переворота обратить свою силу умственную и нравственную в силу материальную. В этой метаморфозе сил и заключается основная сущность всякой истинной революции. Без нее революция немыслима. Умственная сила, изолированная от силы материальной, может создать лишь так называемый мирный прогресс. С другой стороны, всякое нападение на существующий порядок вещей, не руководимое и не дисциплинированное силой умственной, может породить лишь хаотическое брожение, — движение бессмысленное, бесцельное и в конце концов всегда реакционное.

Но так как в современных обществах вообще, и в России в особенности, материальная сила сосредоточена в государственной власти, то, следовательно, истинная революция—действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную—может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами, ближайшая непосредственная цель революции должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правитель-

ственной властью и превратить данное, консервативное государство в революционное.

Отрицать непреложность этого условия, отрицать эту ближайшую цель всякой революции — значит или не понимать ее сущности, или сознательно стараться препятствовать ее практическому осуществлению.

И наша так называемая революционная заграничная пресса поступает вполне последовательно со своей антиреволюционной точки зрения, когда утверждает, что революционеры должны хлопотать не о том, чтобы сосредоточивать в своих руках государственную власть, т. е. материальную силу, а о том, чтобы разрушить эту власть, чтобы оставаться и после переворота такими же бессильными и безоружными, какими они были до революции, каковы они теперь.

Она не хочет истинной революции. Она мечтает или о мирном прогрессе, или о беспорядочном, хаотическом, а потому бесцельном брожении. В обоих случаях ее идеалы не выходят за пределы буржуазного мирозерцания и по существу своему безусловно консервативны. Ее проповедь анархии вполне ей соответствует.

В самом деле, что такое анархия без предварительного практического осуществления идей братства и равенства? Это — хищническая борьба человека с человеком, это — хаос противоречивых интересов, это — господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма — одним словом, это — именно то, что дает содержание так называемому мирному прогрессу, то, что составляет сущность буржуазного общества.

Итак, ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства, с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию.

Таким образом, деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-устроительная...

Упрочив свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществляет социальную революцию рядом реформ в области эконо-

Мических, политических и юридических отношений общества, реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, частного владения, в общину-коммуну, основывающуюся на принципе общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип, — принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу, принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин; 6) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти.

Такова должна быть, по нашему мнению, в самых общих чертах программа деятельности революционного государства. Входить в подробности здесь не место. Но журнал наш ставит одной из своих задач дальнейшее развитие и уяснение этой программы. Мы полагаем, что такое развитие и уяснение в настоящее время существенно необходимы.

Насильственным переворотом не оканчивается дело революционеров, напротив, им оно начинается. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов; а для этого у них должна быть прежде всего ясная, точная, строго определенная, последовательно выдержанная программа. Не имея ее, они будут действовать ощупью, впадать в постоянные, неизбежные противоречия и своею непоследовательностью погубят себя» (*Утопический социализм в России*. С. 378—384).

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Программная статья, напечатанная в № 1 газеты «Земля и воля», издававшейся в 1878—1879 гг. Первый номер вышел 25 октября 1878 г.

«Земля и воля! — вот два магических слова, много раз поднимавшие из глубины России могучие стихийные движения.

Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сих пор глубоко волнуют душу серого крестьянства от одного конца России до другого.

Земля и воля! — вот тот девиз, который написали на своем знамени верные духу и истории своего народа наши предшественники, социалисты-народники 60-х годов.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы...

Революция — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершится в данный период. Вне этой роли, они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли.

Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, а воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова же, без сомнения, остается она теперь для громадного большинства народа.

Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического про-

изводства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и городское социалистическое движение, если бы оно началось независимо от деревень, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на вопрос о социализме аграрном.

По тем же причинам не станем мы предрешать в нашей программе вопросов, касающихся частных форм будущего социалистического строя. Все это вопросы будущего. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из тех элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа. (Хрестоматия по истории СССР, 1857—1894. М. 1952. Т. 3. С. 390—391).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ТЕРРОРЕ НАРОДНИКОВ

Непосредственным поводом опубликования этого правительственного сообщения было убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева революционным народником С. М. Кравчинским 4 августа 1878 г. Это побудило правительство обратиться к «обществу» с призывом о содействии в борьбе с революцией.

«Ряд возмутительных и преступных деяний, предпринятых горстью злонамеренных лиц с целью поколебать существующий в России строй государственного управления, достиг 4-го сего августа крайней степени злодеяния совершением в здешней столице убийства шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева.

Правительство, несмотря на обнаруживавшиеся по временам проявления пропаганды преступного свойства, с особенным долготерпением направляло все подлежащие судебному преследованию дела о пропагандистах путем, указанным законом, воздерживаясь от принятия каких-либо особых, чрезвычайных мер.

Ныне терпение правительства исчерпано до конца; ныне оно считает своим долгом и своею святою обязанностью по отношению к каждому честному и доброму гражданину русского государства оградить общественную, частную жизнь и права собственности от тех правонарушений, которые по их зловредному и преступному свойству задерживают спокойное и правомерное развитие государственной жизни и правильное исполнение разнородными органами управления возложенных на них законом обязанностей...

Ввиду сего правительство отныне с неуклонною твердостью и строгостью будет преследовать тех, которые окажутся виновными или прикосновенными к злоумышлению против существ-

вующего государственного устройства, против основных начал общественного и семейного быта и против освященных законом прав собственности.

Русский народ во всеуслышание провозглашает нарушителей государственного и общественного спокойствия и виновников совершенных преступлений отверженными и с негодованием отворачивается от их кровавой деятельности. Он громко требует и ожидает защиты от законных властей и просит правительство вырвать с корнем позорящее русскую землю зло.

Представители наших сословных и общественных учреждений высказались уже в этом смысле, а целый ряд полученных уже разными правительственными учреждениями частных писем и заявлений от лиц всех классов населения, не исключая и крестьянского, свидетельствуют, что население империи возмущено до глубины души деятельностью преступников и пропагандистов лжеучений, чуждых русскому народу.

Но как бы ни были тверды и стойки действия правительства, как бы строго и неуклонно ни следовали исполнители правительственных мероприятий велениям их долга и совести, с каким бы презрением и гражданским мужеством не относились правительственные власти к повторяемым угрозам шайки злодеев, правительство должно найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать к себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи самых превратных понятий и самых ужасных преступлений.

Русский народ и его лучшие представители должны на деле показать, что в среде их нет места подобным преступникам, что они действительно считают их отверженниками и что каждый верноподданный русского государя будет всеми зависящими от него мерами способствовать правительству к искоренению общего внутреннего врага.

В заключение правительство считает своим долгом обратиться к молодому учащемуся поколению с напоминанием и просьбою зрело обдумать и взвесить прискорбные и тяжкие последствия, которым оно себя подвергает, увлекаясь распространяемыми в его среде лжеучениями. Добросовестное и здоровое отношение к науке, соединенное с трудолюбием, всегда было и будет лучшим и надежнейшим охранителем от вступления на ложный путь соблазна. Встречавшиеся же до сего времени уклонения от этой непреложной, освященной опытом истины, к величайшему прискорбию, уже сгубили безвременно немало жертв из среды моло-

дых людей, по своим способностям подававших надежды на более светлую и полезную для общего блага будущность» (Правительственный вестник. 1878. № 186).

«ВСЕПОДАДАННЕЙШИЙ АДРЕС» ЧЕРНИГОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ

Адрес был принят в предварительном заседании гласных Черниговского земского собрания (в начале 1879 г.) почти единогласно (всеми против двух), но чтение его в официальном заседании не было допущено председателем — губернским предводителем дворянства Н. И. Неплюевым, и в зал заседания, по его распоряжению, были введены жандармы. Автором адреса был один из видных участников «земского движения» И. И. ПЕТРУНКЕВИЧ (1844—1928). Подобные же адреса были составлены и некоторыми другими губернскими земствами (Харьковским, Полтавским, Тверским и др.). Адрес дан с некоторыми сокращениями.

«В № 186 «Правительственного вестника» за 1878 г. напечатано правительственное сообщение¹, приглашающее всех граждан и все сословия России помочь правительству в деле борьбы против возмутительных злодеяний, имевших место в недавнее время. Правительство признает, что только помощь русского народа даст ему силу, способную уничтожить зло.

Такой призыв не может не найти ответа среди земства Черниговской губернии, которое должно тем ближе принимать к сердцу эту задачу, что, представляя собою часть всего русского земства, а следовательно, и совокупность всех лиц и сословий, тем самым живо чувствует и переносит на себе все несчастья, переживаемые русским народом. Глубокие верноподданные чувства к нашему государю и беспредельная любовь к нашей родине заставляют нас выразить правительству те соображения, надлежащая оценка которых, по нашему разумению, может быть, поможет русскому народу залечить раны, так жестоко ему наносимые...

... Борьба с разрушительными идеями была бы возможна лишь в том случае, когда бы общество располагало соответственными орудиями. Эти орудия: слово, печать, свобода мнений и свободная наука. В то время, как анархические идеи распространяются и тайною печатью, и устною пропагандой, общество

¹ См. предыдущий документ.

лишено средств откровенно выражать свои мнения. Общественного мнения не существует, ибо нет органа для его выражения, нет печати, которая руководясь не страхом административных взысканий, грозящих ей, а имея в виду интерес общества, его мирное развитие, его насущные потребности и возможные опасности, пробуждала бы чувство самостоятельности, чувство самосохранения и поддержания основ, на которых зиждется государственный строй.

Провинциальная Россия, т. е. русский народ, стоит под безусловным запретом свободы слова, и его мнения высказываются лишь правительственной нашей администрацией. Само земство лишено возможности иметь не только печатный орган свободного обмена идей по своим ближайшим потребностям; оно лишено даже в собственном собрании свободы выражения мнений, а вместе с тем и возможности заявлять о своих нуждах правительству, несмотря на то, что земством не могут руководить иные чувства и иные побуждения, как желания развития и улучшения благосостояния своей страны.

Происходящая отсюда безмолвность общественных учреждений уничтожает их силу и значение, делает их неспособными к жизни, к действию и тем самым уничтожает в их отдельных членах чувство гражданских обязанностей, чувство гражданского долга... Испорченность нравов, явившаяся у нас под влиянием крепостного права, безответственность и бесконтрольность бюрократии, бессилие суда не позволили развиваться в прежнем обществе уважению к закону. Хотя реформы нынешнего царствования: крестьянская, судебная и земская внесли в наше законодательство совершенно новые начала, но в жизни эти начала не получили надлежащего развития, став в прямое противоречие с некоторыми началами старого строя... Не обладая чувством, заставляющим подчиняться закону, не имея гарантий в законе, не имея общественного мнения, обуздывающего всякие личные, несогласные с общественными интересами стремления, лишенное свободы критики возникающих среди него идей, русское общество представляет разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но неспособную к борьбе. Поэтому земство Черниговской губернии с невыразимым огорчением констатирует свое полное бессилие принять какие-либо практические меры к борьбе со злом и считает своим гражданским долгом довести об этом до сведения правительства» (За сто лет. Лондон, 1897. Ч. 1. С. 143—146).

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Программа была напечатана первоначально в № 3 журнала «Народная воля», вышедшем 1 января 1880 г., а затем выпущена отдельным изданием.

«А. По основным своим убеждениям мы—социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, проходит предварительно через сознание и волю народа. Народное благо и народная воля—два наших священных и неразрывно связанных принципа.

Б. 1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического...

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингиз-хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе еще живы, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться, так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

В. 1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народ-

ники, мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-первых, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно согласно его воле и наклонностям; во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней.

3) Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей.

Г. Подчиняясь вполне народной воле, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее мы будем защищать в Учредительном собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходов, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупно-

сти обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие» (Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 49—51).

К. Д. КАВЕЛИН «РАЗГОВОР С СОЦИАЛИСТОМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ»

КАВЕЛИН КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (1818—1885), виднейший представитель русской общественной либеральной мысли, историк, философ, правовед.

Отрывки из брошюры, вышедшей впервые в Берлине в 1880 г., в России издана анонимно под заглавием «Разговор».

«Социализм как всякое новое учение проявляется в мире двумя моментами, положительным и отрицательным. Положительный момент — это сама доктрина социализма и его будущее, им создаваемое общество. Отрицательный момент сказывается в том отношении, в какое ставят себя социалисты к старому, существующему порядку вещей. Понятно, что между этими двумя моментами должна быть полная гармония...

Нынешние социалисты... в принципе отказываются от насилия. Это можно прочесть, если не во всех, то во многих социалистических изданиях. Но, к сожалению, они отказываются от насилия только в принципе. Они обещают создать царство мира, правды, справедливости, согласия и счастья, но все же это царство должно, по их мнению, начаться—революцией!

Не значит ли это то, что поведение социалистов будет зависеть не только и не столько от их собственной миролюбивой доктрины и уважения к правде и справедливости, сколько от упорства ненавистного им порядка вещей? Но если так, то само собой разумеется, что сидящий нынче непременно и даже **притворно** постарается перед ними заломаться, закобениться, чтобы заставить их и его перекобенить, т. е. постарается довести их до последнего безобразия, и тогда он будет пред ними уже вполне прав...

Неужели в самом деле люди, проповедующие революцию и прибегающие к ней вследствие одной внешней, случайной причины и **наперекор необходимости внутренней**, не понимают того, что революция немыслима без диктатуры? Стало быть, они хотяг создать диктатуру. Но ведь она не новость под луной,—о чем же хлопотать? Да кроме того, из всех диктатур самая жестокая, самая убийственная будет диктатура социалистическая, по той простой причине, что она ему не по характеру, не по нраву. В противоречии с самим собой он будет всех терзать и сам бес-

конечно терзаться. Насильно освобождать кого бы то ни было значит убивать свободу в самом ее источнике, обращать людей в рабов свободы, т. е. в нравственных уродов. И это должно быть делом социализма. Какой позор!..

Мы живем в мире не абсолютных, но относительных величин. Не будет у нас никогда ни полного счастья, ни полной справедливости, ни полной свободы; ожидать в будущем мы можем только большей, против прежнего, доли счастья, справедливости, свободы. Вот эту долю мы и должны искать для каждой данной минуты, а определиться доля может не иначе как совокупностью всех существующих, наличных условий жизни. Нам может принадлежать по праву и по всей справедливости только то, что мы добыли себе собственным трудом. Не это ли основная заповедь социализма?

Когда в истории идет речь о счастье и свободе, то весь вопрос заключается в слове: **сколько?** Каждая эпоха может дать, люди эпохи способны принять только известное, отмеренное количество добра и именно то количество, которое заготовило для них их прошлое. Другими словами: что посеешь, то и пожнешь.

Социалисты желают разложения современного государственного строя. (Я разделяю с ними это желание и убежден, что во всем мире не сыщется человек, который бы захотел, чтобы человеческие учреждения остались навсегда такими, какими мы их нынче видим)...

Но что такое разложение и каким процессом оно достигается? Не иным как процессом созреваия. Зреет ли нарыв, яблоко, человек или государство, они этим самым разлагаются, т. е. переходят постепенно из старых форм в новые, в которых прежнего вида уже признать нельзя, переходят естественно, а не насильственно, ростом, а не революциями. Революция всегда задерживает прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным...

Все сказанное мною я могу подкрепить словами одного из самых уважаемых и ученых современных социалистов — Карла Маркса. Вот что он говорит в предисловии к своему «Капиталу»:

«Та точка зрения, на которой я стою, считает развитие экономических общественных формаций естественно-историческим процессом». Одних этих слов было бы достаточно для людей, умеющих читать, но таких везде очень мало. Маркс не просто сказал — исторический процесс, но счел нужным добавить — естественно-исторический, т. е. такой, где все переходы из одной формы в другую совершаются не насильственно, но сами собой...

К. Маркс так глубоко убежден в необходимости развития общественных формаций, что нисколько не пугается при виде умножения болезненных явлений в современном обществе. Он смело пишет (в том же предисловии): «Мы (немцы), подобно всей остальной континентальной Западной Европе, страдаем не только вследствие развития капиталистического производства, но также от недостатка этого развития». А вот и объяснение неустрашимости Маркса: «Промышленно развитая страна показывает менее развитым картину их собственной будущности». Ибо «дело идет не о высшей и низшей степени развития общественных антагонизмов, происходящих из естественных законов капиталистического производства: дело идет о **самых этих законах, об их тенденциях, действующих с железной необходимостью**».

А каковы эти тенденции, куда ведет их железная необходимость, т. е. сама сила вещей? К их собственному развитию, к их полнейшему вызреванию, следовательно, к разложению их нынешней формы и переходу в иную, высшую форму. Тут совершается тот же самый процесс, какой мы видим во всяком живом организме. Да это и быть иначе не может: что однажды попало в колесо жизни, должно творить ее законы. Не забудем при этом еще одно важнейшее обстоятельство, именно, что социализм не ограничивается одним экономическим вопросом. Он требует реформы во всем, начиная от семейного очага до высшего нравственного идеала включительно. Хотя это страшно усложняет задачу, но настолько же увеличивает степень ее необходимости, неизбежности. «Die Magen frage»¹ отступает в истинном социализме на самый последний план. И это большая ошибка начинать с экономической почвы. Вопрос должен разрешиться прежде в мозгу, в сердце, в нравах...

Пожалуйста, не подумайте, будто я вам проповедую терпение ради терпения или ради нравственной дисциплины. Я с вами рассуждаю не как отвлеченный моралист и рекомендую терпение единственно потому, что считаю нетерпение вредным или по крайней мере бесполезным. Вы хотите, ни мало ни много, переделать весь существующий общественный строй, дать человечеству целое новое мировоззрение и думаете этого достигнуть — чем же? — революцией!! Позвольте спросить вас, сколько десятков лет должна она длиться? Поймите же, что вы сами себя становите в положение абсурдное.

¹ Die Magenfrage (нем.) — вопрос желудка.

—Что же, по вашему мнению, надо нам теперь делать?

—Мой искренний совет был бы следующий: прежде всего вам надо публично и торжественно, **непрерывно торжественно**, всем юношеством и перед лицом всей России заявить, что вы отказываетесь наперед от всякой революционной деятельности, от всякой, и чтобы это стало для всех несомненно; а потом—начать прилежно учиться.

А затем вы и все общество примирите с таким социализмом, который всю свою задачу основывает на воспитанье людей в самых мирных и миролюбивых началах. Да не забывайте никогда еще и того, что вы—юноши русские и имеете дело с народом, уберезженным судьбою от принципов римских, уже и теперь не знающим сословных разделений, с народом как нельзя более веротерпимым и стремящимся к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой самодержавной власти.

—Самодержавной власти?

—Неспрямленно. Вы, если я не ошибаюсь, сторонник общинного начала?

—Без сомнения.

—Но ведь это начало чисто крестьянское, а семидесятимиллионный крестьянский мир не пойдет ни за дворянством, ни за буржуазией. Или вы этого не знаете? Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов.

И нет сомнения, что всюю массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, то есть свободным царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократов. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — **самодержавной республики...**

—Вся будущность России, ее внутреннее спокойствие, ее богатство, просвещение, свобода, прогресс и вместе внешнее ее величие—все это лежит в **правильном и справедливом решении аграрного вопроса**, который у нас нынче на первой очереди. Но кто же тормозит дело? Интеллигенция, одна она, а не верховная власть, для которой в действительности никакой нет выгоды в забитости, нищете и невежестве семидесяти миллионов подданных самых консервативнейших. Если верховная власть и действует иногда как бы в согласии с интеллигенцией, так это с се

стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенции — это злой расчет.

Когда наша интеллигенция вся сполна перейдет, втянется в народ и перестанет отделяться от него не только правами и положением, но и тенденциями своими, когда она перестанет жить обособленной корпорацией, как некая опричнина в земле, т. е. когда она вполне сбросит с себя безнравственную и развращающую ее рознь с народом, тогда Россия станет тем, чем ей быть должно и по демократическому ее складу и по смыслу всей ее прошлой истории, выдвигавшей на первый план только царя и народ. Погнавшись за европейскими образцами, мы сбились с нашего исторического пути. Отсюда все наши ошибки, все невзгоды... Я не стану отвергать того, что такой тяжелый искус нужен был нам, по воле судеб отставшим от цивилизации других народов, но все же не могу смотреть на него иначе, как на временное испытанье, а не всегдашнее наше назначение — вечно оставаться в хвосте других и не иметь ничего своего. И нынче наступил роковой час, когда мы должны сделаться опять самими собою: когда европейская цивилизация уперлась лбом в стену ею самой созданного пролетариата, и сама не знает, как ей быть и что делать, то какую же она может быть нам указницей?

— Я... только попросил бы вас представить мне более ясный образ той политической формы, которую вы считаете самой естественной для России, — сказал N.

— Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представителями: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем **всех**, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал.

— А вы не боитесь злоупотреблений власти?

— Как не бояться их! Но употребить во зло можно все на свете и при всяких порядках.

— Однако чем больше ограждений...

— Тем, конечно, лучше. Но я желаю ограждений не внешних, а внутренних. Ах, господа, пуще всего остерегайтесь средств искусственных: берегитесь, чтобы у вас на место живого царя не воцарилось мертвое ограждение, с которым вы потом сами не справитесь!

Но прошу вас заметить, что верховная власть, при всем ее

желаний, и не может быть вполне гуманною, покуда не гуманные те классы, которые стоят между народом и ею. Вспомните поучительный факт, что в вопросе об освобождении крестьян высшее правительство стало с самого начала на гораздо более либеральную, верную и патриотическую точку зрения, чем вся масса дворянства, и что эта так называемая интеллигенция постаралась испортить эмансипацию, насколько в эту минуту могла, не возбуждая против себя слишком великого негодования народа. Ведь государь был совершенно прав, когда сказал московскому дворянству, а в его лице и всему русскому: «Я опередил вас на пятьдесят лет». И вот этому-то отсталому дворянству вы бы нынче захотели вручить конституционную власть? Или, может быть, вы думаете, что с тех пор наша интеллигенция выросла, исправилась? Так посмотрите, что вокруг нас творится: как только наши передовые люди (очень их у нас немного) заводят в печати или в земствах толки о разорении всего крестьянства, о необходимости прийти ему на помощь, о безбожно малых наделах, о крайнем истощении податной силы, о допущении переселений, о школах, о дешевом кредите и т. д. и т. д., так тотчас вся масса интеллигенции подымет гвалт, толки заглушаются, передовых людей ссылают административным порядком. Не забудьте, что все это совершается при самодержавном царе, что же будет тогда, когда эта интеллигенция станет сама **правлящим классом?**!

—... Я вас виню главным образом за то, что вы затеваете революцию, которая вам нисколько не поможет, потому что народ вы не поднимете, а без него вы бессильны. Да и покуда вы мечетесь во все стороны, грозите, строите заговоры, неистовствуете, тесовый забор наш все крепнет да крепнет, старые гнилые доски заменяются в нем новыми, да потолще, уже припасаются кирпич и увесистый булыжник — на всякий случай, и защитники со всех сторон приманиваются такие, которые сумеют дать отпор кому угодно, и против чего угодно... Если вы мечтаете о том, чтобы для счастья и утешения вашего отечества создать в земле русской плохую копию Западной Европы, ну, тогда вы на самом истинном пути: продолжайте вашу революцию еще и еще. Но если вкус у вас потоньше и помысел повыше, то воздержитесь от всяких безобразий, от всего темного и насильственного, всегда помня, что социальный вопрос есть по преимуществу вопрос нравственный...

Но и помимо этого, Россия, с самого момента появления в ней копии, намалеванной нашими министерскими малярами, вступит в период нескончаемых, безысходных внутренних потрясе-

ний, которые истощат все ее силы и сделают ее не способной ни к какому развитию. Прошу вас обратить внимание на следующее: чем беднее капиталами, чем умственно неразвитее и, ко всему этому, чем малочисленнее правящие классы относительно всей массы населения, тем они будут чувствительнее ко всякому давлению как сверху, от царя, так снизу, от народа; следовательно, им необходимо будет обставить себя самыми страшными, чудовищными привилегиями, которые всею своей тяжестью лягут на народ и постараются придавить его елико возможно. Таким образом наша конституция принесет крестьянству уже не крепостную неволю, но полнейшую кабалу... Мой взгляд на вещи может быть ошибочным, но если он имеет за себя хоть какие-нибудь данные, то это уже обязывает нас к крайней осторожности, должно воздерживать нас от поспешных решений и особенно от грубых революционных приемов, которые вынуждают к торопливости мероприятий в ту или другую сторону.

Разговор наш кончился, но мне не хотелось отпустить от себя N., не взяв с него обещание воздерживаться наперед от всяких революционных попыток...

—Нет, этого я не могу обещать ни за моих товарищей, ни за себя!

—Почему же?—спросил я в изумлении.

—Вот видите ли,—отвечал он,—мне нетрудно было бы соглашаться с вами потому, что сам я не раз приходил к выводам весьма аналогичным. Новостью для меня была одна ваша «самодержавная республика». Но если она меня не ошеломила и я не расхохотался вам в лицо, так это благодаря тому, что у меня тут же промелькнула мысль: почему России, в самом деле, не осуществить самодержавную республику, когда она ухитрилась создать нечто гораздо труднейшее?

—А именно?

—Самодержавную анархию! Разве мы не живем, и довольно-таки давно, в самодержавной анархии?

—Да, вы правы,—невольнo вырвалось у меня,—это—самодержавная анархия! **Везде—власть, все—власть, и нет ее только в центре!** Царский указ имеет силу на Кавказе, в Ташкенте, на границе Индии, в Камчатке, но сам царь в своей собственной столице не может показаться на улице один, без целого конвоя телохранителей!!! Кто же его загнал в Зимний дворец? Не крестьяне же русские, сидящие по деревням, не духовенство смиренное, не купечество толстобрюхое. Так неужели же сотня бесшабашных удалцов? Но если не крестьяне, не духовенство,

не купечество и не гимназисты, так кто же?—Ведь остается одна интеллигенция, жаждущая конституции!

—Ну, вот и доискались!—воскликнул Н. и продолжал.—Один весьма почтенный немец из остзейцев, рассуждая в моем присутствии о поступке Веры Засулич, сказал, что ей следовало бы чулки вязать, а не стрелять в градоначальников, что она делает не свое дело. Конечно, немец говорил сущую правду, против которой спорить нет возможности; да только он упустил из вида одно весьма важное обстоятельство, то, что в России не одна Вера Засулич, но все без исключения делают не свое дело.

Поймите же, что юношество сбито с толку общею неурядицей и бессильно ей противиться. Это обстоятельство очень важное, на которое прошу обратить особенное внимание. Кидаясь в революцию, русская молодежь не имеет ровно никаких идеалов, не имеет понятия ни о существе конституций, против которых вы хотели бы ее предостеречь, ни о существе будущего социалистического государства и строит революцию, решительно не ведая, куда и к чему она может их привести. Она занимается беззаконием в великом царстве беззакония...

—Вы, однако, не желали бы крутых мер и не сказали бы известное: «чем хуже, тем лучше»?

—Избави Бог! Это было бы только лишней прибавкой к существующему хаосу. Прежде всего я бы желал строжайшего и неуклонного исполнения закона во всех сферах, сверху донизу; а затем—полного обеспечения крестьянского хозяйства, или, как вы говорите, справедливого решения аграрного вопроса царскою самодержавною властью и, наконец, податной реформы. Когда мы перевалим через этот главный и труднейший порог, тогда русская жизнь снова потечет самым мирным образом, и все бурные революционные порывы прекратятся сами собой за отсутствием повода... Вы хотите, чтобы я начал останавливать теперь моих товарищей, но это решительно невозможно: они меня не поймут или просто слушать не станут. Вопль, неумолкающий, страшный вопль, всюду поднимающийся с самого дна земли нашей, терзает их юные сердца, мучит воображение, озлобляет душу.

Знайте, что как их, так и меня мог бы спасти—один царь! У нас теперь всюду раздаются вздохи: «Эх, кабы петровская дубинка!!» А я скажу: «Эх, кабы твердое царское слово!..» Народ давно и громко воет, к царю воет, надо, чтобы и царь ему откликнулся: «Слышу, сынку!» И пусть трепещут окружающие его Мордохеи, уже давно с избытком получившие мзду за свою усердную службу.

—Ну, а если такое слово не раздастся?—спросил я.

—Тогда,—отвечал Н.,—будет продолжаться и усиливаться анархия, а с нею и революция, которая, как я уже вам объяснял, есть неизбежный продукт самой анархии точно так же, как бред бывает невольным и неизбежным спутником горячки.

Мои товарищи будут, пожалуй, перед вами хвастать и выставять себя запевалами, идущими впереди всех, увлекающими за собой нацию. Но я знаю, что в действительности это вовсе не так, и снова повторяю вам, что их неудержимо несет общий поток, их гонит и толкает вся совокупность аномальных условий нашей современности. Но тем хуже: ведь они потому только и сильны и страшны, что действуют не от себя, не от своего ничтожества. Все их ужасное значение именно в том, что они—невольное и слепое орудие силы вещей. Если бы революция была их собственным изобретением, вымыслом, мозговым продуктом незрелых голов, не имеющим никакой связи со всею окружающею действительностью, то она могла бы возбуждать в нас только жалость или презрение. Но нет, тут разыгрывается не комедия, а ужасная трагедия, из-за которой грозно поднимает свою голову и глядит сама судьба.

Н. ушел, и тут только я вспомнил, что он—революционер, а между тем—как рассуждает! Да, совсем, совсем не так, как те, что называют себя консерваторами. Эти устроили в России облаву на царя и льстивыми словами заманивают его в свои сети... О, государь, не поддавайтесь! Так говорит вам человек, который никогда у власти ничего не просил, никогда в ней не искал, ни в каком ведомстве не служил и нынче не выставляет напоказ своего имени» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 424—447).

М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ «КОНСТИТУЦИЯ»

Ниже приведены отрывки из «всеподданнейшего доклада министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г.» Наверху первой страницы доклада Александр III в марте 1881 г. сделал следующую надпись: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством».

«Возлагая на меня столь трудные обязанности в тяжкую для России минуту, ваше величество соизволили преподать мне указания на необходимость для успешного выполнения порученной

мне задачи принятия мер, направленных не только к строгому преследованию вредных проявлений социального учения и к твердому упрочению правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событиями минувших лет, но главным образом и к возможному удовлетворению законных потребностей и нужд населения. Действуя с того времени в предуказанном мне вашим величеством направлении и являясь лишь неуклонным исполнителем намерений ваших, государь, могу засвидетельствовать ныне пред вашим величеством, что первые шаги по этому предначертанному высочайшею волею пути принесли уже заметную пользу: постепенное возвращение государственной жизни к правильному ее течению удовлетворяет в значительной степени внутренним стремлениям благомыслящей части общества и укрепляет временно поколебленное доверие населения к силе и прочности правительственной власти в России...

...Смею всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что в видах прочнейшего установления порядка таким настроением необходимо воспользоваться. Великие реформы царствования вашего величества вследствие событий, обусловленных совместными с ними, но не ими вызванными проявлениями ложных социальных учений, представляются до сих пор отчасти не законченными, а отчасти не вполне согласованными между собою. Кроме того, многие первостепенной государственной важности вопросы, давно уже предуказанные державною волею, остаются без движения в канцеляриях разных ведомств. Для окончания реформ и для разрешения стоящих на очереди вопросов в центральных управлениях имеется уже много материалов, добытых опытом прошедших лет и приуготовительными работами. Сенаторские ревизии, имеющие главнойю спосю целью исследование настоящего положения провинции и местных потребностей, должны внести богатый вклад в эти материалы и уяснить местными данными то направление, каюе для успеха дела необходимо будет дать предстоящим преобразовательным работам центральных учреждений, но и эти данные при окончательной разработке их, несомненно, окажутся недостаточными без практических указаний людей, близко знакомых с местными условиями и потребностями.

...Ввиду изложенного нельзя, по моему убеждению, не остановиться на мысли, что призвание общества к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий есть именно то средство, каюе и полезно, и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолюю. Существенно важным и подлежа-

щим зрелому обсуждению представляется при этом лишь способ осуществления этой мысли.

Обращаясь к изысканию этого способа, обязываюсь прежде всего вновь выразить пред вашим императорским величеством, что, по глубокому моему убеждению, для России немыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и предвидеть. Равным образом мне представляется далеко не своевременным и высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм российского государства предложение о пользе образования у нас земской думы или земского собора. Наше время настолько удалилось от периода указываемой старинной формы представительства, по изменившимся понятиям, и взаимным отношениям составных частей русского государства и современному географическому его очертанию, что простое воссоздание древнего представительства являлось бы трудно осуществимым и во всяком случае, опасным опытом возвращения к прошедшему.

При таком воззрении на высказываемые в среде некоторой части общества мнения о необходимости прибегнуть к представительным формам для поддержания порядка в России, и признавая, что мнения эти составляют лишь выражение созревшей потребности служить общественному делу, мне представляется наиболее практическим способом дать законный исход этой потребности в порядке, испытанном уже по мудрым указаниям вашего величества при разработке крестьянской реформы. Порядок этот следует, конечно, применить к потребностям и задачам настоящей минуты.

Исходя из этого основного начала и принимая во внимание, что на местах имеются ныне уже постоянные учреждения, способные представить сведения и заключения по вопросам, подлежащим обсуждению высшего правительства, мне казалось бы, что следует остановиться на учреждении в С.-Петербурге временных подготовительных комиссий, наподобие организованных в 1858 г. редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению с участием представителей от земства и некоторых значительнейших городов.

Состав таких подготовительных комиссий мог бы быть определяем каждый раз высочайшим указанием из представителей центральных правительственных ведомств и приглашенных, высочайшего соизволения, сведущих и благонадежных служащих

и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни.

Председательство в комиссиях должно бы принадлежать особо назначенным по высочайшему доверию, лицам из числа высших государственных деятелей. В состав комиссий войдут и ревизирующие сенаторы по окончании ими ревизий.

Число комиссий должно бы быть ограничено на первое время двумя по главным отраслям, к которым могут быть отнесены предметы их занятий: административно-хозяйственные и финансовые. Каждая комиссия могла бы подразделяться на отделы или подкомиссии.

Круг занятий административно-хозяйственной комиссии могли бы составить нижеследующие предметы ведомства министерства внутренних дел, одновременно или в последовательном порядке:

а) преобразование местного губернского управления, в видах точного определения объема прав и обязанностей оного, и приведение административных учреждений в надлежащее соответствие с учреждениями судебными и общественными, и потребностями управления;

б) дополнение, по указаниям опыта, положений 19 февраля 1861 г. и последующих по крестьянскому делу указаний, соответствующим выяснившимся потребностям крестьянского населения;

в) изыскание способов: 1) к скорейшему прекращению существующих донныне обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам и 2) к облегчению выкупных крестьянских платежей в тех местностях, где опыт указал на крайнюю их обременительность¹;

г) пересмотр положений земского и городского, в видах пополнения и исправления их по указаниям прошедшего времени;

д) организация продовольственных запасов и вообще системы народного продовольствия и

е) меры по охранению скотоводства.

Предметы занятий финансовой комиссии (вопросы: податной, паспортный и др.) подлежали бы определению вашим императорским величеством по всеподданнейшему докладу министра финансов, основанному на предварительном соглашении с министром внутренних дел, тем более что многие из предметов ведом-

¹ Осуществлением этого предложения были законы 28 декабря 1881 г. об обязательном выкупе крестьянских наделов и о положении выкупных платежей.

ства обоих названных министерств находятся в тесной между собою связи.

На обязанности комиссий лежало бы составление законопроектов в тех пределах, кои будут им указаны высочайшею волею.

За сим составленные подготовительными комиссиями законопроекты подлежали бы, по указанию верховной власти, предварительному внесению в **общую комиссию**, имеющую образоваться под председательством особо назначенного высочайшею волею лица из председателей и членов подготовительных комиссий, с призывом выборных от губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, а также от некоторых значительнейших городов, по два от каждой губернии и города; причем в видах привлечения действительно полезных и сведущих лиц, губернским земским собраниям и городским думам должно быть предоставлено право избирать таковых не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению губернии или города ¹.

Из губерний, где земские учреждения еще не открыты, могли бы быть призваны лица по указанию местной власти.

Для занятий общей комиссии могло бы быть назначено крайним сроком не более двух месяцев.

Рассмотренные и одобренные или исправленные общемою комиссией законопроекты подлежали бы внесению в государственный совет с заключением по оным министра, к ведомству коего относится предмет нового законопроекта, причем для облегчения государственного совета в предстоящих ему работах, быть может, вашему величеству благоугодно будет повелеть призвать и в состав его с правом голоса несколько, от 10 до 15, представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности ².

Работа не только подготовительных, но и общей комиссий должна бы иметь значение исключительно совещательное и ли в чем не изменяющее существующего ныне порядка возбуждения законодательных вопросов и рассмотрения их в Государственном совете...

Самый состав общей комиссии будет каждый раз предуказываем высочайшею волею, причем комиссия будет получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ее рассмотрению...

¹ В докладе последние две строчки этого абзаца отчеркнуты на полях карандашом, и против них поставлен вопросительный знак.

² Те же пометки против текста начинающегося со слов «...и в состав его...»

... Между тем такое учреждение может дать правильный исход заметному стремлению общественных сил к служению престолу и отечеству, неминуемо внесет в народную жизнь оживляющее начало и предоставит правительству возможность пользоваться опытностью местных деятелей, ближе стоящих к народной жизни, нежели чиновники центральных управлений.

Соображения эти в связи с возбужденными в благомыслящей части общества радостными ожиданиями дальнейшего развития, великодушно предначертанных вашим императорским величеством преобразований, не могут не заслуживать самого серьезного внимания. Позволяю себе повергнуть пред вами, государь глубокое мое убеждение, что неудовлетворение приведенных выше ожиданиями в настоящее время будет неминуемо иметь последствием, если не полное охлаждение, то, по меньшей мере, равнодушие к общественному делу, представляющее как указ прискорбный опыт недавно истекших лет, самую удобную почву для успеха анархической пропаганды» (Былое. 1918. Кн. 4—5. Апр.-май. С. 162—166).

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА «НАРОДНОЙ ВОЛИ» К АЛЕКСАНДРУ III

Это письмо было напечатано отдельным изданием 10 марта 1881 г. непосредственно после убийства Александра II народолюбцами. Автором письма был публицист и критик Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ (1842—1901), впоследствии фактический редактор либерально-народнического журнала «Русское богатство». Здесь дан конец письма, которому предшествует характеристика социально-политической обстановки, создавшейся в то время в России.

«... Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный комитет сам прекратит свою деятельность и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе

на благо родного народа. Мирная идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что вы—представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам как к гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения Народного Собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходов, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей

стороны безусловно подчинится решению Народного Собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному Народным Собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной» (Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 317—318).

С. Н. ЮЖАКОВ «МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

Статья была написана по поводу предполагавшегося преобразования министерства государственных имуществ в министерство земледелия и государственных имуществ (осуществленного законом 21 марта 1894 г.); напечатана в октябрьской книжке либерально-народнического журнала «Русское богатство» за 1893 г. Автор ее С. Н. ЮЖАКОВ (1849—1910) в 90-х гг. принимал непосредственное участие в этом журнале, во главе редакции которого стояли сначала народники В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко, затем народник Н. К. Михайловский.

Ниже даны отрывки из статьи.

«Преобразование министерства государственных имуществ в министерство земледелия может иметь глубокое влияние на ход нашего экономического развития, но может оказаться и некоторою лишь перетасовкою чиновников, некоторым умножением их числа, перепечаткою бланков, да, быть может, некоторым упорядочением уже заведенных порядков... Все будет зависеть от тех начал, которые будут положены в основу и деятельности, и организации нового ведомства.

... Основание министерства земледелия, как и предполагаемое и давно дебатлируемое основание министерства торговли и промышленности, является громким признанием принципа государственного вмешательства в экономическое развитие. Не извлечение казенных доходов из государственных имуществ ставится главною задачею министерства, а благосостояние населения, пользующегося этим имуществом, его хозяйственные интересы, культура, преуспеяние... Доходы же, конечно, придут затем сами собою. Такова идея преобразования, его историческое значение...

... Если задача государства состоит в охранении безопасности и равной свободы деятельности граждан, то формула государственного невмешательства в экономические отношения—ложная формула... Конечно, оградить население от средневекового раб-

ства входило в задачи государства, как теперь в его задачи входит оградить население от плутократии. Это охранение экономически слабого от экономически сильного составляет, таким образом, первую естественную задачу государственного вмешательства. В принципе эта задача уже повсеместно признана. Гладстоновские ландбилли¹, бисмарковское страхование рабочих, фабричная инспекция, идея нашего крестьянского банка, организация переселений, меры против кулачества — все это попытки применения именно этого принципа государственного вмешательства с целью защиты экономически слабейшего. Выяснить всю широту проблемы, изучить ее составные части, организовать ее осуществление в применении к русскому сельскому быту — может быть великою задачею министерства земледелия...

70-е годы уже наметили задачи. Для 80-х годов наступило время осуществления. Отмена соляного налога², отмена подушной подати³ и понижение выкупных платежей⁴. Эта сторона задачи была выполнена, но ее значение — только облегчить потрясенное хозяйство, не давая средств и возможности его восстановить и развивать. Можно с уверенностью сказать, однако, что без этого серьезного облегчения народного хозяйства бедствие 1891—1892 гг.⁵ было бы много тяжелее. Нельзя даже приблизительно вычислить все последствия этого бедствия, если бы упадок народного хозяйства не был задержан этими высокой важности государственными мероприятиями. Мероприятия эти чисто отрицательного значения, однако, не менее решительны были мероприятия значения положительного. Крестьянский банк⁶ и некоторые меры по регулированию переселений⁷ были выразителями этого стремления осуществить и положительную часть программы, выработанной литературою 70-х годов и разрабатываемую постоянно и детально литературою 80-х годов.

Выселение и колонизация, конечно, важная проблема, но, как выше сказано, она одна не в силах решить всей задачи восстановления народного хозяйства. Крестьянский банк может оказать некоторую помощь, но и он не в состоянии поднять всей задачи, организовать благоприятный *modus vivendi*⁸. Министерство зем-

¹ Ландбилль — аграрный закон.

² Указ 28 ноября 1880 г. об отмене акциза на соль.

³ Указ 18 мая 1882 г. о постепенной замене подушной подати другими налогами.

⁴ Указ 28 декабря 1881 г. о понижении выкупных платежей.

⁵ Голод 1891—1892 гг.

⁶ Учреждение Крестьянского поземельного банка 18 мая 1882 г.

⁷ Закон 13 июля 1889 г. о добровольном переселении на казенные земли.

⁸ *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни.

леделия могло бы еще прийти на помощь, организовав в этом направлении сдачу крестьянским обществам казенных земель, где они сохранились, но особенно организовав казенное лесное хозяйство так, чтобы очередные лесосеки, минуя лесных барышников, служили местному крестьянскому населению для обеспечения его лесными материалами и для промыслов... Другую общую меру было бы регулирование арендного вопроса» (Русское богатство. 1893. № 10. Отд. 11. С. 29—40).

РЕЧЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА В ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ

На заседании совета министров, состоявшемся 8 марта 1881 г. под председательством Александра III, обсуждался выработанный М. Т. Лорис-Меликовым и одобренный Александром II (17 февраля 1881 г.) проект учреждения комиссий для предварительного рассмотрения законопроектов с участием выборных представителей от земства и городов (так называемая «конституция Лорис-Меликова» — см. документ на С. 42). К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ (1827—1907) — обер-прокурор святейшего синода (1880—1905), сыгравший решающую роль в осуществлении мероприятий 80—90-х годов. Речь его приводится с небольшими сокращениями, по записи государственного секретаря Е. А. Перетца. В заседании 8 марта не было принято определенного решения, но речь Победоносцева окончательно убедила Александра III отклонить проект Лорис-Меликова.

«Ваше величество, по долгу присяги и совести я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг...

...И эту фальшь, по иноземному образцу, для нас непригодную, хотяг, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть

неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню вроде французских *états généraux*¹. Мы и без того страдаем от говорильен, которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою ценовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем открыты были земские и городские общественные учреждения — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения — новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления — несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния — остаются безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть, посеивает между людьми мирными, честными семена раздора и

¹ Генеральные штаты — собрание представителей сословий в феодальной Франции. Созванные французским королем (после 175-летнего перерыва) в 1789 г. штаты объявили себя Учредительным собранием.

неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить по иноземному образцу, новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после свершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виноваты в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы в бездеятельности и апатии нашей не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!..

В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!» (Перец Е. А. *Дневник*. М.; Л., 1927. С. 38—40).

«РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЗЕМСТВО В 80-х гг. XIX в.»

Статья из газеты «Русский курьер», издаваемой предпринимателем Н. П. Ланиным (1832—1885).

На последних выборах в уездные земские собрания во многих местностях России выступило на сцену наше третье сословие. Торговый класс, гнездящийся в городах, соединялся обыкновенно с сельским кулачеством и объявлял серьезную войну дворянско-землевладельческому элементу, долго стоявшему у земских дел. Борьба эта в разных местностях велась с неодинаковым успехом. Численная и денежная сила торгового класса уравновешивалась в значительной степени большей служительской способностью дворян, которые издавна являются в России правящим классом, а также непосредственным влиянием на окружающую среду дворянского уездного чиновничества. Мы не говорим уже о некоторых нескромных проделках, допущенных ради потребностей минуты некоторыми дворянами на земских выборах. За образцами ходить далеко не нужно, а достаточно напомнить кинешемские

земские выборы, когда избирательный съезд землевладельцев господствующая дворянская партия открыла тремя часами ранее назначенного срока и тем заставила опоздать к избирательной урне своих новых противников. Благодаря силе и тактике той или другой партии весы победы склонялись в ту или другую сторону. Было много случаев, где новое сословие терпело поражение в самый последний, важный момент, поражение тем более печальное, что оно было вызвано изменой своих же, еще недостаточно дисциплинированных товарищей. Но зато во многих случаях третье сословие одерживало победу над своими противниками и устраняло их от земских дел.

Особенно удачно наша буржуазия вела дело там, где на ее сторону стали молодые прогрессивные элементы дворянства, встреченные враждебно старою дворянскою партией. Но так или иначе завершилась борьба в отдельных случаях, а в настоящее время уже несомненно, что наше третье сословие, русская буржуазия, не ограничивая свою деятельность частными экономическими интересами и предприятиями, стремится завладеть общественно-политическими делами и стать во главе местного самоуправления. Кулачество, столь едко осмеиваемое русскою литературою вообще и сатирою в частности, ныне вступает в ряды заправских общественных деятелей. Не входя здесь в подробное изложение исторических и бытовых причин, выдвинутых и возрастивших нашу буржуазию, мы должны заметить, что особенно опасаться ее вредного влияния на земство нет основания, главное потому, что влияние это носит временный характер.

В утешение же истинных печальников земского дела мы можем сказать, что во всем ее целом буржуазия более прогрессивный класс чем дворянство: она — элемент всесословный, чуждый традиций и сословных предрассудков, а потому и более терпелива к неразделяемым ею общественным взглядам и более доступна новшествам; это же обстоятельство придает в настоящий момент при постоянно назревающих новых потребностях и запросах жизни особую цену буржуазии, особенно если она не чужда интеллигентных представителей, преследуя которых она могла бы только ускорить свое собственное падение. Она их, впрочем, и не преследует. Одолевая на общественном поле старые партии, буржуазия обыкновенно, за редкими исключениями, представляет общественную работу интеллигентным деятелям, оставляя себе лишь влияние и престиж победителя. В этом ее немалая заслуга. В то время как старо-дворянская партия изгоняла из земства молодых интеллигентных дворян, русское кулачество, или торговый класс, охотно принимало их в свою среду

и предоставляло им платные служебные места, не нуждаясь само в куске хлеба.

Конечно, будущее не замедлит показать, как воспользуется буржуазия своим новым положением в земстве и способна ли она на долгое время стать у кормила общественного самоуправления. В настоящее же время еще не достаточно фактов для разрешения общих вопросов о судьбе русского третьего сословия и об его влиянии на ход общественных дел в сфере земских интересов» (Русский курьер. 1884. 14 мая. № 131).

А. Д. ПАЗУХИН «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ И СОСЛОВНЫЙ ВОПРОС»

Эта статья была напечатана в № 1 журнала «Русский вестник» за 1885 г., а затем издана отдельной брошюрой (М., 1885).

ПАЗУХИН Алексей Дмитриевич (1845—1891) — алатырский (Симбирской губ.) уездный предводитель дворянства, затем правитель канцелярии министерства внутренних дел, ближайший сотрудник министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого.

Статья дана здесь в отрывках.

«Более других сословий пострадало в реформенную эпоху русское дворянство. Корпоративная связь между его членами ослабевает. Из состава его ежегодно выбывает значительное число лиц через продажу имений, и дворянство утрачивает мало-помалу значение государственного сословия как опорной силы для верховной власти...

Находясь в единении с правительством при посредстве государственной службы и сохраняя тесную связь с населением при посредстве землевладения, являясь вместе и государственным, и земским сословием, дворянство было связующим звеном между верховною властью и народом. Благодаря этим свойствам оно представляло среду независимую по положению, но солидарную как с правительством, так и с народом...

Социальная нивелировка, начавшаяся с земской реформы, лишила дворянство всех служилых прав как по местному, так и по государственному управлению. Утрата служебных привилегий имела последствием ослабление связи дворянства с правительством, распадение дворянства как корпорации и постепенное падение его авторитета среди населения...

Вся внутренняя политика реформенной эпохи, которая может быть названа противодворянскою, содействовала падению авторитета дворянства среди других классов населения. Пренебреже-

ние сверху не могло не повредить уважению снизу. Не имея свойств политической аристократии Западной Европы, являясь не оппозиционной, а служебной силой верховной власти, русское дворянство не могло вполне сохранить свое высшее положение в стране вопреки авторитету этой власти. Видя, что правительство выражает открытое недоверие дворянству, новые элементы бессословной России не замедлили с ним вступить в состязание из-за влияния и власти...

Но противодворянская политика не могла не отразиться большими недоразумениями в настроении крестьянских масс. Лишение служебных привилегий не могло не смутить население, привыкшее в дворянах видеть царских слуг. Правительственная политика была понята крестьянами в том смысле, что царь наказывает дворян за вражду к нему и неповиновение его воле. Все темные слухи, ходящие в простом народе о переходе помещичьих земель к крестьянам, объясняются не столько невежеством этого народа, обладающего, напротив, большим здравым смыслом, не столько влиянием социалистической пропаганды, встречающей в нем сильный отпор, сколько противодворянской политикой правительства прошлого царствования.

Ненормальное социальное положение дворянства оказало дурное влияние и на дворянское землевладение. Лишившись прав служебных, дворянство перестает дорожить и правом землевладения. Земля, утратившая все преимущества перед другими видами собственности, потеряла значительную долю своей притягательной силы в глазах сословия, привыкшего соединять с владением земель понятие о высшем общественном положении... Дворянство ежегодно теряет из среды своей массу лиц, продающих свои имения единственно потому, что доход с капитала, вырученного от продажи, дает возможность променять тяжелую обстановку деревенской жизни на более покойную и удобную жизнь в городах...

Обрезанное в своих правах, обреченное торжеством бессословного начала на неминуемую смерть, оно утрачивает мало-помалу те свойства, которые сделали из него охрану Русского государства и опору престола...

Если в реформах прошлого царствования мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию, то задача настоящего должна состоять в восстановлении разрушенного... Удовлетворение потребностей сословных корпораций, меры к нормальному развитию сословной жизни должны быть поставлены в основу правительственной деятельности. Только твердая и последовательная политика в этом направлении может

рассеять туманы, в которых блуждает современная мысль, положить предел социальному разложению и восстановить авторитет правительственной власти, утраченный со времени введения в действие земской и судебной реформ. Остановив твердою рукой стремление к дальнейшему систематическому разрушению последних устоев государственной жизни, правительство должно немедленно приступить к исправлению в существующем политическом порядке всего, что содействует ослаблению этих устоев.

Реформа земских и государственных учреждений должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении **представительства от сословий вместо представительства от случайных групп разного рода имущественников**. С введением сословного представительства восстановится значение нравственно-политического начала, в настоящее время вполне подавленного началом эгоистическим, и Россия снова вступит на исторический путь, который один может привести к водворению твердого политического порядка...

Преобразование земских учреждений на начале сословного представительства даст сословиям возможность развития, но одна эта реформа не в состоянии будет остановить современное социальное брожение, ибо останется неприкосновенною фикция о политическом равенстве сословий, об одинаковой их политической правоспособности. Как всякая ложь эта фикция вносит смуту в общественный быт и мешает установлению правильных, нормальных отношений между сословиями. Эти нормальные отношения явятся только тогда, когда дворянство станет снова служилым и вместе высшим земским сословием. Восстановление исторической земско-сословной организации требует также восстановления исторических сословных прав. Только возвратив дворянству его права, а с тем вместе и обязанности по государственной и земской службам, можно скрепить связи между правительством и дворянством и между дворянством и землей. Возвратив себе преимущественные служебные права, дворянство снова станет опорой престола, снова приобретет почетное положение, сделавшись тою притягательною силой, куда будет стремиться все, что выдвигается из других сословий силой ума и дарований. Прекратятся все недоразумения между дворянством и крестьянством, а на элементы бессословной России будет наложена узда, которая остановит дальнейшее развитие в нашем отечестве смуты, хищничества и властолюбивых домогательств.

Указанные две реформы выведут Россию на ту историческую дорогу, с которой она в половине 60-х годов сбилась в сторону, и сделают возможным тот прогресс жизни, без которого невоз-

можно и самая жизнь, всякая остановка которого подвергает страну припадкам иногда неизлечимой болезни. Поставив сословия в нормальные друг к другу отношения, эти реформы дадут помещному дворянству устойчивость и будут содействовать сохранению в руках дворянства земельной собственности...» (Русский вестник. 1885. № 1. С. 25—33, 53—56).

«ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТ» БЛАГОРОДНОМУ РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ (21 апреля, 1885)

Этот рескрипт был своеобразным «ответом» правительства Александра III на требования дворянства, выраженные в статье Пазухина (см. предыдущий документ). Царский рескрипт провозглашал основные положения «контрреформ» 80-х гг. Рескрипт был дан по поводу исполнившегося в этот день столетия со дня опубликования Екатериной II жалованной грамоты дворянству. Дан ниже в сокращении.

«...Дворянство российское, следуя завету предков—служить верой и правдой государеву службу и полагать благородство в верности и честь свою в правде, неуклонно служило царям земли русской главною опорой в управлении государством и в обороне от врагов внешних; в трудные же дни испытаний с беспримерным одушевлением, как один человек, отзывалось на призывы отечества. Сердцу нашему приятно признать сие и царским словом нашим засвидетельствовать...

Во внимание к нуждам помещного дворянского землевладения, во многих местах расстроенного оскудением хозяйственных средств и затруднением кредита, мы повелили министру финансов приступить на указанных нами началах к учреждению особого дворянского земельного банка, дабы дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них долгом их звания¹. Не сомневаясь, что продолжению сей деятельности соответствовать будут доблестные успехи и на других поприщах, издавна указанных дворянству историей и волею монархов, мы для пользы государства признаем за благо, чтобы российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности в здравых началах народного образования...» (Правительственный вестник. 1885. № 87).

¹ Положение о Государственном дворянском земельном банке было утверждено 3 июня 1885 г.

Б. Н. ЧИЧЕРИН «РОССИЯ НАКАНУНЕ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ»

ЧИЧЕРИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (1828—1904) — юрист, историк, философ, представитель русского либерализма.

Основоположник «государственной школы» в русской историографии, сторонник конституционной монархии.

Ниже приводятся фрагменты из его книги «Россия накануне XX столетия».

«Девятнадцатый век был поворотной точкой в русской истории... Одно за другим совершались великие преобразования, которые дали новое устройство русской земле. Прежде всего надобно было отменить крепостное право. Это был вопрос, давно назревший и требовавший разрешения. В то время как в Соединенных Штатах отмена невольничества сопровождалась страшными междоусобиями и была куплена потоками крови, в России она совершилась силою зрело обдуманного и разумно исполненного законодательного акта, которым примирялись обоюдные интересы сословий и полагалось прочное начало новому порядку вещей, основанному на гражданской свободе. В высшей степени трудное дело совершилось мирно и правильно, дружным действием правительства и лучших общественных сил. Но это было только начало. Затем последовал целый ряд преобразований, которыми созидался новый общественный порядок на почве гражданской свободы. Как бы по мановению волшебного жезла явился суд со всеми гарантиями, выработанными законодательствами образованных народов Европы, с несменяемостью судей, с публичностью, гласностью, с судом присяжных. Новые земские учреждения поставлены были в независимое положение. Предварительная цензура была отменена; книги стали выходить беспрепятственно; в журналах обсуждались все общественные вопросы. Наконец, одним из величайших деяний Александра II было преобразование войска. В самом войске водворился новый дух; из машины солдат превратился в человека...

Даже в материальном отношении страна получила новый вид. Она покрылась сетью железных дорог; промышленность получила небывалый подъем. Это был величайший перелом в русской истории. Крепостное дотоле общество каким-то чудом становилось свободным и разом приобретало все условия образованного быта.

Реформы Александра II так быстро изменили весь облик русской земли, что обществу трудно было найтись в этом водовороте. Многим может показаться, что они совершились слишком поспешно, что общество надобно было постепенно приучать

к новому порядку вещей. Но дело в том, что они были слишком долго задержаны. Когда правительство вместо того, чтобы вести народ путем постепенных улучшений, останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстать потерянное время. Умы успели созреть уже настолько, что они не довольствуются полумерами. Преобразования Александра II были наименьшими, что можно было дать русскому обществу, и оно быстрым их усвоением показало, что было к ним готово. Оно бы и справилось с ними, несмотря на быстроту перемен, если бы к этому не примешались явления другого рода.

Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что оно впадает в крайние направления. Одна крайность всегда вызывает другую. Сочинения социалистического и материалистического содержания ходили по рукам в рукописях и брошюрах. Центром этой пропаганды сделалась петербургская журналистика, которая задала себе целью подорвать всякий авторитет и явно проповедовала социалистические и материалистические идеи, выставляя их идеалом будущего, к которому надобно стремиться всеми средствами. Для руководивших ею писателей законный порядок, право, политическая свобода были только пустыми словами или орудиями для достижения иных целей. Мужик, закрепощенный в общину, и фабричный рабочий, связанный по рукам и по ногам в государственной артели, — таков был единственный их идеал.

В то время как русское общество должно было усвоить себе новые для него гражданские начала, требовавшие разумного понимания действительности и бережного отношения к свободе и праву, ему внушали, что все это вздор, что весь существующий порядок обречен на гибель. Социалистическая пропаганда, ведущая свое начало от петербургской журналистики, отравила и доселе отравляет значительную часть русского юношества. Она породила явления, которые сдвинули Россию с пути правильного развития и открыли широкие двери реакции.

Казалось бы, что правительство могло найти в здоровых элементах опору против этих стремлений. Но тут было затруднение другого рода, порожденное точно так же системою предшествовавшего царствования. Оно заключалось в том глубоком недоверии к правительству, которое под гнетом николаевского деспотизма укоренилось в русском обществе. Не только люди крайних мнений, но и вся мыслящая часть общества привыкла смотреть на правительство как на своего врага. Ни защитники, ни противники нововведений не верили в твердость и последователь-

ность правящей власти. Этому в значительной степени способствовали те колебания, которым подвергались преобразовательные стремления, и те интриги, которые велись противоположными партиями вокруг престола. Когда же преобразования были установлены на твердой почве закона, исполнение их было вверено людям, не внушавшим ни малейшего доверия обществу. Понятно, что при таких условиях правительство, совершавшее величайшие преобразования, не находило в обществе надлежащей поддержки.

При таком настроении социалистическая пропаганда, естественно, не встречала противодействия. В то самое время как с высоты престола даровалась свобода двадцати миллионам русских людей, как происходил величайший переворот в русской истории, издавались печатно-подпольные прокламации, приглашавшие к истреблению не только всей царской семьи, но и всего дворянства и высшего чиновничества.

Не так легко было справиться с внутренним брожением. Увлеченная социалистическою пропагандою часть русской молодежи пошла в народ... Очевидно, все это имело в виду произвести восстание дикой массы против правительства и высших классов. Меры, которые принимала испуганная власть, только усиливали зло. Все это, разумеется, могло произвести только большее озлобление. По всем углам России ссыльными разносились революционные идеи. Нигилисты сложились в крепкую организацию... Начался целый ряд убийств. Подобно тому, как сумасшедший проявляет иногда изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей, русские нигилисты как будто направили весь свой ум и всю свою волю на то, чтобы сбить Россию с правильного пути, водворить в ней полный хаос и тем самым в конце концов вызвать самую суровую реакцию. Одно время потерявшее голову правительство думало обратиться к содействию общества. Изготовлен был даже проект созыва выборных лиц для совещания по законодательным вопросам. Но безумные нигилисты не дали совершиться этому делу. Убийство царя положило конец всяким либеральным начинаниям...

Утверждение власти, способной подавить обнаружившиеся в таких ужасающих размерах революционные стремления, было, бесспорно, потребностью времени после события 1 марта. Но недостаточно стремиться к усилению власти; надобно знать, в чем заключается ее сила. Она состоит не в одних механических орудиях; их было в избытке. Дело в том, что сила власти не истощается материальными средствами; надобно, чтобы к этому присоединился духовный элемент — тот нравственный авто-

ритет, который привлекает к правительству доверие и уважение народа. Но для приобретения нравственного авторитета надобно опираться на здоровые и крепкие элементы общества. Это в особенности необходимо там, где приходится лечить глубоко укоренившуюся болезнь. Между тем реакция, наступившая после трагической смерти царя-освободителя, действовала как раз наоборот. Она обратилась не только против гнилых соков, но и против самых здоровых элементов общества. Всякая независимая сила, всякая общественная самостоятельность считались опасными. Утверждение власти было вверено исключительно старой, оказавшейся никуда не годной и потерявшей всякий авторитет бюрократии...

Противоположное направление, напротив, обнимало собою всю волнуемую молодежь, исполненную благородных стремлений, но лишенную всякого разумного руководства. Этот элемент еще менее, нежели первый, мог способствовать правильному развитию русской общественной жизни. Скорее, он был для нее величайшей помехой. Социализм есть бессмысленное отрицание всего существующего общественного строя во имя фантастического будущего; что же он мог дать гражданскому порядку, кроме разрушения?

Благодаря социалистической пропаганде русское общество лишилось плодов великих преобразований Александра II. Именно эта пропаганда вызвала реакцию; она же продолжала служить ей главной опорой. Когда недоучившиеся юноши сходились в тайные организации и возмущали народ на фабриках, то для полиции это была пожива. Лучшего себе оправдания она не могла найти.

В русском обществе не было недостатка в здоровых силах, но они были принижены и затеряны среди крайних направлений.

В дореформенное время лучшие умы наметили уже всю программу будущих преобразований; поэтому они и совершались так легко. Обязанность мыслящих людей в настоящее время состоит в том, чтобы точно так же выяснить себе и обществу назревшие задачи русской жизни.

Для всякого мыслящего наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, нас разъедающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которой сверху донизу опутано русское общество. Корень того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлеывает всю русскую жизнь. Это — зло стародавнее, но казалось, что мы

нашли из него выход. Великое значение преобразований Александра II заключалось именно в том, что, устраивая русское государство на новых для него началах свободы и права, они давали общественным силам возможность стать на свои ноги. Эти преобразования обнимали, однако, не все стороны государственной жизни. Рано или поздно противоречие между старым и новым должно было сказаться: или бюрократия должна была подавить независимые общественные силы, или последние должны были изменить приемы и привычки бюрократического управления. Нигилистическое движение дало карты в руки бюрократии, и она воспользовалась этим для подавления общественных сил и для искажения созданных реформой учреждений. Очевидно, что возвратиться к нормальному порядку можно, только положив предел бюрократическому произволу.

Но ограничить бюрократию невозможно, не коснувшись той власти, которой она служит орудием и которая еще чаще служит ей орудием, то есть неограниченной власти монарха. Пока последняя существует, безграничный произвол на вершине всегда будет порождать такой же произвол в подчиненных сферах. Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли, и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыв себя высочайшим повелением... Против такого взгляда, без сомнения, поднимется вопль со стороны всех теоретических и практических поклонников самодержавия, которые видят в нем нечто такое, что неразрывно срослось с самой жизнью русского народа... Из всех этих разглагольствований можно принять во внимание весьма немногое. Раболопные толки о мистическом единении царя с народом, которое существует будто бы только у нас и нигде более, тогда как история западноевропейских стран представляет тому самые назидательные примеры, следует предоставить официальным адресам, чиновничьим донесениям и известного разряда газетным статьям. Seriously обсуждать вопрос можно только с политической точки зрения. Воображать, что один и тот же образ правления пригоден для народа, находящегося в крепостном состоянии, и для гражданского быта, основанного на свободе, есть политический абсурд... Но как скоро крепостное право отменено внизу, так требуется упразднение его и наверху. Когда подумаешь, что единая воля вовсе к тому неподготовленного лица, не имеющего ни высоких способностей, всегда составляющих исключение, ни надлежащего опыта в государственных делах, должна по собственному усмотрению управлять миллионами людей, со всеми бесконечно сложными отношениями, вытекаю-

щими из свободы, то все безумие подобного порядка вещей представляется с полной ясностью... Вообразить, что монарх по собственному почину, в силу великодушного побуждения ограничит свою власть, значит, не знать человеческой природы. К этому присоединяется влияние окружающих, которых личные интересы все связаны с сохранением этой власти, под сенью которой они проводят свои корыстные виды. Благовидных же предлогов к ее сохранению всегда можно найти множество: и народное чувство, и историческое призвание, и мнимая польза отечества, и распадение государства на части, одним словом, все те признаки, которые обыкновенно пускаются в ход, чтобы не допустить ограничения произвола...

У нас внешняя катастрофа может ускорить процесс общественного сознания. Она может последовать неожиданно-негаданно. Поводов к столкновениям при нынешнем напряженном состоянии Европы слишком много. Державы стоят во всеоружии друг против друга, постоянно увеличивая свои военные силы, и всякая искра может произвести пожар...

Россия должна пробудить в себе подъем народного духа, а это возможно сделать только полной переменой всей внутренней политики. Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе... Пробудится ли в ней сознание этого высокого назначения? Но придет ли это сознание путем правильного внутреннего развития или будет оно куплено ценою потоков крови и гибели многих поколений, покажет будущее. Может быть, и у нас появится государственный человек, который поймет задачи времени и сумеет двинуть Россию на путь, указанный ей историей. Во всяком случае, оставаться при нынешнем близоруким деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть изменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической. Рано или поздно, тем ли или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит на необходимости вещей. Сила событий неотразимо приведет к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия» (Новое время. 1990. № 4).

Г. В. ПЛЕХАНОВ «ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ»

Ниже приведена статья ПЛЕХАНОВА Георгия Валентиновича (1856—1918), написанная им в 1909 г. для центрального органа социал-демократической партии Германии «*Vorwärts*».

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа «Освобождение труда». И первым литературным произведением этой группы была брошюра автора этих строк: «Социализм и политическая борьба».

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, состояло в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространившиеся ее «социально-революционными» противниками.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоих течений, существовавших в нашем движении до образования группы «Освобождение труда». Одно из этих течений связано с именем П. А. Лаврова, другое — с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он тогда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и **никогда** не выступал ни **против социал-демократии** вообще, ни **против германской социал-демократии** в частности. Но он **никогда** также не защищал ее от нападок анархистов. В своей газете «Вперед!» он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука об руку с анархистами.

Лавров обеими ногами стоял на почве **утопического социализма**. Его взгляд на историю был чисто **идеалистический**. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних **экономических отношений**. России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду «**чистого социализма**». Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его как опасное отклонение от мирной **пропагандистской деятельности**. Этой причины вместе с его неисправимым **эклектизмом** было совершенно достаточно, чтобы его влияние на

русскую революционную молодежь быстро пришло к концу. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником исторического материализма, положил этот анализ в основу своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Он исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того, он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития капитализма и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная агитация и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести такую агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавших среди русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия.

Мы видели, таким образом, что «бунтарство» (народничество) в отношении своего идейного содержания хромало на обе ноги. Но бунтари имели большое преимущество: это были энергичные люди дела. И чем настойчивее они пытались осуществить свое дело, чем больше энергии они проявили в своей агитации в народе, тем отчетливее выступало непримиримое противоречие между логикой их учения и объективной логикой русской общественной жизни.

Будучи верны заветам Бакунина, они хотели бороться с «государством». Но в России им приходилось бороться не с госу-

дарством как с таковым, не с понятием государства, а с конкретным русским полицейским государством. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую «политику» изменой революции, неминуемо приобретала определенный политический характер. Логика общественной жизни вынуждала русских революционеров сделать то, что им, с точки зрения их теории, представлялось изменой.

Мало того. Наши «бунтари» возлагали свои надежды на крестьян, которых они считали прирожденными коммунистами. Пролетариат промышленных центров интересовал их лишь постольку, поскольку он мог помочь сохранить или восстановить связь с деревней. Те же элементы его, которые всецело утратили эту связь, представлялись им чисто отрицательным общественным явлением — печальным продуктом разрушения старых экономических «основ» народной жизни. Но деревенский «прирожденный коммунист» оставался глух ко всем революционным призывам, между тем как промышленный пролетариат уже тогда охотно к ним прислушивался. Так произошло то, что люди, считавшие своей исключительной задачей вести агитацию среди крестьянства, с удивлением увидели, что серьезные успехи они могут отметить только среди рабочих. Логика общественных отношений и здесь находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины.

Но и это еще не все. Учение бунтарей гласило, что освобождение народа может быть делом только самого народа¹. Но революционная агитация, наталкивавшаяся на огромные политические затруднения, все более и более вырождалась у нас в так называемый терроризм, т. е. в посидинок горсти готовых на все революционеров с правительством. Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западноевропейские социалисты с Марксом и Энгельсом во главе видели в русском терроризме блестящее выражение мощи революционного движения в России. В действительности же терроризм был признаком слабости его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством. Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния.

Достаточно было нескольких лет агитационной практики, чтобы от теории бунтарей не осталось камня на камне. Наши

¹ Так формулировали тогда в России известный лозунг Интернационала, согласно которому освобождение рабочих должно быть делом только самих рабочих (прим. Г. В. Плеханова).

тогдашние революционные теоретики, к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, металась в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все прорехи старой теории... Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего «нелегального» положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западноевропейским движением и западноевропейским научным социализмом.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич¹ — одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы, затем П. Аксельрод, А. Дейч, В. Игнатов и я. Каждый из нас принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей.

И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Теория Маркса, подобно аriadниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое развитие русского капитализма, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

... Эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой рево-

¹ Составители сочли необходимым поместить письмо Карла Маркса Вере Засулич, так как оно имеет методологическое значение для осмысления русского социализма.

люции, — именно **борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма.**

Эта теория указывает также, какие условия необходимы для успешности этой борьбы. Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в **классовое движение пролетариата**, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Таковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре «Социализм и политическая борьба», эпиграфом для которой я взял слова «Коммунистического манифеста»: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

На нападки Лаврова и Тихомирова¹ я ответил своей книгой «Наши разногласия», в которой подверг анализу экономические отношения России на основании доступных мне тогда статистических данных и доказывал, что развитие капитализма в России, которое так пугало наших противников, является делом не более или менее проблематического будущего, что оно уже **происходит в настоящее время** и неизбежно принимает все более широкие размеры.

Наши противники не могли ничего возразить против наших экономических и статистических доводов. С тем большим жаром возвещали они *urbi et orbi*² о нашей готовности поступить на службу к капитализму.

Я вынужден был ответить этим господам (под псевдонимом Бельтова) в моем сочинении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшем в Петербурге в начале 1895 года³.

Если старые предрассудки революционеров упорно были против нас, зато вся экономическая и политическая действительность России была решительно за нас. Каждый новый шаг в развитии этой действительности доказывал правильность наших взглядов, и мы твердо держались за них, не давая вводить себя в заблуждение направленными против нас возражениями.

Впрочем, наши идеи очень скоро встретили сочувственный отклик в России.

¹ Публицист, член организации «Народная воля».

² Всюду и везде.

³ Под «монистическим взглядом на историю» я понимал исторический материализм, который я, однако, не хотел назвать своим именем, чтобы не дразнить цензуру (прим. Г. В. Плеханова).

Однако вторая половина восьмидесятых годов была периодом упадка революционного движения, энергия которого была исчерпана напряженностью предыдущего десятилетия. По этой причине наши идеи, несмотря на единичные успехи, должны были пройти через известный подготовительный период, который затянулся до самого начала девяностых годов. Голод 1891 г. послужил сигналом для нового подъема революционного движения. И только тогда стало ясно, какое широкое распространение нашли себе наши идеи за время этого подготовительного периода. Я мог бы указать на целый ряд образовавшихся тогда групп «народовольцев», которые в своих писаниях, к ужасу «старых народовольцев», дословно повторяли наши взгляды. О рабочих и говорить не приходится: классово-сознательные элементы их безоговорочно становились под знамя социал-демократии...

Своеобразие нашей истории последнего времени заключалось в том, что даже европеизация идей нашей буржуазии происходила под флагом марксизма: идеологи прогрессивной буржуазии с г. П. Струве во главе некоторое время рядом с нами боролись с публицистами народничества. В борьбе с народниками, которые к этому времени пришли в жалкое состояние и потеряли всякий революционный облик, идеи Маркса были решающим оружием. Поэтому ими пользовались не только идеологи пролетариата, но и идеологи буржуазии. Между тем последним теория Маркса нужна была только для борьбы с народниками. Как только эта борьба была закончена, буржуазные публицисты поспешили отречься от учения Маркса. В нашей «легальной» литературе началась «ревизия» марксизма, которая зашла у нас дальше, чем где бы то ни было.

Эта «ревизия», разумеется, нисколько не удивила и не огорчила нас. Нам достаточно того, что социал-демократическое знамя стало в настоящее время знаменем всех классово-сознательных элементов русского пролетариата и что события 1905—1906 гг. полностью подтвердили правильность того нашего убеждения, которое я еще в 1889 г. на Парижском международном конгрессе выразил словами: «Революционное движение в России восторжествует совсем». В настоящее время банальные, опровергнутые народнические догмы не собьют больше с истинного пути русских рабочих. Рабочие теперь в общем и целом понимают стоящие перед ними социально-политические задачи. Этим пониманием они в значительной степени обязаны теории и практике германского рабочего движения» (Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. М., 1940. С. 13—20).

КАРА МАРКС. ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ

Лондон, 8 марта, 1881 г.

ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна (1849—1919) — русская революционерка-марксистка.

«Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» (Капитал, франц. изд., стр. 315).

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса точно ограничена странами Западной Европы. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом завершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить

тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам, Карл Маркс» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947, с. 240—242).

П. Б. СТРУВЕ «МОИМ КРИТИКАМ»

СТРУВЕ ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ (1870—1944), экономист, философ, публицист, главный представитель «легального марксизма» и его теоретик. Критик утопических идей народничества, автор «Манифеста РСДРП» (1898). Осенью 1894 г. выпустил книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которой была изложена программа «легальных марксистов». В октябре 1905 г. вошел в ЦК кадетской партии.

Публикуемая статья была помещена в сборнике журнальных статей «На разные темы» (1902).

«Книга «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» вызвала довольно значительное количество отзывов. ... Предлагаемая же реплика—плод вполне естественной потребности по возможности скорее ответить на целый ряд критических отзывов и устранить некоторое, к сожалению изрядное, количество недоразумений, в них заключающихся.

Наши оппоненты, стремящиеся уличить нас в стремлении прислуживаться к буржуазии, насаждать капитализм и обезземеливать крестьян, совершенно не понимают теоретической позиции, занимаемой нами, и воистину зря тратят заряды. Г. Михайловский сам давно бесповоротно осудил всех тех, кто теперь старается (и, между прочим, значит и самого себя) выставить «учеников» прислужниками капитализма. «Надо доподлинно знать, что исторический процесс действительно неизбежно таков, каким его рисует Маркс»,—и тогда «столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью должно разрешиться в пользу необходимости».

Столкновение, указываемое г. Михайловским, действительно, устранено теми, или, точнее, оно никогда не существовало для тех, кто, взяв себе в руководство материалистическую теорию Маркса, не побоялись смело взглянуть в глаза действительности. В ней они констатировали условия, необходимые для развития капитализма. Не всякий исторический процесс неизбежно таков, каким его рисует Маркс, но хозяйственные условия России XIX века представляют картину развивающегося капитализма, и нет таких общественных сил, которые могли бы остановить его развитие (не говоря уже о том, что последнее несет с собою далеко

не одно зло). Отсюда прямая обязанность — не просто поддаваться импульсам нравственного чувства, а сознательно сделать последнее фактором исторической необходимости. С нашей точки зрения ясно, каким путем простое и по большей части пустопорожнее «моральное негодование» может быть превращено в действенную историческую силу. Оно должно быть приурочено к интересам того общественного класса, которому по условиям развития производительных сил суждено быть носителем общественного прогресса и высших нравственных идеалов... Во-первых, русское общество в его целом потому нуждается в капиталистической выучке, что только эта выучка, развивая производительные силы страны, создает и будет создавать условия культурного прогресса и предпосылки новой более высокой экономической формации. Во-вторых, только капиталистическая выучка может взрастить классовое самосознание — этот могущественный рычаг общественного развития. В-третьих, только капиталистическая выучка внесет во взаимные отношения общественных классов полную ясность, которая сделает совершенно невозможной путаницу понятий о роли интеллигенции и государства в экономическом процессе, до самого последнего времени, можно сказать, безраздельно господствовавшую у нас. Капиталистическая выучка уничтожит тот фантом всеильной неклассовой интеллигенции, который до сих пор есть главный устой веры в самобытное экономическое развитие. Фантом этот, конечно, объясняется реальным и весьма веским фактом существования задач, общих различным общественным классам. Но такой общей задачей не может быть уничтожение капитализма, т. е. экономического господства данного класса над другим. И возлагать на интеллигенцию подобную задачу значит впадать в утопизм не только бесплодный, но и вредный.

И кто может утверждать, что Маркс не признавал значения капиталистической выучки в только что указанном смысле? В знаменитом манифесте есть красноречивые страницы, рисующие культурно-воспитательное значение буржуазии... Во всех трех томах «Капитала» достаточно аналогичных мест. Значение же капитализма для развития классового самосознания — ведь это одна из основных нот учения Маркса. И не даром же эпиграфом своей заключительной главы я взял слова из предисловия к «Капиталу»: «Нас мучает не только развитие капиталистического производства, но также недостаточное его развитие». Этих слов не мог бы написать ноющий народник. Народники, наоборот, восторгались каждым доказательством недостаточного развития капитализма в России, забывая, что не отсутствие проти-

действующих сил, а наличность сил, действующих в определенном направлении, создает движение вперед.

Вот в каком смысле сказал я: «пойдем на выучку капитализма». Это значит: станем сознательно на почву данных капиталистических отношений с их классовыми противоречиями. Это вовсе не значит — для меня, по крайней мере, — «будем служить буржуазии», ибо капиталистические отношения подразумевают не одну буржуазию, но и ее антипода, везде, а тем более у нас, нуждающегося в капиталистической выучке.

Народник рассуждает так (типический образчик подобного рассуждения представляет статья г. Михайловского о моей книжке): Русский крестьянин хочет экономической самостоятельности, и я, представитель его интересов, требую для всех и каждого из русских крестьян такой самостоятельности. «Народный» идеал становится моим идеалом. Между тем марксист, испорченный западноевропейской наукой, ищущий понять совершающийся экономический процесс, сличает идеал с действительностью. Сличение показывает, что в действительности есть условия, искажающие идеал настолько, что он становится совершенно неприемлемым. Условия эти могут быть формулированы в трех словах: господство товарно-хозяйственных отношений. При этих условиях, в то время как Сидор достигает экономической самостоятельности, и даже экономической силы, Петр теряет ее, и это результат не каких-либо злоумышлений, и даже не дурной политики, а закономерного развития данной экономической формации, необходимо развивающей в себе классовые противоречия. Русский мужик никогда, даже в эпоху блаженной памяти крепостного права или «народного производства», не был на одно лицо, а теперь уж так явственно раскололся, что всякий народолюбец обязан уяснить себе кого, Петра или Сидора, защищает он, и кому из них пойдут на пользу проектируемые им реформы. Ведь с нашей точки зрения почти все эти реформы (очень многие из них безусловно необходимы) приведут Россию к пышному расцвету капитализма даже гораздо более верным и прочным путем, чем вывозные премии и высокий таможенный тариф. Этого большинство народников и народничающих либералов до сих пор не понимает; поэтому-то они недовольны скептическим отношением к народническим реформам г. Николая — он, который, очень твердо зная, что товарное производство в своем развитии неизбежно родит капитализм, утешается только тем, что русский капитализм — дитя якобы мертворожденное, и что вместо него мы увидим «обобщественный» труд, появление которого объясняется доверчивым россиянам приблизительно так

же, как обыкновенно родители и няньки объясняют детям появление на свет нового братца или сестрицы» (Струве П. Б. **На разные темы (1893—1901): Сб. статей.** СПб., 1902. С. 1—17).

Эд. БЕРНШТЕЙН «УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ»

БЕРНШТЕЙН ЭДУАРД (1850—1932), немецкий публицист и политический деятель. Представитель наиболее радикального крыла германской социал-демократии.

Во второй половине 1890-х гг. в убеждениях Бернштейна начался перелом и им была опубликована серия статей и книг под общим названием «Проблемы социализма», ставивших под сомнение предсказания Маркса относительно дальнейшего хода капиталистического развития и обосновавших ненасильственное преобразование буржуазного строя на пути демократических реформ.

В результате борьбы, возникшей вокруг этих книг, германская социал-демократия раскололась на два крыла: бернштейнианское, или ревизионистское и ортодоксальное.

Направления, аналогичные бернштейнианству, появились во Франции, Италии (там оно называлось реформизмом) и в других странах.

Последователями бернштейнианства в России были «экономисты» — Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др. «Экономизм» как направление российской социал-демократии появился в конце 90-х гг. XIX в.

Ниже публикуются фрагменты из книги Эд. Бернштейна «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии».

«Задачи и возможности для социал-демократии»

... Что такое демократия?

Ответ на него кажется весьма простым: на первый взгляд его можно ограничить переводом: «народное правление». Но уже после небольшого размышления видно, что это определение — чисто поверхностное... Мы ближе подойдем к предмету, если выразимся отрицательно и переведем: «демократия — отсутствие классового господства», обозначая тем такое состояние общества, в котором ни один класс не пользуется специальными привилегиями по сравнению с целым обществом. Этим самым дастся уже объяснение, почему монополистическая корпорация, по существу, антидемократична.

В понятии «демократия» заключается для современного мировоззрения известное правовое представление об одинаковых правах всех членов общества, и в нем-то находит свои границы господство большинства, к которому сводится в каждом конкретном случае народное правление. Чем глубже это представление внедрено и чем шире оно владеет общественным сознанием, тем

в большей степени становится демократия равнозначущей с наибольшей возможной свободой для всех.

Само собой разумеется, что демократия и беззаконие не одно и то же. Не отсутствием всяких законов демократия может отличаться от других политических систем, а лишь отсутствием таких, которые создают или допускают изъятия, основывающиеся на собственности, происхождении и исповедании, — не совершенным отсутствием законов, ограничивающих права отдельных лиц, а устранением всех законов, ограничивающих всеобщее правовое равенство, т. е. одинаковые права всех. Если демократия и анархия, таким образом, две вещи совершенно разные, то было бы неуместной игрою понятий, при которой исчезла бы всякая разница, применять такие выражения, как деспотизм, тирания и пр., к демократии как общественному строю потому лишь, что в ней вопросы решаются заключениями большинства и от каждого требуется, чтобы он признавал законы, проведенные большинством. Конечно, демократия не есть абсолютная гарантия против законов, которые тем или другим отдельным лицам могут показаться тираническими. Но в наше время можно быть почти всецело уверенным, что большинство в демократическом обществе не издаст никакого закона, который нарушил бы личную свободу на продолжительное время, так как сегодняшнее большинство может завтра сделаться меньшинством и закон, угнетающий меньшинство, будет угрожать самим членам теперешнего большинства... На практике скорее обнаружилось то, что чем дольше просуществовали в современном государстве демократические порядки, тем в большей степени возросло уважение и внимание к правам меньшинства и тем более потеряла партийная борьба свою прежнюю остроту¹. Люди, которые не могут представить себе осуществление социализма без актов насилия, увидят, пожалуй, в этом аргумент против демократии, и в социалистической литературе действительно не было недостатка в подобных голосах. Но тот, кто не обольщает себя утопическим представлением, будто современные нации распадутся под влиянием продолжительной революционной катастрофы на ряд совершенно незави-

¹ С этой точки зрения достойно замечания, что сильнейшие нападки на мои прегрешения против идеи диктатуры пролетариата вышли из среды поданных наиболее деспотически управляемого государства в Европе — России и нашли себе наибольший отклик в... Саксонии, где правящие классы пожертвовали в интересах порядка сносным демократическим избирательным правом в ландтаг в пользу избирательного бесправия по трехклассной системе, между тем как у социалистов более демократических стран мои статьи встретили либо безусловное одобрение, либо значительное признание.

симых друг от друга групп, увидит в демократии нечто большее, нежели политическое средство, годное лишь до тех пор, пока оно служит для рабочего класса орудием для того, чтоб покончить с капиталом. Демократия есть в одно и то же время и средство, и цель. Она — средство завоевания социализма и вместе с тем форма его осуществления. Она, правда, не в состоянии совершить чудеса. Она не в состоянии в стране, подобно Швейцарии, где промышленный пролетариат образует меньшинство населения, передать этому пролетариату политическую власть. Она не в состоянии также и в такой стране, как Англия, где пролетариат составляет многочисленнейший класс населения, сделать этот пролетариат владыкою промышленности, когда он отчасти вообще не обнаруживает к тому никакой склонности, а отчасти не чувствует еще себя в силах справиться со связанными с этим господством задачами. Но и в Англии, и в Швейцарии, а также во Франции, в Соединенных Штатах, в скандинавских государствах и т. д. она оказалась могучим рычагом социального прогресса.

Демократия есть принципиально уничтожение классового господства, если оно фактически еще не значит уничтожение классов. Часто говорят о кооперативном характере демократии и, в известном смысле, с полным правом. Абсолютизм или полуабсолютизм обманывает своих носителей, равно как и противников, относительно объема их власти. Оттого мы встречаемся в странах, где он господствует или еще существуют его традиции, с непомерно широкими планами, с напыщенной речью, с «зигзагообразной» политикой, с боязнью переворотов и надеждою на подавление. В демократии партии и стоящие за ними классы вскоре узнают пределы своей власти и берутся всякий раз лишь за такие предприятия, какие при данных обстоятельствах они благоразумно могут надеяться осуществить. Даже если они формулируют свои требования в несколько более крайней форме, чем какою они в сущности готовы удовольствоваться, дабы быть в состоянии сбавить их при неизбежном компромиссе — а демократия есть высшая школа компромисса, — то это происходит при соблюдении надлежащей меры. Таким образом, в демократии даже крайняя левая носит как бы консервативный характер, и реформы, благодаря равномерности своего движения, кажутся более медленными, нежели они суть на деле. Все же относительно их направления ошибиться трудно. Избирательное право в демократии делает каждого ее, потенциально, пайщиком в обществе, и это потенциальное участие должно в конце концов привести к фактическому пайщичеству. У неразвитого по числен-

ности и образованию рабочего класса всеобщая подача голосов может долго служить лишь правом лично выбирать своего господина; с ростом же численности и образования рабочих она становится орудием к превращению народных представителей из господ в настоящих слуг народа. Если английские рабочие подают на парламентских выборах свои голоса за членов старых партий и с формальной стороны, таким образом, являются лишь хвостом буржуазных партий, то скорее этот хвост заставляет вилять голову — особенно, в промышленных округах, — нежели наоборот. Мы не говорим уже о том, что расширение избирательного права в 1884 г. в связи с реформой муниципального представительства дало английской социал-демократии право гражданства в качестве политической партии...

Но всеобщее избирательное право есть лишь часть демократии, хотя именно такая, которая в конце концов должна повлечь за собою и другие подобно магниту, притягивающему к себе рассеянные железные частицы. Это, правда, совершается медленнее, чем иной раз хочется, но оно все-таки совершается. И социал-демократия не может споспешествовать этому процессу лучше, чем когда она без оговорок — даже и в теории — становится всецело на почву всеобщего избирательного права и демократии со всеми вытекающими отсюда для ее тактики следствиями.

На практике, т. е. в жизненных отношениях, она в сущности всегда так поступала. Но в своих заявлениях ее литературные представители часто протестовали, да и теперь еще часто протестуют против этого. Фразы, которые составлены были в эпоху, когда повсюду в Европе неограниченно царила привилегия собственности, и которые при таких обстоятельствах были понятны и до известной степени даже справедливы, но ныне являются лишь мертвым баластом, окружаются каким-то благоговением, как если бы прогресс движения зависел от них, а не от живого сознания того, что можно и должно сделать. Имеет ли, напр., смысл повторить фразу о диктатуре пролетариата в такое время, когда во всевозможных учреждениях представители социал-демократии практически становятся на почву парламентской работы, пропорционального представительства и народного законодательства, противоречащих диктатуре? Она в настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласовать ее с действительностью, как путем отнятия у слова «диктатура» его фактического значения и придачи ему какого-нибудь смягченного смысла. Вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали

бы возможным и необходимым переход современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений. В сознании того, что они пионеры высшей культуры, ее приверженцы черпают бесконечное вдохновение и воодушевление, и на нем покоится также в последнем счете и нравственное оправдание стремления к общественной экспроприации. Но классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, и независимо от вопроса о целесообразности и осуществимости надобно признать за шаг назад, за политический атавизм мысль о том, будто переход из капиталистического общества в социалистическое должен непременно совершиться под формами развития эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь в самой несовершенной форме современные методы пропаганды и проведения законов и не доставало необходимых к тому органов.

Я именно говорю: переход из капиталистического общества в социалистическое, а не «из буржуазного (*bürgerlich*¹) общества», как выражаются теперь часто. Это употребление слова «*bürgerlich*» образуют отличную почву для недоразумений у друга и недруга. Вина отчасти лежит на стороне немецкого языка, который не имеет подходящего слова для обозначения равноправного гражданина общества отдельно от привилегированного гражданина.

Нынче всякий знает, что имеют в виду, когда говорят о борьбе против буржуазии и упразднении буржуазного общества. Но что значит борьба или упразднение гражданского (*bürgerlich*) общества? Что значит оно именно в Германии, в наикрупнейшем и самом влиятельном государстве которой, в Пруссии, речь все еще идет о том, чтоб избавиться как-нибудь от значительной доли феодализма, стоящего на пути гражданского развития? Никто не думает о том, чтобы желать исчезновения современного общества как граждански благоустроенной формы общности. Напротив. Социал-демократия не имеет в виду упразднить это общество и превращать его членов в пролетариев: она скорее стремится к тому, чтобы поднять рабочего с социального положения пролетария на уровень гражданина и таким путем сделать гражданство всеобщим. Она не хочет на место гражданского (*bürgerlich*) поставить пролетарское общество, а лишь заменить капиталистический общественный строй социалистическим.

Наконец, можно еще порекомендовать соблюдать меру при

¹ «Bürger» по-немецки значит и «гражданин» и «буржуа». Этимологически это одинаково с русским «гражданин» и французским «citoyen»; Burg — город — cité.

войнственных выходках против «либерализма». Совершенно верно, что великое либеральное движение нового времени оказало большие услуги прежде всего капиталистической буржуазии, и партии, которые присвоили себе имя либеральных, были или сделались с течением времени телохранителями капитализма. Между этими партиями и социал-демократией может, естественно, царить лишь одна вражда. Но что касается до либерализма как всемирно-исторического движения, то социализм не только хронологически, но и по духовному содержанию своему является его законным наследником. Демократия есть лишь политическая форма либерализма. Будучи движением, направленным против подчинения народов учреждениям, навязанным извне либо черпающим свой *raison d'être* в традиции, либерализм старался войти в жизнь прежде всего в виде принципа суверенитета времен и народов.

То, что... выдавалось за политический либерализм, было лишь ограничения и приспособления, соответствовавшие или достаточные для потребностей капиталистической буржуазии по низвержению старого режима, точь в точь как манчестерская доктрина была лишь смягченным выражением и односторонней формулировкой основных положений, провозглашенных классиками хозяйственного либерализма. Фактически нет ни одной либеральной мысли, которая не входила бы также и в идейное содержание социализма. Даже принцип личной хозяйственной ответственности, который, по-видимому, всецело принадлежит к манчестерской доктрине, не может быть, по-моему мнению, ни теоретически отвергаем социализмом, ни практически устраняем при каких бы то ни было обстоятельствах. Без ответственности нет свободы; мы можем быть какого угодно теоретического мнения относительно свободы действия, но практически должны исходить из нее как из основы нравственного закона, так как лишь при этом условии возможна общественная мораль. И точно так же невозможна здоровая социальная жизнь в век обмена в наших государствах, насчитывающих миллионы, если не предполагается личная хозяйственная ответственность всех способных к труду. Признание личной хозяйственной ответственности есть эквивалент, платимый личностью обществу за оказанные ей услуги.

Либерализм имел своей исторической задачей разбить оковы, которые налагали на развитие общества стесненное хозяйство и соответствующий правовой порядок средних веков. То обстоятельство, что он вскоре принял прочную форму буржуазного либерализма, не опровергает того, что он выражает гораздо более

широкий общественный принцип, завершением которого будет социализм. Социализм не хочет создать никаких новых оков. Личность должна быть свободною, — не в метафизическом смысле, как мечтают анархисты, т. е. свободною от всякого экономического принуждения в своем движении и выборе профессии. Подобная свобода для всех возможна лишь через посредство организации. В этом смысле социализм можно было бы назвать также и организационным либерализмом, так как если ближе рассмотреть организации, которых социализм требует и при том в той форме, в какой он их требует, то окажется, что то, что прежде всего отличает их от схожих по внешности феодальных учреждений, — это именно либерализм, т. е. их демократическое устройство, их доступность.

Чтобы демократия не превзошла еще в приумножении бюрократов централизованного абсолютизма, она должна быть построена на широко разветвляющемся самоуправлении с соответствующей личной хозяйственной ответственностью всех административных единиц, равно как и всех совершеннолетних граждан. Ничто не может быть вреднее для нормального развития, как принудительное единообразие и излишнее количество протекционизма. Они затрудняют или мешают всякому рациональному различению между жизнеспособными и паразитическими учреждениями. Когда государство, с одной стороны, устраняет все законодательные препятствия к организации производителей и вручает профессиональным союзам под известными условиями, не дающими им вырождаться в монополистические корпорации, известные права и полномочия в деле контроля индустрии, так что в наличности существуют все гарантии против понижения заработной платы и перерабатывания, и когда, с другой стороны, при помощи описанных выше учреждений приняты меры к тому, чтоб никто не принуждался внешней нуждою отчуждать свой труд на недостойных условиях, — когда все это так, общество может равнодушно относиться к тому, существуют ли еще рядом с публичными и кооперативными предприятиями такие, которые ведутся частными лицами для своей собственной прибыли. Они сами собою с течением времени примут кооперативный характер.

Создать или, если они уже существуют, содействовать дальнейшему развитию описанных учреждений есть необходимое предварительное условие того, что мы называем обобществлением производства. Без них так называемое присвоение средств производства имело бы своим вероятным последствием лишь безмерную трату производительных сил, бессмысленно экспериментирование и бесцельное насилие, и политическое господство рабо-

чего класса осуществилось бы на деле лишь в форме диктаторско-революционной центральной власти, подкрепляемой террористической диктатурой революционных клубов.

Как управятся при полной демократии общины и прочие центры управления со своими задачами и в какой степени они будут заниматься ими, покажет само будущее. Одно только ясно: они тем больше и тем опрометчивее будут экспериментировать, а потому подвергаться тем большему риску и неудачам, чем внезапно они придут во владение своих прав, и они тем осторожнее и практичнее будут подвигаться и тем больше спешествовать благу общества, чем дольше упражнялась рабочая демократия в школе самоуправления.

Как ни проста кажется демократия на первый взгляд, но ее задачи в развитом обществе, подобно нашему, далеко не так легко поддаются разрешению.

Меня занимает не то, что произойдет в далеком будущем, а то, что может и должно быть сделано в настоящее время для него самого и для ближайшего будущего. И вот, выводом из всех этих замечаний является то весьма банальное положение, что завоевание демократии, выработка политических и хозяйственных органов демократии есть необходимое условие осуществления социализма. Если мне возразят, что надежды на достижение этого без политической катастрофы в Германии чрезвычайно малы, — даже больше, почти не существуют, что немецкое бюргерство становится все более и более реакционным, то для данного момента оно, быть может, и верно, хотя и опровергается некоторыми явлениями. Но долго продолжаться так дело не может. То, что именуется буржуазией представляет весьма разнороднейший класс, состоящий из всевозможных слоев с разнообразнейшими и разнородными интересами. Эти слои в конце концов держатся вместе лишь тогда, когда они видят себя либо одинаково притесняемыми, либо в одинаковой опасности. В данном случае речь, естественно, может идти лишь о последнем. Буржуазия образует однородно-реакционную массу потому, что все ее элементы чувствуют себя в одинаковой опасности со стороны социал-демократии, — одни в своих материальных, а другие — в идеологических интересах, т. е. их религии, патриотизме, желании избавить родину от ужасов насильственной революции.

Но это совершенно лишне. Социал-демократия не угрожает ей, каждому в одинаковой степени, и уж наверное, никому как личности. Она сама вовсе уж не так бредит насильственной революцией против всего не пролетарского мира. Чем яснее это будет сказано и доказано, тем скорее исчезнет этот своеобразный страх, так как многие элементы буржуазии, чувствуя себя при-

тесняемыми с другой стороны, скорее восстанут против этих притеснений, распространяющихся также на рабочую массу, нежели против рабочих: они охотнее вступят в союз с рабочими, нежели с этими притеснителями. Быть может, эта вспомогательная армия не вполне надежная; но уж наверное нельзя воспитать хороших союзников, заявляя им, что мы, дескать, поможем вам слопать врага, но вслед затем мы слопаем вас. Так как речь никоим образом не идет о всеобщей и одновременной насильственной экспроприации, а лишь о постепенном упразднении путем организации и закона, то демократическое развитие, наверное, не пострадает от того, что мы с этою фактически уже устаревшей легендой распростимся и в фразеологии.

Феодализм с его застывшими и неизменными порядками пришлось почти повсюду разбивать силою. Либеральные порядки современного общества именно тем и отличаются от тех, что они гибки и доступны переменам и развитию. Их нет надобности разбивать: их надобно лишь развивать дальше. Для этого нужны организации и энергическое действие, а не необходима революционная диктатура. «Так как классовая борьба имеет своей целью упразднить классовые различия вообще», писал некоторое время тому назад (октябрь 1897 г.) социал-демократический орган Швейцарии, «то надобно логически установить период, когда должно начаться осуществление этой цели, этого идеала. Это начало, эти один за другим следующие периоды содержатся уже в нашем демократическом развитии, которое помогает нам постепенно заменить классовую борьбу созданием социальной демократии и, так сказать, растворить ее в ней». «Буржуазия, какого бы оттенка она ни была», — недавно заявил испанский социалист Пабло Иглесиас, — «должна убедиться в том, что мы не желаем насильственно овладеть властью при помощи тех средств, которыми она когда-то пользовалась, т. е. насилия и кровопролития, и желаем достичь этого законными средствами, приличествующими цивилизации».

Орган социалистической английской рабочей демократии «Clarion» присовокупил к перепечатанной выдержке из моей статьи следующие комментарии:

«Создание настоящей демократии — такова, я убежден, настоятельная и существеннейшая задача, которая нам предстоит. Таков урок, преподанный нам нашей десятилетней социалистической кампанией. Таково учение, вытекающее из всего моего знания и опыта в области политики. Прежде, чем социализм может осуществиться, необходимо выработать нацию демократов» (Бернштейн Эд. *Условия возможности социализма и задачи социал-демократии*. СПб., 1906. С. 154—179).

ЧАСТЬ II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

КАДЕТЫ

Либерально-буржуазная партия конституционных демократов (кадетов) оформилась в октябре 1905 г. С января 1906 г. имела второе название — партия народной свободы.

Лидеры: П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, А. И. Шингарев, П. Д. Долгоруков, М. М. Винавер, В. И. Вернадский, Ф. Ф. Кокошкин, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков и др. В ходе гражданской войны большая часть руководителей кадетов оказалась за границей.

ПРОГРАММА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ВЫРАБОТАННАЯ УЧРЕДИТЕЛЬНЫМ СЪЕЗДОМ ПАРТИИ 12—18 ОКТЯБРЯ 1905 г.

I. Основные права граждан

1. Все российские граждане без различия пола, вероисповедания и национальности равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены.

2. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами. Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки.

3. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом.

4. Всем российским гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом для обсуждения всякого рода вопросов.

5. Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

6. Право петиций предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам, собраниям и т. п.

7. Личность и жилище каждого должны быть неприкосновенны. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускаются только в случаях, установленных законом, и не иначе как по постановлению суда. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях империи не позднее, как в течение 3 суток со времени задержания, должно быть освобождено или представлено судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

8. Никто не может быть подвергнут преследованию иначе, как на основании закона — судебной властью и установленным законом судом. Никакие чрезвычайные суды не допускаются.

9. Каждый гражданин пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется.

10. Все вышеозначенные права граждан должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой.

11. Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

12. Русский язык должен быть языком центральных учреждений, армии и флота. Употребление наряду с общегосударственным местных языков в государственных и общественных установлениях и учебных заведениях, содержащихся на средства государства или органов самоуправления, регулируется общими и местными законами, а в пределах их — самими установлениями. Населению каждой местности должно быть обеспечено получение начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке.

II. Государственный строй

13. Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом.

14. Народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов без различия вероисповедания, национальности и пола.

Партия допускает в своей среде различие мнений по вопросу об организации народного представительства в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию.

15. Народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации.

16. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

17. Государственная роспись, в которую должны быть внесены все доходы и расходы государства, устанавливается не более как на один год законодательным порядком. Никакие налоги, пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке.

18. Членам собрания народных представителей принадлежит право законодательной инициативы.

19. Министры ответственны перед собранием народных представителей, членам которого принадлежит право запроса и интерpellации.

III. Местное самоуправление и автономия

20. Местное самоуправление должно быть распространено на все Российское государство.

21. Представительство в органах местного самоуправления, приближенное к населению путем учреждения мелких самоуправляющихся единиц, должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании без различия пола, вероисповедания и национальностей, причем собрания высших самоуправляющихся союзов могут быть образованы путем избрания собраниями низших таких же союзов. Губернским земствам должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собой.

22. Круг ведомства органов местного самоуправления дол-

жен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния и за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти с представлением в пользу органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

23. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

24. После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия и осуществления законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения.

25. Немедленно по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами в Царстве Польском вводится автономное устройство с сеймом, избираемым на тех основаниях, как и общегосударственное представительство, при условии сохранения государственного единства и участия в центральном представительстве на одинаковых с прочими частями империи основаниях. Границы между Царством Польским и соседними губерниями могут быть исправлены в соответствии с племенным составом и желанием местного населения, причем в Царстве Польском должны действовать общегосударственные гарантии гражданской свободы и права национальности на культурное самоопределение и должны быть обеспечены права меньшинства.

IV. Суд

26. Финляндия. Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами империи и Великого Княжества.

27. Все отступления от начал судебных уставов 20 ноября 1864 года, устанавливающих отделение судебной власти от

административной (несменяемость, независимость и гласность суда и равенство всех перед судом), как внесенные позднейшими новеллами, так и допущенные при самом составлении уставов, упраздняются. В этих видах прежде всего: а) не подлежит никаким ограничениям правило о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда; б) всякое вмешательство министра юстиции в назначение на судебские должности или перемещение судей, а тем более в производство судебных дел, устраняется. Судьи наград не получают; в) ответственность должностных лиц определяется на общем основании; г) компетенция суда присяжных определяется исключительно тяжестью наказания, назначенного в закон безотносительно к роду дел, причем, однако, этой компетенции во всяком случае подлежат все преступления государственные и против законов о печати. Суд с сословными представителями упраздняется. Компетенции выборного мирного суда подчиняются и дела волостной юстиции. Волостной суд и институт земских начальников упраздняются. Требование имущественного ценза как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя отменяется; д) восстанавливается принцип единства кассационного суда; е) адвокатура организуется на началах истинного самоуправления.

28. Независимо от этого в осуществлении наиболее назревших и бесспорных требований уголовной политики и процесса: а) смертная казнь отменяется безусловно и навсегда; б) вводится условное осуждение; в) устанавливается защита на предварительном следствии; г) в обряд предания суду вводится состязательное начало.

29. Ближайшей задачей является полный пересмотр уголовного уложения, отмена постановлений, противоречащих началам политической свободы и переработка проекта гражданского уложения.

V. Финансовая и экономическая политика

30. Пересмотр государственного расходного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или своим размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа.

31. Отмена выкупных платежей.

32. Развитие прямого обложения за счет косвенного; общее понижение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы потребления народных масс,

33. Реформа прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и поимущественного обложения; введение прогрессивного налога на наследство.

34. Соответствующее положение отдельных производств, понижение таможенных пошлин в видах удешевления предметов народного потребления и технического подъема промышленности и земледелия.

35. Обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита.

VI. Аграрное законодательство

36. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-землевладельцев, государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке.

37. Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный фонд. Начала, на которых земли этого фонда подлежат передаче нуждающемуся в них населению (владение или пользование, личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России.

38. Широкая организация государственной помощи для переселения, расселения и устройства хозяйственного быта крестьян. Реорганизация межевого дела, окончание размежевания и другие меры для подъема благосостояния сельского населения и улучшения сельского хозяйства.

39. Упорядочение законом арендных отношений путем обеспечения права возобновления аренды, права арендатора, в случае передачи аренды, на вознаграждение за произведенные, но неиспользованные к сроку затраты, на улучшение и учреждение примирительных камер для регулирования арендной платы и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами. Открытие законного пути в судебном порядке для понижения непомерно высоких арендных цен и уничтожения носящих кабальный характер сделок в области земельных отношений.

40. Отмена действующих правил о найме сельских рабочих и распространение рабочего законодательства на сельскохозяйственных рабочих, применительно к техническим особенностям земледелия.

лия. Учреждение сельскохозяйственной инспекции для наблюдения за правильным применением законодательства по охране труда в этой области и введение уголовной ответственности сельских хозяев за нарушение ими законодательных норм по охране труда.

VII. Рабочее законодательство

41. Свобода рабочих союзов и собраний.

42. Право стачек. Наказуемость правонарушений, совершаемых во время или по поводу стачек, определяется на общем основании и ни в коем случае не может быть увеличиваема.

43. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзор инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

44. Введение законодательным путем восьмичасового рабочего дня. Немедленное осуществление этой нормы всюду, где она в данное время возможна, и постепенное ее введение в остальных производствах. Запрещение ночных и сверхурочных работ, кроме технически и общественно необходимых.

45. Развитие охраны труда женщины и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах.

46. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

47. Обязательное при посредстве государства страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний с отнесением издержек за счет предпринимателей.

48. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

49. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

VIII. По вопросам просвещения

Народное просвещение должно быть организовано на началах свободы, демократизации и децентрализации его, понимая под этим осуществление следующих начал:

50. Уничтожение всех стеснений к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией.

51. Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания.

52. Между различными ступенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от низшей ступени к высшей.

53. Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах, увеличение их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения. Свободная организация студенчества.

54. Количество средних учебных заведений должно быть увеличено соответственно общественной потребности; плата в них должна быть понижена. Местным общественным учреждениям должно быть предоставлено широкое участие в постановке учебно-воспитательного дела.

55. Введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе. Передача начального образования в заведование органов местного самоуправления. Организация органами самоуправления материальной помощи нуждающимся учащимся.

56. Устройство органами местного самоуправления образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек, народных университетов.

57. Развитие профессионального образования.

Постановление съезда 14 октября 1905 г.

В настоящее время по всей России происходит беспрецедентное по размерам и по характеру движение организованных рабочих масс. Движение это неразрывно связано со всем предшествовавшим ходом борьбы за свободу, и для сторонников прав народа не может быть сомнения в том, как следует отнестись к совершающимся событиям. Огромное политическое значение этих событий сознается всеми без различия партий: даже крайние враги и самые ослепленные противники начинают понимать, что дело идет о чем-то несравненно более серьезном, чем простые одиночные вспышки стихийного недовольства. Движение проявляет теперь уже ту высшую степень силы, которая характеризуется самообладанием; из стихийного оно быстро превращается в организованное и сознательное и быстро научается управлять само

собою. Движение знает, чего хочет и к чему стремится, и организуемая ныне конституционно-демократическая партия считает себя обязанной определить свое отношение к целям движения.

Требования забастовщиков, как они формулированы ими самими, сводятся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в Учредительное собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малейшего сомнения, что все эти цели — общие у них с требованиями конституционно-демократической партии. Ввиду такого согласия в целях, учредительный съезд конституционно-демократической партии считает долгом заявить свою полнейшую солидарность с забастовочным движением. На своем месте и доступными партии средствами члены партии стремятся к осуществлению тех же задач — и подобно всем остальным борющимся группам решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти. По тем или другим причинам эта власть, плохо осведомленная и еще хуже подготовленная к удовлетворению запросов времени, с трудом собирается сделать сегодня, что нужно было делать вчера, и, таким образом, всегда приходит слишком поздно. Она провозглашала децентрализацию губернаторской власти, когда Россия требовала политической свободы. Она объявляла веротерпимость, но в пределах существующих законов. Она обещала ввести перемены, потребность в которых «назрела», и в то же время объявляла наиболее «назревшую» потребность в политическом представительстве минутным и ошибочным увлечением. Она, наконец, согласилась признать серьезность этого «увлечения» и попробовала удовлетворить его цензовым придатком к бюрократическому органу законодательства.

Доверие к обещаниям правительства вконец подорвано всеми этими бесконечными проволочками и политическими подтасовками. Русский народ устал ждать и не хочет более терпеть над собой бюрократических упражнений в реформах. Русский народ достаточно богат зрелыми политическими силами, чтобы самому распорядиться своей судьбой, — он более не нуждается в опеке временщиков.

Вопрос теперь уже не в том, быть или не быть в России политической свободы и не в том, согласятся ли ввести ее сверху. Вопрос только в том, осуществится ли свобода путем насильственным или мирным: путем стихийного взрыва или организованного действия народной силы. И с этой точки зрения консти-

туционно-демократическая партия горячо приветствует крупный шаг народа на том пути, на котором стоит сама: организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно-могучего.

От правительства зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе или превратить его в кровавую бойню. Наученное опытом 9-го января правительство, может быть, остережется повторить его и не решится еще заслужить эпитета убийц. Но если оно все-таки это сделает, пусть оно знает, что все, что есть в России просвещенного и сознательного, стоит на стороне народа. Конституционно-демократическая партия предоставляет себе право, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение: но удастся ли ей это или нет, она наперед отождествляет себя с народными требованиями и кладет на весы народного освобождения все свое сочувствие, всю свою нравственную силу и окажет ему всяческую поддержку. Бюро съезда: В. И. Вернадский, М. М. Винавер, И. В. Гессен, кн. П. Д. Долгоруков, Ф. Ф. Кокошкин, А. М. Коллюбакин, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский, А. И. Лутугин, А. Н. Максимов, М. А. Мандельштам, П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев, И. А. Петровский, С. Н. Прокопович, В. А. Розенберг, М. В. Сабашников, Н. В. Тесленко, Н. Н. Черепанов, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Шнитников.

Постановление съезда 18 октября

Ознакомившись с Высочайшим манифестом 17 октября и с всеподданнейшим докладом гр. Витте, учредительный съезд конституционно-демократической партии пришел к следующим заключениям: 1) основные принципы политической свободы, равноправности и всеобщего избирательного права, выставленные на своем знамени русским освободительным движением, получили в опубликованных документах далеко не полное признание. Манифест ограничивается лишь простым перечислением основных прав, заменяя притом выражение «свобода печати» неясным выражением «свобода слова», и признает «общее» избирательное право только как результат «дальнейшего развития» установленной ныне избирательной системы. Начала политической и гражданской равноправности и конституционного государственного устройства упоминаются лишь в докладе, в глухих и иносказательных выражениях, и вовсе не упоминаются в Манифесте; 2) осуществление признанных манифестом начал новой полити-

ческой жизни поставлено в такие условия, при которых не может быть никакой уверенности в полноте и последовательности этого осуществления. Провозглашение основных прав не сопровождается развитием их в законодательных нормах, а расширение избирательного права ставится в рамки того короткого срока, который остается до выборов по старому закону, причем самое основание избирательной системы сохранилось прежнее. Исполнение данных манифестом обещаний остается в руках людей, политическое прошлое которых не внушает народу никакого доверия. При этих условиях выполнение намеченных манифестом задач является, безусловно, невозможным в пределах предстоящей избирательной кампании; 3) расширение законодательных прав Думы сделано в таких выражениях, которые все еще допускают возможность ограничения их несогласием государственного совета. Правда, в докладе предусматривается возможность дополнения государственного совета выборным элементом, но, без сомнения, и такая реформа государственного совета не может сделать это учреждение достойным разделять законодательную власть с народными представителями. Ответственность министров по-прежнему ограничивается оценкой «закономерности» их действий с устранением возможности критиковать их «целесообразность»; 4) действие усиленной охраны и других исключительных законов не отменяется манифестом, и лица, подвергшиеся преследованию за так называемые политические и религиозные преступления, не получают амнистии; 5) так как при изложенных условиях — ограниченного расширения избирательных прав и законодательной власти Думы и невозможности гарантировать применение начал свободной политической жизни к предстоящей избирательной кампании — Государственная дума не может быть признана правильным народным представительством, то задачей конституционно-демократической партии остается достижение поставленной раньше цели — Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания, причем реформированная в силу Манифеста 17 октября Государственная дума может служить для партии лишь одним из средств на пути к осуществлению той же цели с сохранением постоянной и тесной связи с общим ходом освободительного движения вне Думы; 6) наиболее целесообразным выходом из настоящего положения конституционно-демократическая партия считает: а) немедленное осуществление обещанных Манифестом основных прав и немедленную же отмену исключительных законов; б) немедленное введение избира-

тельного закона на основании всеобщего голосования для непосредственного созыва, вместо Государственной думы по закону 6-го августа, Учредительного собрания для составления основного закона; в) немедленное удаление из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование, и составление временного делового кабинета, полномочия которого должны прекратиться с созывом народных представителей и составлением кабинета из представителей большинства; 7) безусловно необходимой и особенно настоятельной мерой является в настоящее время полная амнистия по так называемым политическим и религиозным преступлениям; 8) не ожидая удовлетворения намеченных требований, конституционно-демократическая партия предоставляет себе фактическое осуществление всех обещанных Манифестом, но не закрепленных точными определениями закона условий политической свободы (Непролетарские партии в России. Гомель, 1990. С. 51—64).

ЭСЕРЫ

Партия эсеров (социалистов-революционеров) создана в конце 1901—начале 1902 г. в результате объединения народнических групп.

Лидеры: Н. А. Авксентьев, Г. А. Гершуни, А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Б. В. Савинков, М. А. Спиридонова, В. М. Чернов и др.

Партия эсеров прекратила существование после гражданской войны, когда часть ее лидеров была осуждена за антибольшевистскую деятельность, остальные эмигрировали.

ПРОГРАММА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

(Утверждена съездом партии в декабре 1905 г.)

Современная Россия в своем историческом развитии входит во все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя при этом, однако, ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения.

Социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и за всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности, предполагает не только развитие безличных классовых антагонизмов, но и вмешательство сознательных борцов за истину и справедливость. Его необходимым условием является рост человека над естествен-

ными силами природы в соответствии с ростом населения и его потребностей.

Но в современном буржуазном обществе рост этот совершается не на началах планомерно организованного общественного хозяйства, а на началах разрозненности и конкуренции индивидуальных хозяйств, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал и отлучения от них непосредственных производителей.

Поскольку эти буржуазно-капиталистические формы ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах, постольку современному хозяйственному развитию присущи отрицательные разрушительные стороны: анархия производства, достигающая крайних проявлений в кризисах; бесплодные расточения хозяйственных сил: материальная невыгодность высших хозяйственных форм при дешевизне рабочих рук или легкости косвенной эксплуатации самостоятельных производителей; бедствия и необеспеченность рабочих масс; своекорыстная борьба всех против всех за существование и привилегированное положение; разлагающая все моральные основы власть денег.

Поскольку же в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений, тем не менее, происходит, хотя односторонние и неполно, развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах, постольку же хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для будущего социалистического строя и содействуя объединению в сплоченную социальную силу промышленных армий наемных рабочих.

Взаимное соотношение между этими положительными и отрицательными сторонами, более благоприятное в высших отраслях индустрии и в странах классического капитализма, становится все менее и менее благоприятным при переходе к различным отраслям промышленности добывающей, в особенности же к земледелию, и к целым странам, хуже поставленным в международной экономической борьбе.

Чем благоприятнее это соотношение, тем более развит современный индустриальный пролетариат и тем больше его значение сравнительно с остальной массой трудящегося и эксплуатируемого населения. Чем всестороннее и последовательнее развиваются в обществе начала буржуазной собственности и хозяйства, тем резче оно распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, сосредоточивающих в

своих руках владение естественными силами природы, средствами производства и обмена.

По мере того, как этот классовый антагонизм проникает в общественное сознание и освещается им, он превращается в организованную политическую борьбу классов, которая, сталкиваясь с пережитками старой междусословной, расовой, религиозной и национальной борьбы, все более и более вносит в стихийный ход событий планомерное коллективное вмешательство сознательных социальных сил.

Союзы эксплуататоров стремятся упрочить свое положение, овладевая посредством синдикатов и трестов условиями производства и сбыта, превращая органы государственного управления в орудия своего классового господства и подчиняя себе духовно и материально и науку, и искусство, и литературу.

При бессилии победить другими средствами, они прибегают к союзам с клерикальными, сословными и монархическими пережитками прошлого и к разжиганию инстинктов расовой, религиозной и национальной борьбы.

Изживая все свое бывшее прогрессивное содержание, буржуазный строй ведет к полному вырождению господствующих в нем классов, все более отталкивая от себя лучшие умственные и моральные силы страны и заставляя их тяготеть к противоположному лагерю угнетенных и эксплуатируемых.

Классы эксплуатируемых в естественном стремлении к самозащите по мере роста сознательности все более объединяют свою борьбу и направляют ее против самих основ гнета и эксплуатации во имя своей полной экономической, политической и духовной эмансипации.

Наиболее последовательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм.

Являясь первоначально мировоззрением сознательного революционного меньшинства, он все более проникает в массы, ведя к тому, что все слои трудового эксплуатируемого населения, от промышленного пролетариата до трудового крестьянства, сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения, подчиняли все свои частные, местные и временные интересы одной великой задаче социально-революционного переворота.

Программой этого переворота является обобществление труда, собственности и хозяйства; уничтожение вместе с частной собственностью самого деления общества на классы, уничтожение классового принудительного, репрессивного характера обществен-

ных учреждений при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т. е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Только осуществление этой программы превратит рост общественного богатства из источника зависимости и угнетения рабочего класса в источник его благосостояния и свободы; только он даст возможность непрерывного развития всех духовных и материальных сил человечества, прекратив вырождение одних его слоев от праздности и пресыщенности, других от чрезмерного грубого физического труда и неудовлетворения элементарных потребностей; только оно гарантирует на основе социальной солидарности всестороннее и гармоническое развитие человеческой индивидуальности.

В этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества, устранение всех форм междоусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплуатации человека человеком. Для осуществления этой задачи, революционный социализм стремится использовать как все положительные стороны хозяйственного развития, совершающегося в капиталистических формах, так и способность к самостоятельному творчеству рабочих масс, как пролетаризированных, так и непролетаризированных.

Партия соц.-рев. в России рассматривает себя как один из отрядов армии международного социализма и ведет свою деятельность в духе общих интересов ее борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности.

Развитие капитализма в России характеризуется наименее благоприятным соотношением между творческими, исторически прогрессивными и темными, хищнически разрушительными тенденциями. Все связанные с этим развитием кризисы переживаются Россией в концентрированном виде в сокращенный период времени, при низкокультурном уровне страны. Но в то же время при наличности социалистической интеллигенции, богатой опытом социалистических партий других стран, взаимоприспособление более примитивных форм эксплуатации народного труда и медленно изменяющихся форм патриархального дворянско-чиновничьего царизма обостряет постановку социального вопроса. Колоссально развившийся механизм бюрократического государства в связи с условиями освобождения крестьян и развитием кулачества во всех его формах и видах все более и более парализует производительные силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мере прибегать к подсобным промыслам и труду по найму, получая от всех видов своего заработ-

ка доход, едва соответствующий нищенской заработной плате пролетария. Тем самым сокращается внутренний рынок промышленности, страдающей от недостатка внешних рынков. Прогрессивно возрастает избыточное население и капиталистически излишняя резервная рабочая армия, понижающая своей конкуренцией уровень жизни городского пролетариата. Рабочее движение выступает с современными задачами в обстановке патриархально-полицейского строя, основанного на систематическом подавлении личной и общественной инициативы, более реакционный, чем где-либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в союзе с монархией против пролетариата. Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждается в таком же союзе против трудовых масс деревни, поднимающихся за землю и волю. В интересах самозащиты монархия и ее защитники прибегают к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост самосознания рабочих масс. Существование такого режима становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь наиболее надежной опорой паразитических классов внутри России, за ее пределами русский царизм представляет в моменты своей силы главный оплот европейской реакции и сильнейшую угрозу освободительной борьбе рабочих партий других стран, почему уничтожение его является крайне важным фактором международного прогресса.

Вся тяжесть борьбы с царизмом, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы «образованного общества», падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Вследствие такого соотношения сил, а также неразрывной связи политического кризиса с экономическим, необходимой задачей партии является расширение и углубление в революционный момент тех социальных имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия.

Осуществление полностью партийной программы, т. е. экспроприация капиталистической собственности и реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социал-революционную партию, и в случае надобности установление его временной революционной диктатуры.

До тех же пор, пока в качестве революционного меньшинства

организованный таким образом рабочий класс может оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства, партия С.-Р. будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной основной цели, чтобы своей революционной борьбой он добивался и в этот период лишь таких перемен, которые будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбе, способствуя повышению уровня его интеллектуального развития и культурных потребностей, укрепляя его боевые позиции и устраняя препятствия, стоящие на пути к его организации.

Исходя из развитых выше соображений, П. С.-Р. в этот период будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой следующие меры:

А. В политической и правовой области: признание неотъемлемыми следующих прав человека и гражданина: полная свобода совести, слова, печати, собраний и союзов; свобода передвижения, выбора рода занятий и коллективных отказов от работ (свобода стачек); неприкосновенность личности и жилища; всеобщее и равное избирательное право для всякого гражданина не моложе 20 лет без различия пола, религии и национальности при условии прямой системы выборов и закрытой подачи голосов, установленная на этих началах демократическая республика с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно более применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение; пропорциональное представительство, прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц, включая депутатов и судей; бесплатность судопроизводства; введение родного языка во все местные, общественные и государственные учреждения; установление обязательного, равного для всех общего светского образования на государственный счет; в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительные цели, и распоряжение этими средствами на началах самоуправления; полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого, уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

Б. В народно-хозяйственной области:

1. В вопросах государственного хозяйства и финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога

на доходы и наследства при совершенном освобождении от налога низких доходов, ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложения предметов роскоши, покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд).

II. В вопросах рабочего законодательства П. С.-Р. ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе и деревне и увеличение его способности к дальнейшей борьбе за социализм, общим интересам которой должны быть подчинены все узко практические, непосредственные, местные и профессиональные интересы отдельных рабочих слоев. В этих видах партия будет отстаивать: возможно большее сокращение рабочего времени согласно нормам, указанным научною гигиеною (в ближайшее время—8-часовая норма для большинства отраслей производства, и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установление минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственное страхование во всех его видах (от несчастных случаев, от безработицы, на случай старости и болезней и т. д.) на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли согласно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений, запрещение сверхурочных работ, работ малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних, запрещение женского и детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды, достаточный непрерывный еженедельный отдых и т. д.); профессиональные организации рабочих и их прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутренней организации труда в промышленных заведениях.

III. В вопросах переустройства земельных отношений П. С.-Р. стремится опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд. В согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне, партия будет стоять за социализацию земли, т. е. за изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведывание цент-

ральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловесных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведование земельным фондом и т. п.); пользование землей должно быть уравнительно трудовым, т. е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе; рента путем специального обложения должна быть обращена на общественные нужды; пользование землями и угодьями, имеющими не узко местное значение (обширные леса, рыбная ловля и т. д.), регулируется соответственно более широкими органами самоуправления; недра земли остаются за государством, земля обращается в общенародное достояние без выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования.

IV. В вопросах общинного муниципального и земского хозяйства Партия будет стоять за развитие всякого рода общественных служб и предприятий (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая и продовольственная организация; организация земскими и областными органами самоуправления при помощи общегосударственных средств широкого кредита для развития трудового хозяйства, преимущественно на кооперативных началах; коммунизация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т. п., за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию кооперации на строго демократических трудовых началах.

V. Вообще ко всем мероприятиям, имеющим обобществление еще в пределах буржуазного государства, тех или иных отраслей народного хозяйства, П. С.-Р. усвоит положительное отношение постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно и самый характер соответствующих мероприятий, будут давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии. Тем самым П. С.-Р. предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же своеобразным государственным капитализмом, сосре-

доточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей.

Партия С.-Р., ведя непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Учредительного собрания на указанных выше демократических началах для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков в духе установления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда. Свою программу этого переустройства она будет как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период (*Полный сборник платформ всех русских политических партий*. СПб., 1906. С. 19—28).

ОКЯБРИСТЫ

Партия октябристов («Союз 17 октября») возникла в ноябре 1905 г. и придерживалась позиции умеренно консервативного либерализма. Ее социальную основу составляли крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия, часть помещиков и деловой интеллигенции. Лидеры: П. А. Гсйден, А. И. Гучков, М. В. Родзянко, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов и др. Летом 1917 г. партия октябристов прекратила свое существование.

ВОЗЗВАНИЕ (программа) «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»

Высочайший манифест 17-го октября 1905 года, являющийся дальнейшим развитием закона 6 августа 1905 г. о Государственной думе, приобщает народ русский к деятельному участию, в согласии с Царем, в государственном строительстве. Народному представительству, прочно опирающемуся на широкие народные массы, черпающему свою силу, силу знания нужд народных и силу своего авторитета из общего избирательного права, манифест представляет выдающееся влияние в делах законодательства и управления страной. Как неперемненное условие для осуществления этих прав политической свободы и для упрочения начал гражданской свободы устанавливаются в качестве основных элементов правового строя неприкосновенность личности, свобода совести, слова, печати, собраний и союзов. Таким образом, манифест 17 октября знаменует собою величайший переворот в судьбах нашего отечества: отныне народ наш становится народом политически свободным, наше государство — правовым государством, а в наш государственный строй вводится новое начало — начало конституционной монархии.

Новый порядок, призывая всех русских людей без различия

сословий, национальностей и вероисповеданий к свободно-политической жизни открывает перед ними широкую возможность законным путем влиять на судьбу своего отечества и предоставляет им на почве права отстаивать свои интересы, мирной и открытой борьбой добиваться торжества своих идей, своих убеждений. Новый порядок вместе с тем налагает на всех, кто искренне желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой и революционные потрясения, священную обязанность в настоящий момент, переживаемый нашим отечеством, момент торжественный, но полный великой опасности, дружно сплотиться вокруг тех начал, которые провозглашены в манифесте 17 октября, настоять на возможном скором, полном и широком осуществлении этих начал правительственной властью с прочными гарантиями их незыблемости и оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всестороннему обновлению государственного и общественного строя России.

Какие бы разногласия не разъединяли людей в области политических, социальных и экономических вопросов, великая опасность, созданная вековым застоєм в развитии наших политических форм и грозящая уже не только процветанию, но и самому существованию нашего отечества, призывает всех к единению, к деятельной работе для создания сильной и авторитетной власти, которая найдет опору в доверии и содействии народа и которая одна только в состоянии путем мирных реформ вывести страну из настоящего общественного хаоса и обеспечить ей внутренний мир и внешнюю безопасность.

С этой целью на почве признания начал, возведенных в Высочайшем манифесте, образуется союз, в который приглашаются войти как отдельные лица, так и целые партии, программа коих в основных чертах совпадает с программой союза. Союз этот получает наименование «Союз 17 октября» и провозглашает следующие основные положения.

1. Сохранение единства и нераздельности российского государства

Положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тыла, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера. Вместе с тем положение это обя-

зывает противодействовать всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению Империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств. При широком развитии властного самоуправления на всем пространстве Империи, при прочно установленных основных элементах гражданской свободы, при участии равно всех русских граждан без различия национальности и вероисповеданий в создании правительственной власти, при признании отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей, такое положение, отрицающее идею федерализма в применении к русскому государственному строю, вполне допускает объединение отдельных местностей Империи в областные союзы для разрешения задач, входящих в пределы местного самоуправления, и нисколько не препятствует местным особенностям и интересам различных национальностей найти себе выражение и удовлетворение в законодательстве и управлении, основанных на признании безусловного равенства в правах всех русских граждан. Исключительно за Финляндией признается особое положение, дающее ей право на известное государственное автономное устройство при условии сохранения государственной связи с Империей.

2. Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанном на общем избирательном праве

Это положение обязывает к признанию начала общего избирательного права, открывающего возможность всем русским гражданам участвовать в осуществлении государственной власти. Это положение, далее, призывает к коренному преобразованию нашего государственного строя на началах конституционных и к прочному закреплению за народным представительством дарованных ему манифестом прав деятельного участия, рядом с Монархом, в законодательных трудах и управлении страной.

Это же положение признает и закрепляет за монархическим началом в изменившихся условиях политической жизни России новый государственно-правовой характер. Прежний неограниченный Самодержец, всемогущий по идее, но связанный в действительности всеми путами приказного строя, слабый вследствие отчужденности от всего народа, становится конституционным Монархом, который, хотя и находит пределы своей воли в правах народного представительства, но в самом единении с наро-

дом, в союзе с землей, в новых условиях государственного строя получает новую мощь и новую высокую задачу быть верховным вождем свободного народа. Являясь в народном сознании по-прежнему воплощением государственного единства, служа неразрывной связью преемственно сменяющихся поколений, священным стягом, вокруг которого в минуту грозной опасности собирается народ русский, монархическое начало отныне получает новую историческую миссию величайшей важности. Возвышаясь над бесчисленными частными и местными интересами, над односторонними целями различных классов, сословий, национальностей, партий, монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить свое предназначение — явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы. Укрепление в русской политической жизни этих начал, противодействие всякому посягательству, откуда бы оно ни шло, на права Монарха и на права народного представительства, как эти права определяются на почве манифеста 17 октября, должно входить в задачи «Союза». Только этим путем, путем единения Монарха с народом может быть создана та сильная, уверенная в себе правительственная власть, которая сумеет вернуть нам мир.

3. Обеспечение гражданских прав

В политически свободном государстве должна господствовать и гражданская свобода, создающая единственно надежную основу для всестороннего развития как духовных сил народа, так и естественной производительности страны. Манифест 17 октября на первое место ставит дарование незыблемых основ гражданской свободы. Развитие и укрепление этих начал в законодательстве и правах составляет одну из главнейших задач Союза.

Сюда входит прежде всего: свобода вероисповеданий, свобода слова, устного и печатного, свобода собраний и союзов. Сюда же относятся обеспечение свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий, обеспечение свободы труда, промышленности, торговли, свободы приобретения собственности и распоряжения ею. Гражданская свобода предполагает также неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан. Все эти права, огражденные законом, имеют один естественный предел в правах других граждан и в правах общества и государства. Никто не может быть арестован, подвергнут какому-либо насилию, обыску, лишению имущества и т. п. без

постановления соответственной судебной власти. Всякое лицо, задержанное по какому-либо обвинению, должно в точно определенный и кратчайший срок, например, в 24 часа в городах, быть представлено судебной власти или освобождено. Для ограждения всех этих прав от посягательств, как со стороны частных лиц, так и со стороны лиц должностных, они должны быть поставлены под защиту уголовных законов, при этом должна быть установлена судебная ответственность должностных лиц, каково бы ни было их положение.

4. Неотложность созыва Государственной думы

Дальнейшее развитие политических форм должно находиться в органической связи со всей предшествующей исторической жизнью России. Созыв, как того требуют некоторые партии, учредительного собрания, собственно властью определяющего свою компетенцию, предполагает как бы отсутствие всякого правительства, заключает в себе полный разрыв связи с прошедшим и поведет к пересмотру таких начал нашего политического и общественного быта, кои не могут быть поколеблены без тяжелого революционного потрясения всей страны.

Обусловленная этим отсрочка в созыве Государственной думы отдалит на неопределенное время восстановление нормального хода государственной жизни и законодательной работы, а вместе с тем и разрешение некоторых неотложных вопросов, связанных с жизненными интересами широких масс населения. В виду этого Союз высказывается против созыва учредительного собрания, которое только отдалит столь желанный час успокоения страны.

Государственная дума первого призыва должна взять на себя проведение ближайших на очереди политических реформ, направленных к усовершенствованию народного представительства, как-то: пересмотр положения о Государственной думе, избирательного закона и т. п. Наряду с этим она должна приступить к разрешению таких насущных вопросов экономических, социальных и иных, неотложная необходимость разрешения коих выдвинута самой жизнью.

Приступив к органической созидательной работе, Государственная дума, по мнению Союза, должна себе наметить для разработки и постепенного разрешения следующие вопросы перво-степенной государственной важности:

а) крестьянский вопрос

Из насущных реформ на первом месте должны быть постав-

лены меры к решительному и бесповоротному приобщению крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами. Сюда относятся: отмена исключительных законоположений, юридически принижающих податные сословия, отмена административной опеки, признание мирского землевладения институтом гражданского права. Помимо настойчивых государственных забот в поднятии производительности земледелия, мерами к подъему благосостояния являются: регулирование мелкой земельной аренды, преобразование деятельности крестьянского поземельного банка, содействие расселению и переселению, признание государственных и удельных земель, фондом для удовлетворения земельной нужды бывших крестьян и других разрядов мелких землевладельцев, разверстание черезполосных крестьянских и помещичьих земель с обязательным отчуждением отрезков, мешающих хозяйственной цельности владений, и, наконец, при недостаточности этих мер, допустимое в случаях государственной важности отчуждение части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения, устанавливаемых законодательной властью;

б) рабочий вопрос

Рабочий вопрос является в настоящее время одним из самых острых вопросов и имеет все права на особенные заботы со стороны Государственной думы. Он не может быть, однако, решен удовлетворительно в интересах самого же рабочего или без поддержки промышленности вообще: только правильно развивающаяся промышленность страны может обеспечить рабочего. Союз полагает, что Дума должна поставить себе общую задачу пересмотра, усовершенствования и расширения законодательства о рабочих в соответствии с местными особенностями отдельных производств и с началами, принятыми в этой области в наиболее просвещенных промышленных государствах. Сюда также относятся меры по обеспечению рабочих и их семей в случае болезни, инвалидности и смерти, меры к постепенному осуществлению страхования рабочих во всех видах труда, меры к ограничению рабочего времени для женщин и детей в особо вредных для здоровья производствах.

Вполне признавая свободу профессиональных союзов и свободу стачек как средств защиты рабочими своих интересов, следует, однако, признать необходимым законодательным путем регулировать условия этой экономической борьбы. Для этого, с одной стороны, должен быть выработан ряд действительных мер к устранению случаев насилия над личностью и посягательства на имущество, как способ принуждения к вступлению в

союз или к участию в стачке, а с другой стороны, должны быть выделены в особую группу такие производства, предприятия и учреждения, от коих зависит жизнь и здоровье населения, важные общественные и государственные интересы, безопасность государства, интересы обороны, а условия работы и службы в таких отраслях, за которыми должно быть признано государственное значение, должны быть подчинены особым узаконенным, ограждающим интересы рабочих и служащих, но подчиняющим их высшему государственному интересу;

в) развитие и укрепление начал местного самоуправления

Необходимым условием для обновления политической и общественной жизни России и для полного проведения провозглашенных манифестом начал свободы, является преобразование местного земского и городского самоуправления с расширением его прав и круга деятельности, с приданием ему должной самостоятельности и упразднением административной опеки, с устройством мелкой земской единицы, с устранением сословности, с распространением начала самоуправления, по возможности, на всей местности Империи и с привлечением к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц. Участие в обновленном самоуправлении будет лучшей школой политической свободы для народа;

г) заботы о народном образовании

Имея в виду, что лишь при повышении умственного уровня народа и при распространении в его среде образования можно ожидать, что он достигает и политической зрелости и хозяйственного благосостояния, что сама судьба выполняемой ныне политической реформы в значительной мере зависит от степени сознательности, с которой население отнесется к осуществлению дарованных ему прав. Союз высказывается за то, чтобы нужды народного просвещения были выдвинуты в законодательных работах Думы на первый план и чтобы на удовлетворение этих нужд были ассигнованы самые широкие средства. В частности, должны быть приняты все меры, чтобы в скорейшем времени могло быть практически осуществлено всеобщее начальное обучение. Рядом с этим должно быть увеличено число средних и высших учебных заведений, особенно технических, в пределах действительной общественной потребности с представлением самой широкой свободы частной и общественной инициативы в деле открытия и содержания учебных заведений. Одновременно должны быть пересмотрены программы, с целью их упрощения и приближения к потребностям жизни и должна быть установ-

лена прямая, преемственная связь между различными ступенями школ.

д) реформы судебная и административная

Упорядочение форм общежития и упрочение гражданской свободы возможно лишь тогда, когда население страны находит опору и защиту всех своих прав в суде и когда деятельность административных властей поставлена в границы, ясно очерченные в законе. Исходя из этих положений, «Союз 17 октября» ставит себе задачей проведение в Государственной думе таких реформ, кои направлены к введению бессословного суда, руководствующегося общими для всего населения законами, к введению выборного начала в местную юстицию, к установлению независимости суда от воздействия администрации и упразднению судебно-административных учреждений, к ограждению гласности судопроизводства и расширению компетенции суда присяжных. В сфере административного строя, кроме общего его упрощения и подчинения его деятельности строгим нормам закона, следует установить доступный всем способ обжалования распоряжений и действий административных властей, порядок строгой ответственности уголовной и гражданской за нарушение этими властями установленных законов и прав частных лиц, а для уничтожения тягостной всем волокиты надлежит установить в законе срочность работ администрации:

е) меры экономические и финансовые

В виду громадных расходов, предстоящих в ближайшие годы государственному казначейству для осуществления неотложных и важных культурных задач, а также в интересах государственной обороны в деле пересоздания наших военных, сухопутных и морских сил, нельзя рассчитывать на сокращение государственной сметы расходов и на облегчение общего податного бремени. Но уже в ближайшее время возможно осуществить еще более рациональную и справедливую налоговую систему и переложить податную тягость с более слабых плеч на плечи более сильные. С целью подъема народного благосостояния, увеличения государственных доходов и в интересах распределения обложенных в соответствии с платежными силами плательщиков, предполагается:

- 1) меры содействия подъему производительных сил особенно в области сельскохозяйственной промышленности;
- 2) организация доступного населению сельскохозяйственного, промышленного и торгового кредита;
- 3) широкое распространение технических знаний с целью поднятия производительности народного труда;

4) меры к наилучшему использованию народных богатств, причем должен быть облегчен доступ к эксплуатации лесных и минеральных богатств, принадлежащих государству;

5) развитие прямых налогов, на основе прогрессивного подоходного обложения с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости;

6) развитие сети железных, а равно водяных, шоссейных и грунтовых дорог.

Как бы, однако, ни были необходимы и действительны все указанные правительственные меры, следует помнить, что подъем народного благосостояния возможен лишь при том условии, чтобы нашему национальному характеру были возвращены те драгоценные качества, которых он лишился под влиянием старого порядка, основанного на правительственном надзоре, правительственной опеке, правительственной помощи. Политическая и гражданская свобода, провозглашенная манифестом 17-го октября, должна пробудить к жизни дремлющие народные силы, вызвать дух смелой энергии и предприимчивости, дух самостоятельности и самопомощи и тем самым создать прочную основу и лучший залог нравственного возрождения.

Подписали в Москве 10 ноября 1905 г.: гр. П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, М. В. Красовский, М. А. Стахович, кн. Н. С. Волконский, С. И. Четвериков, Г. А. Крестовников, Н. А. Хомяков, М. В. Родзянко, С. Н. Маслов, Н. И. Гучков.

Подписали в С.-Петербурге 14 ноября 1905 г.: барон П. А. Корф, граф В. В. Гудович, Н. Н. Перцов, А. Н. Никитин, Г. Г. Лерхе, Ф. Е. Енакиев, барон А. И. Притвиц, Н. А. Тарасов, А. Я. Брафман, Ю. Н. Милютин, А. А. Столыпин, И. А. Лихачев, И. С. Крючков, Л. А. Зиновьев, граф В. А. Тизенгаузен, В. С. Люстич, А. Н. Брусницын, В. П. Марков, барон И. А. Остен-Сакен, барон П. П. Бирдерлинг, Н. А. Резцов (Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. Вып. 2. С. 42—56.)

СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА

«Союз русского народа» — черносотенная организация, возникшая в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Союз объединял реакционных представителей мелкой буржуазии города, помещиков, часть интеллигенции, духовенства, деклассированные городские элементы, часть рабочих и крестьян. Его руководители: А. И. Дубровин (председатель Главного совета), В. А. Грингмут, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков и др. «Союзу» покровительствовал царь Николай II. Устав утвержден в августе 1906 г. Центральным

органом был Главный совет из 12 членов. В 1905—1907 гг. насчитывалось более 100 тыс. членов «Союза». Основной печатный орган — газета «Русское знамя». «Союз» выдвигал лозунги великодержавного шовинизма и антисемитизма. В 1906—1910 гг. «Союз» распался на несколько враждовавших между собой организаций («Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа», «Всероссийский дубровинский Союз русского народа в Петербурге» и др.). После свержения самодержавия (февраль, 1917) распался.

Люди Русские!

Высочайшим манифестом 17 октября нам дарована была гражданская свобода на началах неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов. Несмотря на эту милость Царскую, мы, под видом объявленной «свободы», на деле оказались отданными в самое беспросветное рабство какой-то темной, грубой и всеразрушающей силе, распоряжающейся самовластно и без всякого законного права нашей судьбой, выпускающей свои собственные «манифесты» и открыто предъявляющей целый ряд невыполнимых требований, каковы, например, полное уничтожение русской армии и замена ее милицией, подчиненной городским управлениям, образование социал-демократической республики и т. д... Бог знает до каких пределов дойдет подобная анархия, но несомненно одно, что мы идем неуклонно по пути к гибели и разрушению Государства Российского, ввиду чего призываем всех честных русских людей, без различия звания и состояния, преданных Царю, Отечеству, и исконным русским началам, дружно сплотиться с целью ведения активной борьбы всеми законными средствами против произвола, насилий и прочих отрицательных проявлений только что дарованной нам свободы.

Конечная цель, к достижению которой должен стремиться этот союз русского народа — введение строгого, прочного правового порядка на следующих главнейших основаниях:

1) единство и нераздельность Российской империи и незыблемость основных начал русской государственности, ибо только твердая Царская власть, основанная на непосредственном единении Царя с народом, в лице избранных народом представителей, может дать безусловные гарантии прочного правового порядка в таком разнородном государстве, как Россия;

2) учреждение Государственной думы с правом непосредственного доклада Государю, правом запроса министрам, правом фактического контроля над деятельностью министров, правом испрошения Высочайшего соизволения на предание их суду;

3) объединение деятельности министров и установление строгой, фактической ответственности их, равно как и каждого должностного лица, за всякую неправильность в делах службы, по жалобам потерпевших частных лиц, приносимых прокурорскому надзору;

4) допущение евреев в Государственную думу в числе не более трех лиц, выбранных от всего еврейского населения Российской Империи, для доклада Думе о частных нуждах еврейского народа. Такое ограничение необходимо ввиду того, что разрушительная, антигосударственная деятельность сплоченной еврейской массы, ее непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость в средствах, слишком наглядно выразились особенно за время настоящего революционного движения;

5) фактическое осуществление дарованной манифестом 17 октября свободы и неприкосновенности личности, т. е. ограждение личности от произвола и насилий со стороны властей, со стороны отдельных частных лиц, а также со стороны всякого рода обществ, союзов, комитетов и т. п., как тайных, так и явных;

6) установление строгой ответственности печати по суду, в ограждение основных начал государственного устройства, на основании особо выработанных законов, применительно к существующему ныне порядку такой ответственности в западно-европейских государствах;

7) самое твердое, строгое и фактическое ограждение права собственности частных лиц, обществ и Государства.

В основу нашего Союза положена братская любовь к ближнему, и уже в силу этого мы не допускаем никаких насилий, никакой лжи, клеветы, фальши, ничего подпольного и вообще таких средств борьбы, какими не брезгуют наши враги, враги Царя и Родины (Российские партии, союзы и лиги: Сб. программ, уставов и справочных сведений о российских партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах / Сост. В. Иванович. СПб., 1906. С. 117—118).

АНАРХИСТЫ-СИНДИКАЛИСТЫ

Анархисты-синдикалисты оформились в партию в 1905—1906 гг. Ее лидеры: А. И. Таратута, А. И. Новомирский, Г. Б. Сандомирский, А. Гершкович. Центральные печатные органы «Новый мир» (1905), «Вольный рабочий» (1906). Распалась в 1908—1909 гг.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНОГО АНАРХИЗМА

I

Всякое общество, по существу, есть не что иное как определенная форма сотрудничества, т. е. определенная форма совместной борьбы с природою.

II

Во всяком обществе все категории сотрудничающих людей одинаково необходимы для жизни и развития всех и представляют в этом отношении как бы одного гигантского коллективного работника. Особенно это очевидно в современном обществе с высокими производительными силами и широким разделением труда, благодаря которому ни одна отрасль промышленности не может нормально функционировать без всех остальных и каждый продукт есть создание всех отраслей промышленности, всех производителей. Поэтому в современном обществе больше, чем когда бы то ни было, всякий продукт принадлежит коллективному работнику, т. е. обществу. Отсюда коммунистический принцип: все принадлежит всем.

III

Со времени распада первобытных коммун, благодаря прямому насилию победителей в борьбе коммун между собою над действительными членами сотрудничества, т. е. над людьми непосредственно, лично борющимися с природою, осела группа, овладевшая средствами труда, освободившая себя от производительной работы и взявшая на себя привилегию организации труда. С тех пор общество распалось и распадается до сих пор на два класса: организаторов и производителей, имущих и неимущих.

IV

Для охраны своих привилегий имущий класс нуждается в определенной прочной форме имущественных отношений, т. е. ему нужно сохранить ту форму собственности, при которой он распоряжается средствами и продуктами производства. Отсюда необходимость Закона, Суда, Полиции, Армии, необходимость Государства.

V

Будущее общество, в котором все принадлежит всем, не нуждается в государственной власти, ибо только частная собствен-

ность нуждается в частной охране со стороны власти, охраной общественной собственности является все общество, т. е. никто. Общественная собственность, являясь в сущности уничтожением всякой собственности, есть также уничтожение всякой власти. Отсюда анархистский принцип отрицания Государства, отрицания всякого авторитета.

VI

Общество, в котором уничтожено всякое противоречие интересов между имущими и неимущими, господами и подчиненными, правительством и поданными этим самым должно неизбежно уничтожить и основу всех этих противоречий — противоречие между официально признанным властным организатором и рабочим, между умственным трудом и физическим, между интеллигенцией и рабочим классом. Этим личности открывается доступ ко всякой работе, и отныне вся деятельность личности освобождается от всяких внешних мотивов и становится свободным проявлением внутреннего мира человека. Отсюда анархизм рядом с отрицательным требованием уничтожения всех форм власти выставляет положительный принцип: полную автономию личности.

VII

Новое свободное общество не может быть создано ни стихийным развитием самих экономических отношений, ни деятельностью законодательства, ибо никакие перемены в производительных силах не меняют базы современного производства — частной собственности, а всякая законодательная деятельность также всегда вращается в юридических рамках этой самой основы. Переход к новому строю общественной жизни невозможен без всеобщей стачки и насильственной социальной революции. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

VIII

Ни одно общество не может исчезнуть, пока в рамках старого строя жизни не подготовлены элементы нового. Так как общество есть главным образом организация производства, то для разрушения старого общества, старой организации производителей необходимо предварительно подготовить в недрах умирающего мира новую организацию производства при новых общественных отношениях, при новой форме собственности.

IX

Зародышем будущей свободной всемирной Рабочей ассоциации в современном капиталистическом обществе являются профессиональные союзы рабочих. Сама логика борьбы даже за ближайшие экономические интересы, толкает рабочих на путь борьбы все более революционной, заставляет отказаться от утопических мещанских надежд, связанных с артелями, кассами взаимопомощи, мирными легальными союзами, контрактами с хозяевами, третейскими судами, законодательной охраной суда и прочими остатками буржуазного либерализма и социал-демократизма. Профессиональные союзы во всех передовых странах постепенно становятся на путь непосредственной, прямой борьбы с капиталом и государством посредством стачек, бойкота, саботажа и террора, начинают все больше вмешиваться в руководство промышленностью, объединяются между собою по городам в так называемые Биржи труда и по всей стране во всеобщие союзы работников. Эти союзы и ставят себе ближайшей целью овладеть продуктами производства и организовать производство на новых началах, как только победоносная революция сделает рабочий класс господином страны.

X

Ни одно государство не может позволить открыто и в рамках закона организоваться явно революционной, общественной силе. Поэтому революционные анархистские профессиональные союзы, которые стремятся создать синдикальный анархизм, могут и должны быть только явно противозаконными и тайными. Русский синдикальный анархизм создаст в России тайный анархистский Революционный Всероссийский Союз Труда.

XI

Рядом с творческой работой по созданию революционных рабочих синдикатов — этих маленьких ячеек будущего свободного рабочего общества, — рядом с участием в прямой революционной борьбе рабочих с капиталом русские анархисты должны вести непрерывную революционную борьбу с государством, наносить ему непрерывно жестокие удары, ослаблять и разрушать его. Эта разрушительная работа состоит в террористических нападениях на представителей власти, капитала и церкви, в отказе от податей, в отказе от воинской службы, в бойкоте всех государственных учреждений, в крупных насильственных экспроприациях казначейств, государственных банков и т. д. (Новомир-

ский. Из программы синдикального анархизма. Б. м., 1907. С. 188—192).

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

Народные социалисты, энесы, народно-социалистическая (трудовая) партия, трудовая народно-социалистическая партия выделилась в 1906 г. из правого крыла эсеров. Лидеры народных социалистов—Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. А. Богораз, С. Я. Елпатьевский, В. И. Семевский и др. Официальный орган партии—журнал «Народно-социалистическое обозрение». В апреле 1907 г. состоялась 1-я конференция энесов. После третьеиюньского переворота 1907 г. партия фактически перестала существовать. Возродилась после Февральской революции 1917 г. На I съезде партии (июнь, 1917) энесы объединились с трудовиками. Был избран ЦК, в который вошли А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, А. Д. Демьянов и др. На съезде была принята программа партии. Официальным органом энесов стала газета «Народное слово». Партия поддерживала Временное правительство. В 1918 г. прекратила свое существование.

ПРОГРАММА ТРУДОВОЙ (НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ПАРТИИ

(Подлежит утверждению учредительного съезда партии)

Различные политические партии ставят себе разные цели. Для нас нет ничего выше и дороже человеческой личности. В ее всестороннем развитии и бесконечном совершенствовании мы видим сущность исторического прогресса. Обеспечить всем людям возможность всестороннего и гармонического развития—такова конечная цель, которую ставит перед собой наша партия. К созданию необходимого для осуществления этой цели общественного строя она и направит свои силы.

Все люди имеют одинаковое право на жизнь и развитие, но это право неразрывно связано с обязанностью, которая заключается в труде. Только при всеобщем труде могут быть обеспечены права каждой человеческой личности, а в силу этого только трудящимся классам может служить наша партия. Вопросы труда она считает особенно важными и интересы труда для нее всегда будут самыми близкими. Поэтому она и называет себя трудовой партией.

Не достаточно, однако, сказать, что наша партия по своим задачам есть партия трудящихся; необходимо подчеркнуть, что это — партия всех трудящихся, а не одной какой-либо группы. Нам одинаково близки и дороги интересы пролетариата и трудового крестьянства, чернорабочего и интеллигентного тружени-

ка. Из этого само собой следует, что интересы каждого отдельного класса мы считаем возможным отстаивать лишь постольку, поскольку они не идут вразрез с интересами всех трудящихся. Само собой понятно также, что на первом плане у нас всегда будут стоять интересы тех из них, которые в данное время являются наиболее обремененными и угнетенными. Выражаясь кратко, мы можем сказать: не интересам одного какого-либо класса, а интересам всего трудового народа считает необходимым служить наша партия. Поэтому она и называет себя народной.

Мы не допускаем, конечно, даже мысли, чтобы задача народного блага могла быть разрешена помимо самого народа. Стремясь охватить все его нужды, мы стремимся в то же время объединить и все его силы. Мы зовем в свои ряды всех трудящихся. Сплотившись в одну партию, трудовой народ может лучше отстаивать свои интересы. Во всяком случае, не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силу и волю всего народа возлагаем мы наши надежды.

Мы видим перед собою только одну цель — народное благо, и знаем только один путь — через народную волю. Все для народа и все через народ — таков наш лозунг.

Собрать народные силы и удовлетворить народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия, мы и направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным.

Для этого за личность должны быть признаны ее неотъемлемые права и вся полнота государственной власти должна принадлежать народу. Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении. Не на централистических, а на федеративных началах должно быть построено демократическое государство.

Но реорганизацией государства не исчерпываются наши задачи, как политической партии. Не только по своей форме, но и по внутреннему своему содержанию государство должно сделаться народным. Оно должно обеспечить не только правовые, но и все другие интересы личности. Разрешить же эту задачу возможно только в обществе, построенном на трудовом начале. Нужно сделать труд всеобщим, продуктивным и целесообразным. Только таким путем можно обеспечить каждой личности все необходимое ей для жизни и развития, и только таким путем можно осуществить свободу и равенство в человеческих отношениях.

Для этого необходимо всю землю, все орудия и материалы, все средства производства сделать общественной собственностью. Тогда только исчезнут безработные рабочие, которым не к чему приложить своего труда, и праздные тунеядцы, которые живут чужим трудом. Тогда только труд делается всеобщим, в равной мере для всех доступным и в равной мере для всех обязательным.

Необходимо, далее, все производство сделать общественным. Только таким путем можно правильно организовать труд и обеспечить наивысшую его продуктивность. Только таким путем можно прекратить бесцельную затрату человеческих сил, какая неизбежно происходит при массе частных хозяев, находящихся притом в постоянной между собой конкуренции.

Необходимо, наконец, не только производство, но и потребление сделать общественным. Нужно, чтобы каждый работал в меру своих сил и получал в меру своих потребностей. Тогда только труд делается вполне целесообразным, вместо угнетения личности будет служить ее всестороннему развитию.

Таким образом наша партия ставит перед собой идеал социализма и неуклонно будет к нему стремиться. Поэтому она и называется себя социалистической.

В эту именно сторону направляют историю и стихийный процесс общественного развития, и сознательная мысль человечества, и жизненные интересы трудящихся масс, и идеалы высоко развитой личности.

Современный, основанный на частной собственности и частном хозяйстве общественный порядок... дробит общество на классы... В распоряжение одних он отдает богатство... других оставляет в нищете... Отсюда неизбежная борьба между господствующими и трудящимися классами...

Наша партия должна использовать эту стихийную борьбу классов в интересах своих конечных целей. ...Объединить трудящихся, собрать их силы и организовать их волю... еще недостаточно, чтобы обеспечить успех в общественной борьбе за трудовым народом. Необходимо внести в эту борьбу сознательность и планомерность. Нужно направить ее не только против отдельных эксплуататоров и отдельных классов, но и против самих основ несправедливого общественного порядка... Для этого мало сознавать свои ближайшие нужды, нужно видеть и далекие перспективы.

Эти перспективы все яснее... становятся для коллективной мысли человечества. Все шире распространяется свет идейного

знания в народных массах, все больше идейного энтузиазма вносится в общественную борьбу...

На политическую арену наша партия выступает в исключительный момент русской жизни. Основанная на принудительном авторитете русская государственность доживает свои последние дни... Самые разнообразные вопросы — политические, культурные и экономические — сплелись в один огромный и неразрывный узел... В стране происходит революция, потрясающая весь общественный организм. Смысл ее ясен: неотложно нужны глубокие преобразования. Они нужны не только в политическом устройстве страны, но и в социальном ее строе.

В интересах своих конечных целей мы должны всесторонне охватить выдвинутые жизнью потребности и также всесторонне использовать открываемые ею возможности... Не считая возможным теперь же полностью осуществить нашу программу, мы должны сделать во всех областях жизни возможно больший шаг по направлению к нашей конечной цели.

Принимая во внимание наличные условия и имеющиеся в стране силы, наша партия считает необходимым и возможным настаивать на выполнении в ближайшее время нижеследующих требований:

А. В политической сфере:

1) в области личных прав партия будет добиваться: а) равенства перед законом всех граждан, без различия пола, национальности и вероисповедания; уничтожения сословных разграничений и привилегий; б) утверждения, в качестве неотъемлемых прав граждан, полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижения; неприкосновенности личности, жилища и переписки; права петиций;

2) в области верховного правления. Стремясь к осуществлению народовластия в наиболее полной и совершенной его форме, партия в первую очередь будет добиваться введения представительного правления на следующих началах: а) народное представительное собрание должно быть организовано в виде одной палаты, избираемой всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания, путем прямой, равной и тайной подачи голосов; б) народному представительному собранию должна принадлежать вся полнота законодательной власти; никакой закон помимо него не может быть издан, и принятый им закон не может быть остановлен или отменен никакой другой властью; в) народному представительному собранию должна принадлежать власть устанавливать роспись государственных доходов и расходов; никакие налоги и сборы

не могут быть установлены и никакие государственные займы не могут быть заключены без его согласия; г) без одобрения народного представительного собрания никакие международные договоры и трактаты не могут иметь силы; д) народному представительному собранию должен принадлежать контроль над всеми действиями исполнительной власти и е) министрами могут быть только лица, пользующиеся его доверием;

3) в области местного и областного управления. Партия будет добиваться: а) повсеместного введения организованного на широких демократических началах, земского, городского и сельского самоуправления с передачей в его ведение всех местных дел (том числе и полиции); б) введения в тех местностях государства, где это пожелает население, национально-областной и областной автономии с предоставлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам;

4) в области суда: а) отмены всех исключительных и специальных судов; б) одинакового для всех граждан, гласного и независимого суда; выборных судей и суда присяжных: распространения состязательного начала на все стадии судебного процесса; введение институтов условного осуждения и досрочного освобождения; отмены смертной казни, не исключая военного времени;

5) в области администрации: а) отмены всех исключительных законов (положения об усиленной и чрезвычайной охране, военного положения и т. п.); б) широкого применения выборного начала в администрации; в) уголовной и гражданской ответственности должностных лиц в общем порядке перед судом; г) распространения на всех служащих в государственных и общественных учреждениях права союзов, собраний и стачек;

6) по отношению к войску: а) сокращение постоянной армии до пределов, вызываемых необходимостью защиты страны; б) сокращение срока службы до времени, которое необходимо для обучения военному делу и которое во всяком случае не должно превышать 2-х лет; в) отбывание воинской повинности на местах постоянного жительства или в ближайших к ним местностях; г) распространение на военно-служащих всех прав гражданина, причем действие специальных законов должно быть ограничено временем нахождения при исполнении воинских обязанностей; д) партия будет настаивать также на всех других мерах, ведущих к замене постоянной армии милицией.

Б. В народнохозяйственной сфере.

1) в аграрной области: а) партия считает необходимым доби-

ваться национализации земли, т. е. обращения ее в общенародную (государственную) собственность с тем, чтобы земли, предназначенные для сельского хозяйства, отдавались в пользование только тем, кто их будет обрабатывать своим личным трудом. Национализация наделных земель и тех частновладельческих, на которых ведется трудовое хозяйство, должна быть осуществлена в виде системы мер, которые бы обеспечивали бы, с одной стороны, нахождение этих земель в трудовом пользовании и с другой — постепенный переход их в общенародную собственность; остальные земли..., а также недра и воды должны быть национализированы немедленно¹. Заведывание земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно принадлежать органам местного самоуправления. Все граждане должны иметь равное право на пользование свободными землями, причем за местным и земледельческим населением должно быть сохранено право на наделение в первую очередь. В видах уравнивания земель разной ценности должен быть установлен особый (рентный) налог на лучшие земли. Неиспользованные улучшения в случае возвращения земли в фонд должны быть вознаграждены. б) Партия будет отстаивать вместе с тем широкую государственную и земскую политику, направленную к поддержанию и развитию трудового и, в частности, кооперативного и общинного хозяйства в сфере земледелия;

2) в сфере рабочего законодательства и рабочей политики партия ставит своей задачей широкую охрану труда и реорганизацию промышленности на новых началах в целях подготовки социалистического строя. В этих видах она будет добиваться: а) установления законодательным путем максимального рабочего дня, считая за таковой для данного времени 8-часовой (не более 48 часов в неделю); б) установления минимальной рабочей платы путем соглашения местных органов самоуправления с

¹ Вопрос о вознаграждении за отчуждаемые из частного владения земли партия считает подчиненным вопросу о национализации, т. е. в зависимости от обстоятельств, при которых будет происходить земельная реформа, партия будет отстаивать те условия экспроприации, которые, при наименьших жертвах со стороны трудового народа, будут в состоянии обеспечить переход земли в общенародную собственность. Во всяком случае партия приложит все усилия к тому: во-первых, чтобы все сопряженные с реформой расходы были бы отнесены на общегосударственный счет; во-вторых, чтобы сбережения трудящихся классов, вложенные в земельную собственность, были возмещены государством и, в-третьих, чтобы в остальной части вознаграждение было минимальным, т. е. не превышало тех сумм, какие с точки зрения общегосударственных интересов окажутся необходимыми, чтобы класс земельных собственников мог приспособиться к новым условиям существования.

профессиональными рабочими организациями; в) прогрессивно расширяющегося участия рабочих в управлении промышленными заведениями; г) свободы стачек и профессиональных организаций; д) охраны труда сообразно с требованиями научной гигиены, под наблюдением инспекции, избираемой рабочими;

3) по отношению ко всему трудовому народу партия считает необходимым настаивать на широкой организации всех видов государственного страхования и, в особенности, страхования на случай инвалидности и старости;

4) в области финансовой и экономической политики партия будет настаивать: а) на полной реорганизации податного дела в целях переложения податных тягостей на имущие классы путем введения прогрессивно-подходного налога, прогрессивного налога на наследства, обложения незаслуженного прироста ценностей и т. д.; в) на изменении системы государственных расходов в целях перенесения центра тяжести их с армии, администрации и полиции на культурные и экономические нужды трудового народа;

5) в области государственного земского и городского хозяйства партия будет отстаивать: а) удовлетворение общественным путем различных нужд населения... и б) введение общественными учреждениями всякого рода предприятий, при деятельном участии в управлении ими служащих и рабочих.

В. В культурной сфере:

1. Партия будет настаивать на отделении церкви от государства и школы.

2. В области народного образования она будет добиваться равного для всех граждан права на образование; бесплатности его на всех ступенях; общедоступного, а затем и обязательного образования в начальной народной школе на родном языке учащихся; передачи средних и низших школ в заведывание местных органов самоуправления; автономии учебных заведений; свободы частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования...

Г. В сфере международной политики:

В сфере международных отношений, являясь противницей войны, партия: а) будет решительно противодействовать завоевательной политике и каким бы то ни было захватам за счет других государств; б) будет сторонницей разоружения и решения возникающих между государствами конфликтов мирным путем при помощи международных правовых учреждений. Вместе с тем, партия, стоя на почве солидарности интересов всех

трудящихся, будет стремиться к возможно большему сближению с трудовым населением других государств.

Исходя из основного своего положения, что судьба народа должна быть устраиваема самим народом, партия будет добиваться созыва учредительного собрания, которое было бы избрано всеми гражданами, без различия пола, вероисповедания и национальности, путем равного, прямого и тайного голосования и обладало бы всею полнотою власти для устройства политической и социальной жизни страны (Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906. Вып. 1. С. 80—94).

ЧАСТЬ III. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В РОССИИ (1906—1917)

ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года

Божьей милостью Мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет Царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение не-преклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность дейст-

вительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей¹.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего единнадцатое (Калинычев Ф. И. Государственная дума в России: Сб. документов и материалов. М., 1957. С. 90—91).

П. Н. МИЛЮКОВ «Г. ПЛЕХАНОВ И БОЙКОТ»¹

Милюков Павел Николаевич (1859—1943), один из основателей партии кадетов и председатель ее ЦК, известный русский историк и публицист. Возглавлял партийную газету «Речь», руководил деятельностью фракции партии в Государственной думе. После Февральской революции — министр иностранных дел Временного правительства.

С 1921 г. жил во Франции.

Статья опубликована в газете «Речь» (1906. 20 марта. № 26).

Кончая свой 5-й номер «Дневника», только что появившийся, Г. В. Плеханов пишет своему «товарищу»: «Вы как бы упрекаете меня в том, что меня хвалит теперь «либеральная буржуазия». Но меня несколько не смущает этот упрек. Напротив, если я, нисколько не изменив себе и своему мирозерцанию, получаю одобрение со стороны «либеральной» буржуазии, то это очень хорошо в тот исторический момент, когда нам надо изолировать реакцию».

Если бы все «товарищи» Г. В. Плеханова понимали то, что понимает самый выдающийся из их вождей, и если бы они как же мало, как он, смущались похвалами «либеральной буржуазии», — Боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи и как сильно подвинуло бы ее разрешение!

В № 5-м «Дневника» доказываются две вещи. Во-первых, доказывается, что «следовало бы нам принять участие в выборах», потому что «участие в выборах содействовало бы развитию политического сознания народа». И этот тезис, и этот аргумент мы десятки раз развивали на партийных собраниях и всякий раз неизменно встречались с возражениями, доказывавшими, что

¹ Имеется в виду бойкот социал-демократами I Государственной думы.

наши противники забыли азбуку своего учителя. И мы отвечали им то самое, что теперь говорит им Г. В. Плеханов. «Только недостатком политического опыта я объясняю себе тот странный, по-видимому, факт, что в нашей партии появилось и укрепилось течение, отличающееся от старого «народовольства» почти одной только терминологией». Г. В. Плеханов идет далее и решается утверждать: «В действительности, учредительного собрания требовал далеко не весь народ... В народе все больше и больше развивается настроение, из которого может выйти такое требование. Но именно только развивается. Это целый процесс, и мы еще не в конце его; мы даже, пожалуй, еще не в середине... Но мы можем значительно ускорить его... (между прочим, и) участием в выборах».

Другой вопрос, в упор поставленный Г. В. Плеханову — и постоянно предлагаемый нам — это вопрос о том, что делать после выборов в думе? Г. В. Плеханов отвечает — опять слово в слово, как отвечаем мы: «Будучи противником тактического схематизма, находя его противоречащим нашему способу мышления, я не могу пускаться в соображения о том, как должны мы будем вести себя в следующие «моменты». Я говорю: довлеет моменту злорадия его». И он убедительно доказывает, что точный ответ предполагает и точные данные для ответа, каких не может быть ни в чьем распоряжении в настоящий момент. «Чтобы ответить, надо было бы уметь с точностью предсказать, до какой именно степени саморазвития дойдет народная масса».

Мы можем только пожелать, чтобы на сегодняшний день это верное понимание того, чего требует марксизм от своих последователей, одержало верх над пониманием шаблонным. Сегодня особенно важно напомнить «товарищам» г. Плеханова ту мысль, которую Г. В. повторяет «еще раз» и которая основательно представляется ему «совершенно неоспоримой».

«Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реакцию» (Милюков П. Год борьбы: Публицистическая хроника: 1905—1907. СПб., 1907. С. 222—223).

П. Н. МИЛЮКОВ. ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

22 АПРЕЛЯ 1906 г.

1. Целью деятельности партии в ближайшей сессии думы съезд ставит осуществление следующих из основных задач, по-

ставленных в программе партии: обеспечение законодательными нормами неприкосновенности личности, гражданского равноправия и свобод, введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, как в народном представительстве, так и в местном самоуправлении, законодательное разрешение земельной реформы и удовлетворение справедливых национальных требований.

II. Партия будет стремиться к достижению указанных целей, не останавливаясь даже перед возможностью разрыва с правительством, но она обязана принять меры, чтобы вся тяжесть вины и ответственности за столкновение, если таковое будет, пала на правительство.

III. Наилучшим планом действий в думе съезд считает немедленный приступ к осуществлению законодательных мер, перечисленных выше, путем внесения соответственных законопроектов и обсуждения их в думе.

IV. Помимо этого, во имя требований элементарной справедливости и для умиротворения общественной совести, съезд считает необходимым в самом же начале внести законопроект о полной амнистии и об отмене смертной казни и назначить парламентскую комиссию для расследования противозаконных действий представителей администрации, совершенных после 17 октября в борьбе с общественным движением (Милюков П. Н. Год борьбы. С. 334—335.).

П. Н. МИЛЮКОВ «АГРАРНЫЙ ВОПРОС НА III СЪЕЗДЕ К.-Д. ПАРТИИ»

Статья опубликована в газете «Речь» (1906, № 57)

После вопроса о тактике в думе земельный вопрос должен был занять и занял наибольшее внимание съезда партии народной свободы.

Аграрный проект представляет собой значительный шаг вперед сравнительно с прежними решениями партии...

Этому законопроекту были противопоставлены только принципиальные и общие возражения, сводившиеся почти исключительно к провозглашению лозунга «национализации земли». Одни требовали, чтобы, положенный уже фактически в основу проекта, этот лозунг был провозглашен и формально, — как общая цель всего аграрного законодательства настоящего и будущего; другие даже настаивали, чтобы, вместо частичного применения, лозунг «национализации земли» получил немедленное и полное приме-

нение не только по отношению к принудительно-отчуждаемым землям, но ко всей земельной собственности в государстве. Более общее и более общепонятное требование, по-видимому, имело на своей стороне симпатии и части крестьянских членов, и части съезда.

Принятие этого принципа на съезде было бы равносильно изменению программы, которое часто предлагалось, правда, и до сих пор, но постоянно отклонялось, как могущее вызвать внутреннее разногласие и раскол. Нельзя, в самом деле, скрывать от себя, что провозглашение принципа «национализации земли» в общей форме было бы равносильно формальному отрицанию частной собственности на землю; такая формула вызвала бы протест не только со стороны принципиальных сторонников частной собственности, но и со стороны могущественного тяготения в сторону частной собственности в среде даже и самих крестьян-землевладельцев. Для будущности партии такое решение было бы чрезвычайно опасно, так как при первой попытке провести принцип полной национализации в жизнь тотчас же обнаружилась бы та огромная пропасть, которая отделяет отвлеченный принцип от его практического осуществления. Постановить общее решение — легко; но спускаться от него к необходимым компромиссам с жизнью было бы уже очень трудно и неизбежно навлекло бы на партию те упреки в нарушении обещаний, в измене народному делу, которые и без того готовы обрушить на нее при первой возможности ее «друзья» и враги.

Это было бы так, если бы даже принцип «национализации земли» был сам по себе бесспорен. Но этого нет на деле. Принцип «национализации земли» даже не имеет твердо установленного и для всех общепонятного и одинакового значения. Термин взят с запада, и надо признать, что там он имеет тоже не одно, а несколько значений, смотря по той реальной почве, на которой возник. Родиной идеи должна быть признана Америка и Англия; и в каждой из этих стран, возникнув при различных условиях, идея «национализации земли» имеет различный характер, и приводит к различным планам практического осуществления.

Как видим, в обеих странах, где идея «национализации земли» имеет безусловно прогрессивный характер, идея эта является не средством отдать землю в «мертвую руку», не способом — имобилизовать земельную собственность, а, наоборот, средством вырвать землю из рук рыночной спекуляции или из неподвижной аристократической собственности — и передать ее мелкому хозяину — индивидуалисту. Если и не имеется при этом в виду расширить класс мелких собственников, то, во всяком случае, идея

«национализации земли» не вступает тут в столкновение с инстинктами мелкой собственности.

На какой почве прививается идея «национализации земли» в России? Какие шансы на успех имеет эта идея среди нашего земледельческого населения?

Необходимо признать, что ряд препятствий к полной «национализации земли», непреодолимых на Западе, или отсутствует, или оказывается менее сильным в России. Прочно укоренившееся понятие о частной собственности, высокая степень интенсивности культурной обработки, высокий уровень житейского благосостояния и требование соответственной высоты доходности от главного жизненного занятия, наконец, привычка надеяться только на самого себя и требование соответственной широты для личного почина, — все это вызывает в широких общественных кругах Запада и Нового света самое энергичное отвращение к идее, как, вообще, коллективной собственности на орудия производства, так, в частности, и к идее уничтожения частной собственности на землю.

У нас идея частной собственности развивалась крайне туго в собственно-русских частях государства, культурная обработка земли — самая низкая, уровень благосостояния граничит с нищенским, личные потребности сведены к минимуму и свобода личного почина до сих пор была самая незначительная. Наконец, не только эти элементы в России благоприятствуют возникновению идеи «национализации земли», но и фактически эта идея не является новостью в России, как и в других странах, стоящих на такой же низкой ступени культуры. Принцип «национализации земли» — в смысле признание верховной собственности государства на землю — есть принцип древне-московский, принцип византийский и мусульманский, принцип государственного типа землевладения в старой Индии. Если прибавим все эти черты, свойственные «национализации земли» не только как юридическому, но и как социальному понятию, — то нельзя сказать чтобы перспектива такого рода хозяйничания, — все равно, государства ли, или области, или общины, — оказалась особенно привлекательной для мелких производителей. Разумеется, если держаться той теории, что мелкое сельское производство, вообще обречено на гибель, что его должно заменить крупное, которое и послужит мостом к социализации земледелия, — если держаться этой старой теории, тогда понятно требование «социализации», «муниципализации» или «национализации» земли.

Новейшие специальные работы, однако же, совершенно опро-

вергли предсказания о близкой гибели мелкого земледелия и показали, что действительность совсем не соответствует старым марксистским схемам.

Может быть теоретическим сторонникам «национализации земли» и удастся внушить крестьянам на некоторое время веру в спасительность этого слова. Пока национализация будет для них значить отнятие всей земли у помещиков, до тех пор термин этот будет пользоваться естественной популярностью. Но уже на самом съезде слышались голоса, даже от принципиальных сторонников «национализации», что население не готово к усвоению положительной стороны плана и что при первых попытках раскрыть его истинный смысл перед крестьянами большая часть обаяния немедленно пропадет. Крестьянин, так охотно допускающий — и даже требующий — коренной ломки помещичьего землевладения, не потерпит сколько-нибудь серьезного вмешательства в сферу своих собственных земельных отношений. Если мы и подыдем флаг «национализации», в смысле отмены частной собственности на землю, флаг этот очень скоро придется спустить как только мы столкнемся с собственностью крестьянской. При таких условиях, очевидно, лучше его и вовсе не поднимать. В ограниченном и условном смысле «национализация» земли уже лежит, во всяком случае, в основании проекта, предложенного комиссией (Милюков П. Н. Год борьбы. С. 335—340).

ЗАКОНОПРОЕКТ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ТРУДОВИКОВ (ПРОЕКТ 104-х)

(Внесен в I Государственную думу 23 мая 1906 г.)

Трудовики (Трудовая группа) — возникла в апреле 1906 г. как группа депутатов из крестьян и интеллигенции народнического направления в I Государственной думе. Лидеры трудовиков: С. В. Аникин, И. В. Жилкин, А. Ф. Аладьин, А. Д. Бородин, Ф. М. Оникко и др. Трудовики отражали социально-экономические требования крестьянских масс. Издавали газету «Трудовая Россия». После третьеиюньского переворота (1907) деятельность трудовиков на местах прекратилась. В 1917 г. образовалась трудовая народно-социалистическая партия. После Октябрьской революции распалась.

Проект основных положений

1. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала народу, причем нужная земля

для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

2. С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

3. Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

4. Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждаться народом на местах (см. № 18).

5. Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю (кроме поименованных в № 7) должны быть немедленно приостановлены.

6. Земные недра и воды, если такие не эксплуатируются в настоящее время их владельцами, должны быть объявлены общенародной собственностью. Порядок отдачи их в эксплуатацию общественным учреждениям и частным лицам должен быть определен особым образом.

7. Порядок перехода в общенародную собственность тех земельных недр и вод частного владения, которые уже находятся в эксплуатации, а также земель, находящихся под промышленными заведениями и городскими поселениями, должен быть определен особым законом. До перехода же этих имуществ в общенародную собственность права владельцев на прирост ценности, поскольку он зависит не от их труда и капитала, а от общественных условий, должны быть ограничены.

8. Из общенародного фонда выделяются прежде всего земли, необходимые для государственных и общественных надобностей, каковые поступают в ведение надлежащих общественных и государственных учреждений.

9. Остальная земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, причем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому — перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

10. Наделение земель из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы, причем если за наделением окажется избыток, то таковой остается в ведении государства и местных общественных учреждений, в качестве запаса для общественных надобностей или на случай прироста местного населения, а также для наделения переселенцев из других местностей.

11. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватит, то все имеющие менее продовольственной нормы получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток.

12. В случае изменения хозяйственных условий местности, установленная для нее трудовая норма может быть пересмотрена и изменена, после чего оказавшиеся у отдельных домохозяев излишки подлежат отчуждению. Равным образом, при изменившихся условиях подлежит пересмотру и продовольственная норма, в зависимости от которой будет находиться право на переселение за счет государства.

13. Полученная из народного фонда земля, в случае прекращения хозяйства, а также при желании уменьшить его размеры, подлежит возвращению в фонд, причем за все произведенные на ней и неиспользуемые улучшения выплачивается вознаграждение за счет государства. Переуступка общенародной земли частным путем не должна быть допускаема.

14. Поступившие в надел из общенародного фонда земли подлежат особому земельному налогу, который должен устанавливаться в соответствии с их качеством и местонахождением и при равных условиях должен быть тем выше, чем больше размер надела.

15. Лицам, получившим землю из общественного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

16. Заведование общенародным земельным фондом, за исключением земель, имеющих общенародное значение, должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим,

равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно.

17. Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные (или другие, соответствующие им по местным условиям). Комитеты должны быть избраны путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

18. На комитеты должно быть возложено: а) организовать свободное и широкое, при участии всего населения, обсуждение общих оснований и всех подробностей аграрной реформы; б) привести в известность количество и распределение земли, а также численность и состав нуждающегося в земле населения; проектировать соответствующие местным условиям трудовые и продовольственные нормы и выработать, применительно к местным условиям, план проведения реформы; в) устанавливать, впредь до осуществления реформы, арендные цены, заработную плату, продолжительность рабочего дня и другие отношения между землевладельцами и трудящимися, в случае споров...

19. Организация местных комитетов и план их действий должны быть определены законом.

20. Выборы в местные комитеты, а также обсуждение аграрной реформы на местах должны происходить при неслременном условии полной свободы и личной неприкосновенности (Калинычев Ф. И. Государственная дума в России. С. 172—174).

ОБСУЖДЕНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНА ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Речь депутата Н. Н. Кутлера (партия кадетов) на
заседании Думы 19 марта 1907 г.

Господа народные представители... Преду мною проект трудовой группы. Я горячо присоединяюсь к мысли... значительно расширить крестьянское землепользование, равно и к тому способу, который указан трудовой группой для достижения этой цели: к способу принудительного отчуждения частновладельческих земель, как к единственно достигающему цели (аплодисменты слева). Но именню потому, что я горячо сочувствую этому предложению в основе, я обязан... возражать против того, как формулирована в подробностях задача реформы и какие способы указаны для ее осуществления. Проект трудовой группы

не ограничивается простой и ясной задачей помочь крестьянам малоземельным. Он идет дальше. Он стремится пересоздать в корне все существующие земельные правоотношения. Признавая частную собственность несправедливой и источником многочисленных бед, проект трудовой группы исходит из идеи национализации земли... Признав эту идею, проект трудовой группы, очевидно, должен был установить, как она применяется. И вот он выдвигает указанное уже мной право на землю; предвидя недостаток земли в пределах Европейской России, проект выдвигает еще другое право — право переселения. Я оставляю покуда в стороне вопрос, следует ли при земельной реформе изменить все существующие земельные правоотношения? Допущу временно, что это необходимо, но я не могу не остановиться на вопросе о том, какое же действительно значение имеют те права, которые так громко провозглашены в проекте. Для всякого знакомого с земельной статистикой совершенно ясно, что наделение всех и каждого желающего обрабатывать землю по трудовой норме — есть вещь совершенно неосуществимая... Итак, господа, право на землю по трудовой норме не есть ли право войти в помещение, в котором все места уже заняты?

Проект трудовой группы, правда, указывает поправку, он предвидит, что земли в Европейской России не хватит даже до потребительной нормы и для этой цели устанавливает право на переселение. Но мне кажется, что это право еще менее имеет значение, чем право на получение земли по трудовой норме. Дальнейшее широкое развитие переселения может серьезно грозить интересам местного населения. Уже сейчас мы слышим жалобы со стороны киргиз, которые говорят о том, что у них отбираются лучшие земли... Количество переселенцев никогда не покроет даже того прироста населения, которое существует ежегодно у нас.

Я допустил, господа, на время, что для того, чтобы помочь крестьянскому малоземелью, нужно, согласно проекту трудовой группы, перестроить в корне земельные отношения. Но я думаю, что это не так. Мне, собственно, не хотелось заводить длинных споров, обсуждая теоретический вопрос о национализации земли, но вопроса о практической осуществимости этой идеи я все-таки считаю необходимым коснуться и полагаю, что указание на неосуществимость этой идеи содержится в самом проекте трудовой группы...

Таким образом проект очевидно считался с мировоззрением народа, считался с тем чувством собственности или, по крайней мере, владения, которое в действительности принадлежит кре-

стьянам. Мне кажется, господа, что можно представить себе те политические условия, при которых законопроект о национализации земли мог бы получить силу закона, но я не могу представить себе в ближайшем будущем тех политических условий, при которых этот закон мог бы действительно быть осуществлен...

... Будем просто требовать одного — помогать крестьянам в их малоземелье, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными реформами, которые могут затруднить эту реформу, сделать ее химеричной или фантастичной. Я думаю, господа, что это усложнение дела в известной степени подрывает даже веру в необходимость помощи крестьянскому малоземелью. Так именно смотрит на это дело партия, к которой я имею честь принадлежать, партия народной свободы... Задача этой реформы ставится прямо и просто: это расширение крестьянского землепользования — землепользование крестьян и земледельческого населения. Мне кажется, что мне нет надобности тратить много слов, доказывая необходимость этой задачи. Я позволю себе сослаться хотя бы на то, что даже правительство... после разгона Думы это самое правительство в конце концов вступило на путь расширения крестьянского землепользования, издав закон об удельных и казенных землях и о расширении деятельности крестьянского поземельного банка. Эти меры, как я дальше скажу, не ведут к цели, но самый принцип представляется, по-видимому, и для правительства неоспоримым...

Но можем ли мы, господа народные представители, сомневаться в том, что народ, получивший землю, улучшит свое хозяйство? Если все останется по старому, если крестьяне останутся по-прежнему бесправными, как они были теперь, если никакие меры помощи для улучшения крестьянского землепользования и хозяйства не будут приняты, то, конечно, улучшение едва ли произойдет. Но, мне кажется, что если аграрная реформа будет осуществлена, то это будет знаменовать переход к другому лучшему будущему, при котором о прежнем отношении к крестьянам не может быть и речи... Но улучшение крестьянского хозяйства не может быть достигнуто одновременно, не может быть достигнуто в ближайший срок. Между тем, положение чрезвычайно обострилось и вот необходимо сейчас придти на помощь к крестьянам, сейчас же дать им то, без чего они существовать не могут. Народ указывает, что единственным средством помочь ему в данный момент — дать ему землю. И надо признать, что действительно другого способа в настоящее время в распоряжении государства не оказывается. Но, спрашивается,

как же помочь?.. Я могу указать только на то, что деятельность крестьянского банка неизбежно ведет к чрезвычайному повышению продажных цен на землю... Систему приобретения земель через крестьянский банк надо оставить, как явно не достигающую цели. Остается другая система, которая указана в проекте трудовой группы и к которой присоединяется совершенно и проект, поддерживаемый партией народной свободы — это система принудительного отчуждения частновладельческих земель. Говорят, что эта система нарушает существующий строй, нарушает собственность. Я думаю, что это указание было бы верно только в том случае, если бы предполагалось даровое отчуждение земли... Но ни проект трудовой группы, ни тем более проект партии народной свободы не выставляет требования дарования отчуждения; в частности партия народной свободы настаивает на необходимости справедливой оценки... Можно, конечно, идти далее, — и в этом смысле было внесено предложение от представителей социал-демократической партии. Но уничтожение частной земельной собственности явилось бы величайшей несправедливостью, покуда существуют остальные виды собственности... Можно, пожалуй, мечтать о том строе, когда частной собственности вовсе не будет; можно считать этот строй идеалом справедливости. Но какой же справедливости отвечает тот строй, в котором частная собственность то признается, то игнорируется?.. И раз никто не предполагает уничтожения собственности вообще, необходимо во всей силе признать существование собственности на земли. В этих частях наша программа еще не далеко расходится с программой трудовой группы, но далее пойдут черты существенного различия, а именно в вопросах о том, кому давать землю, в каком количестве и на каких основаниях.

Трудовая группа разрешает первый вопрос так: давать землю всем, желающим ее обрабатывать. Партия народной свободы предлагает другое более ограничительное решение. Она предлагает дать землю только крестьянам и земледельцам других сословий, в настоящее время сидящих на земле и от нее живущих... Да, надо сказать прямо, что аграрная реформа полностью идее справедливости отвечать не может. Но мыслимо ли, господа, вообще провести какую-либо реформу, которая бы создала полную справедливость, можно ли обольщаться мнением, что раз мы разрешим аграрный вопрос, в России будет установлено общее блаженство? Ведь это только ничтожная доля тех социальных вопросов, которые давно назрели, которые давно необходимо разрешить. А если так, то какая же необходимость придавать такое громадное значение идеалу справедливости и остав-

лять в стороне практическую сторону дела? ... Партия народной свободы предлагает решение, быть может, менее соответствующее идеальной справедливости, но во всяком случае более отвечающее требованиям практической жизни, более непосредственно ведущее к цели.

Партия народной свободы ставит вопрос на практическую почву. Она обязывает государство придти на помощь крестьянам, насколько это возможно, но прав каких-либо населению, прав фиктивных, она не предполагает создавать.

Далее вопрос о том, на каких основаниях будут предоставлены крестьянам земли. Здесь также довольно крупное различие между нашими предположениями и проектом трудовой группы. Разница здесь может быть формулирована так: при первой системе земли остаются казенными и крестьяне являются только временными арендаторами, хотя конечно на очень выгодных условиях. При второй системе земли окончательно переходят к крестьянам. Они гарантированы относительно того, что эти земли ни при каких условиях в будущем от них отобраны не будут. Мы решительно отказываемся от этой системы всеобщего уравнивания. Мне кажется, что уравнивание в пределах всей Империи есть задача явно и очевидно недопустимая уже в силу громадности государства. Неосуществима задача поравнения крестьян даже в пределах губерний. Быть может еще возможно говорить об уравнивании земли в пределах уезда, но и здесь поддерживать постоянно это равенство является чрезвычайно затруднительно. Мне кажется, на эти несбыточные мечты надо поставить решительно крест. Надо заранее считаться с тем, что как бы сейчас мы ни старались поровнять крестьян, все-таки впоследствии получится неравенство, и что устранить его совершенно не представляется возможности. Не нужно и практически бесполезно стремиться к означенной цели. Руководствуясь этими соображениями, партия народной свободы предлагает передать землю крестьянам не во временное, а в постоянное пользование, она полагает ограничить их только в праве отчуждения и в праве залога, т. е. предотвратить в будущем широкое развитие купли и продажи земель.

Затем, что касается условий пользования крестьянской земли в пределах общин или сельских обществ, то партия народной свободы полагала бы, что закон не должен этого предрешать. Надо предоставить самим крестьянам устроиться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-нибудь теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый

устраивается по своему, и только тогда мы действительно поможем населению... (Россия. Государственная дума. Второй созыв: Стеногр. отчет 1907 г. СПб., 1907. Т. 1. С. 730—742).

П. А. СТОЛЫПИН «РЕЧЬ О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ»

СТОЛЫПИН ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ (1862—1911), русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906 г.). В 1907—1911 гг. определял правительственный курс, руководитель аграрной реформы. Смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым.

Ниже приведены фрагменты из его думской речи о земельной реформе от 10 мая 1907 г.

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление... Я исхожу из того положения, что все лица заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым болезненным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту... Я не буду останавливаться... на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу...

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых... Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях: он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изме-

нению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история...

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространяется на всю Россию. Все и Все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу. — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, — но [нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самую силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств, и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта перекроенная и уравненная Россия, что, стала ли

бы она и более могущественной и богатой?.. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства...

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии Народной свободы... Я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить (так в тексте; имеется в виду «произвести отчуждение» — сост.) земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе — это приведет к той же национализации земли... Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены...

Но между мыслями, предложенными докладчиком партии Народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии Народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи... Оно мне кажется

несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения...

Я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь — это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин-простолудин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны, несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны... Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты...

Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далека, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не позволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения... Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губительною для страны, а проект партии Народной свободы, то есть полу-экспроприация, полу-национализация в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход?... Цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть

будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительству обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями.

Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Эго надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самыми кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который

применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты...

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет...

Таким образом, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87-й статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия Народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под наделные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении...

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел

к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа... В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (Россия. Государственная дума. Второй созыв. Т. 2. С. 433—445).

**РЕЧЬ ДЕПУТАТА И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ (лидер с.-д. фракции)
НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 26 МАЯ 1907 г.**

... Я перехожу к выяснению наших разногласий с представителями центра. Принцип принудительного отчуждения земли есть объективно принцип освободительного движения, но не все стоящие за этот принцип, сознают или хотят признать все те выводы, к которым обязывает этот принцип. Докладчик конституционно-демократической фракции депутат Кутлер, возражая против нашего требования принудительного отчуждения земли без выкупа, указал на то, что не только помещичья, но и другая собственность приобретена несправедливыми путями, и он заключил отсюда, что идти на уничтожение собственности одного какого-нибудь вида является неосновательным, несправедливым и нелогичным. Это конечно своеобразный способ понимания справедливости, но фракция народной свободы идет дальше и уже сама изменяет собственному принципу, предлагая принудительное отчуждение с выкупом только помещичьих земель. Разве принудительное отчуждение, хотя бы и с выкупом, есть то признание помещичьей собственности во всей ее силе, о котором говорил депутат Кутлер? Почему мы, не находя возможным уничтожение в настоящий момент всей собственности, считаем тем не менее необходимым уничтожение помещичьей собственности... я вынужден пояснить, на чем основано это наше требование, и в чем залог его осуществимости. С выяснением этого вопроса станет ясно и то, кто более последователен и логичен, мы ли, требующие принудительного отчуждения без выкупа, или конституционно-демократическая фракция, требующая принудительного отчуждения с выкупом по справедливой оценке. В своей первой речи я указывал уже, что историческое оправдание помещичьего разлевладения исчезло еще в XVIII веке, когда экономическое развитие страны сделало необходимым преобразование дела обороны страны на новых началах, когда помещики

перестали нести государственную службу и, тем не менее, земля, дававшаяся им раньше в личное пожизненное владение в уплату этой службы, была закреплена за ними в потомственное владение. Уже тогда этот факт отразился в сознании крестьянства, как величайшая историческая несправедливость, но в то же время не назрели еще условия для падения этого режима. Только с развитием капитализма выяснилась не только несправедливость помещичьего землевладения, но и несовместимость его с дальнейшим развитием страны. Впервые это выразилось в Крымском разгроме, который вынудил правительство к реформе, называемой освобождением крестьян. Но освобождение крестьян было лишь частичным разрушением старого уклада; противоречие между развитием страны и помещичьим землевладением продолжало обостряться все более и более... Мы переживаем не эпоху крестьянских бунтов, которые искони подавлялись, а эпоху великой буржуазной революции ... требование принудительного отчуждения земли сделалось требованием, связанным с дальнейшим развитием страны. Ясно теперь, насколько правы те, которые упрекали нас в непоследовательности, говоря, что мы должны были бы требовать конфискации фабрик и заводов, раз мы требуем конфискации помещичьего землевладения. Это придет еще, когда назреют условия для социальной революции. Но этих условий еще нет и для их создания нужно прежде всего покончить со старым, крепостническим режимом, уже осужденным историческим режимом. Эта необходимость настолько диктуется жизнью, что сами кадеты были вынуждены признать принцип принудительного отчуждения земли, хотя стараются всеми силами ослабить его применение...

... Стремление вознаградить помещиков за этот выкуп на счет народа не выдерживает критики ни с точки зрения интересов народа, которые требуют радикального изменения распределения землевладения, требуют радикальных мер для борьбы с острым крестьянским малоземельем, — ни с точки зрения справедливости, на которую пытались было опереться представители кадетской фракции. И потому вместо несмелого, не доведенного до конца шага, предполагаемого кадетской фракцией, вместо принудительного отчуждения с выкупом по справедливой оценке, Государственная Дума обязана сделать смелый и решительный шаг, обязана принять принудительное отчуждение без выкупа в пользу крестьянства. Только в этом случае сумеет она выполнить свою историческую миссию.

Перехожу к соображениям, представленным народническими фракциями. Прежде всего я должен оговориться, что если в во-

просе о способах отчуждения земли мы к этим фракциям стоим гораздо ближе, чем к фракции народной свободы, то в вопросе о формах землепользования, мы от них стоим дальше... Само уравнильное землепользование, по нашему мнению, является утопией неосуществимой, является мерой, которая способна только ухудшить положение беднейших слоев крестьянского населения и деревенского пролетариата и затормозит весь ход экономического развития. Ведь наделяя всех земель в равной мере, представители народнических фракций не считают в настоящий момент возможным наделить их всех, этих крестьян, соответствующим количеством инвентаря. И если это так, если останется все-таки широкий слой крестьян, не имеющих собственных хозяйств, если останется широкий слой деревенского пролетариата и полупролетарских элементов, крестьянской бедноты, то какая польза будет им от того, что им будет дана по трудовой норме земля, которую им нельзя будет ни сдавать в аренду, ни продавать? Если даже предположить, что, при разрешении аграрного вопроса, окажется возможным наделение всех неимущих инвентарем, то капиталистический строй — строй, основанный на соперничестве, на конкуренции отдельных хозяйств, строй, делающий этих хозяев зависимыми от рынка, сделает неизбежным новое возникновение неравенства среди крестьян. Кроме того, уравнильное землепользование, стремясь закрепить мелкую форму хозяйства, тем самым создает преграды для развития производительных сил, создает преграды для дальнейшего развития страны и тем самым отдалает момент, когда падут оковы классового угнетения и исчезнет вполне классовое неравенство. Не давая по существу того, что она обещает, не уничтожая в деревне неравенства и классовой борьбы, эта мера способна лишь затемнить сознание деревенского пролетариата, который бы поддался этой иллюзии и стремился бы, считал бы возможным в рамках существующего капиталистического строя достигнуть осуществления равенства и тем самым ослабил бы энергию борьбы за будущий строй, который единственно способен дать ему полное освобождение. Председатель Совета Министров огульно указал на то, что левые фракции признают необходимость национализации земель. Я от имени социал-демократической фракции решительно должен заявить, что идея национализации земель вполне чужда этой фракции. Мы не считаем возможным передавать земельный фонд в руки государства. ибо для управления этим фондом, для распоряжения этими землями государство будет вынуждено создать целую армию чиновничества, которая не в состоянии будет применяться к разнообраз-

ным особенностям местностей и, будучи оторванной от населения, не сумеет использовать свои права в выгодах этого самого населения. С другой стороны, объявление всего земельного фонда достоянием центрального правительства явилось бы величайшей несправедливостью по отношению к мелким национальностям, входящим в состав российского государства, которые ни в коем случае не примирились бы с этим положением вещей. И наконец, мы не хотим давать в руки государства эту страшную силу, эту экономическую власть над всем населением, тем более, что в случае реставрации, в случае захвата в той или иной форме государственной власти представителями старого порядка, мы этим самым дали бы в руки врага народа, стремящегося отнять у него все завоевания свобод, оружие для побед над этим народом. В противовес всем другим предложениям мы выставляем требование принудительного отчуждения всех частновладельческих, казенных, удельных и других земель и передачи их в распоряжение широких самоуправлений, избранных на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В этих самоуправлениях мы будем отстаивать то, чтобы отчужденная земля была закреплена за крупными демократическими органами местных самоуправлений. Конечно, этой мерой мы не обещаем уничтожения неравенства, мы не обещаем уравнивания всех в довольстве. При существующем капиталистическом строе, как я уже указал, неравенство будет во всяком случае, и его обойти невозможно, не уничтожив капиталистических основ. Крупное хозяйство будут вести те, у кого будут орудия производства для обработки достаточно широкой площади, но будут обрабатывать землю, снимая ее в аренду у муниципалитетов, но разница от нынешнего состояния будет та, что тот доход, который теперь получает землевладелец в виде аренды, в виде доходов, проистекающих из монопольного владения землей с одной стороны и от лучшего качества этой земли с другой, этот доход будет отбираться общественными самоуправлениями и потребляться на общественные нужды, и так как эти самоуправления будут в руках широких слоев населения, беднейших слоев населения, то, конечно, действительное употребление этих средств на народные нужды будет обеспечено. ... При муниципализации земли уничтожается необходимость раздробления крупных хозяйств, где сохранились образцовые формы ведения землевладения. Муниципалитеты сами могут завладеть этими хозяйствами и организовать образцовые хозяйства, где будут обеспечены человеческие условия существования, рабочим будет обеспечено их право на сокращение труда, и эти муниципалитеты будут подвергать

строгому контролю хозяйства, которые будут вестись на арендуемых у них участках. Вместе с тем, конечно, в момент переворота, в момент аграрного кризиса, муниципалитеты всюду, где это окажется возможным, будут отдавать безземельным, немущим крестьянам землю в аренду даром, поскольку это окажется возможным, снабжая их необходимым инвентарем. В заключение я должен указать на то, что муниципалитеты, сплачивая широкие слои деревенского населения в широкие демократические организации, сплачивая их вокруг таких насущных вопросов, как вопрос о распределении земли, интересующий крестьян, сближая крестьянство с более прогрессивными слоями городского населения и прежде всего с пролетариатом, создают тем самым могучий оплот демократизма, оплот, который будет в состоянии противостоять всяким попыткам реставрации к уничтожению нового общественного строя, к замене его старым порядком. Наше разногласие с представителями народнических фракций глубоко, и закрывать глаза на эти разногласия, конечно, не приходится. Но эти разногласия не являются вопросом сегодняшнего дня. Мы убеждены, что с развитием освободительного движения, по мере того, как развяжутся руки страны, оконченной военнопольным режимом, сама жизнь покажет правильность и жизненность наших идей. На очереди дня стоит борьба с этим военнопольным режимом, борьба за уничтожение старой крепостнической государственности. Председатель Совета Министров, возвышаясь на государственную точку зрения, заявил, что предложение наше сводится к коренному перевороту в России. «Им нужны», говорил он, «великие потрясения, нам нужна великая Россия». В противовес этому я привожу слова другого государственного деятеля, не какого-нибудь крамольного агитатора, а слова прусского канцлера Гарденберга, который в своем докладе от 12 сентября 1807 г. писал королю: «та мысль, что избежать революции возможно путем защиты старого строя, путем упрямого отстаивания его основы, привела лишь к развитию и укреплению революции. Могущество идей революции так велико, они так распространены и общепризнаны, что государство, оказывающееся принять их, должно рухнуть, или же его заставят принять их». Она не рухнет, конечно, молодая, великая, мощная Россия; она не задохнется в тисках обветшалого режима. То великое, всенародное пробуждение, которое уже совершилось, та великая всенародная борьба, которая вот уже несколько лет все шире и шире разливается по лицу земли русской, есть несомненный залог того, что она своим могучим напором сумеет прорвать преграды, поставленные ей на пути, и, возродившись к новой

жизни, смелыми шагами пойдет к той обетованной земле, к тому заветному будущему, к которому стремится все культурное человечество Европы под великим знаменем борющегося пролетариата (Россия. Государственная дума. Второй созыв. Т. 2. С. 1225—1235).

**О РОСПУСКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, О ВРЕМЕНИ СОЗЫВА
НОВОЙ ДУМЫ И ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА ВЫБОРОВ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ**

(Высочайший манифест от 3 июня 1907)

Объявляем всем нашим верным подданным:

По повелению и указаниям нашим со времени роспуска Государственной думы первого созыва, правительство наше приняло последовательный ряд мер к успокоению страны и установлению правильного течения дел государственных.

Созванная нами вторая Государственная дума призвана была содействовать, согласно державной воле нашей, успокоению России: первое всего работой законодательной, без которой невозможна жизнь государства и усовершенствование его строя, затем рассмотрением росписи доходов и расходов, определяющей правильность государственного хозяйства, и, наконец, разумным осуществлением права запросов правительству, в целях укрепления повсеместно правды и справедливости.

Обязанности эти, вверенные нами выборным от населения, наложили на них тем самым тяжелую ответственность и святой долг пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утверждение державы российской.

Таковы были мысль и воля наши при даровании населению новых основ государственной жизни.

К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства.

Деятельность этих лиц в Государственной думе послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе. В среду самой Думы внесен был дух вражды, помешавший сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать на пользу родной земли.

По этой причине выработанные правительством нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле подворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия.

Медлительное рассмотрение Государственной думой росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных.

Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения.

Наконец свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допуская никакого отлагательства.

Все это побудило нас указом, данным правительствующему сенату 3 сего июня, Государственную думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 г.

Но веря в любовь к родине и государственный разум народа нашего, мы усматриваем причину двукратного неуспеха деятельности Государственной думы в том, что по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не явившимися настоящими представителями нужд и желаний народных.

Посему оставляя в силе все дарованные подданным нашим манифестом 17 октября 1905 г. и основными законами права, восприняли мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранников.

Созданная для укрепления государства российского, Государственная дума должна быть русской и по духу.

Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих,

но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских.

В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены.

Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым.

От господа бога вручена нам власть царская над народом нашим. Перед престолом его мы дадим ответ за судьбы державы Российской.

В сознании этом черпаем мы твердую решимость довести до конца начатое нами дело преобразования России и даруем ей новый избирательный закон, обнародовать который повелеваем правительствующему сенату.

От верных же подданных наших мы ждем единодушного и бодрого, по указанному нами пути, служения родине, сыны которой во все времена являлись твердым оплотом ее крепости, величия и славы.

Дан в Петергофе, в 3-й день июня, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот седьмое, царствования же нашего в тринадцатое (Калинычев Ф. И. Государственная дума в России. С. 271—273).

П. Н. МИЛЮКОВ «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ»

... Министерство «доверия» страны представляло больше перспектив, нежели министерство «ответственное»... перед Четвертой Думой. И это становилось ясно, как только от формул переходили к лицам. В то время многие занимались составлением списков будущих министерств. И, обыкновенно, в этих списках варьировались все те же имена, ставшие популярными благодаря оппозиции в Думе или благодаря деятельности в общественных организациях. «Ответствовать» было не перед кем: вопрос стоял о «доверии».

Я останавлиюсь на сравнении трех из этих списков, в хронологическом порядке; это выяснит и их эволюцию — и ее пределы.

Первый составлен в квартире крупного промышленника П. Рябушинского («костлявая рука голода», по революционной терминологии) 13 августа 1915 г....; второй — в собрании представителей левых партий, в квартире С. Н. и Е. Д. Прокоповичей, 6 апреля 1916 года, для кадетского съезда; а третий, для сравнения, представляет состав Временного правительства, образовавшегося 2 марта 1917 г.

Министерства	13 авг. 1915 г.	6 апр. 1916 г.	2 марта 1917 г.
Премьер	Родзянко	кн. Львов	кн. Львов
Внутренних дел. . . .	Гучков		кн. Львов
Иностранных дел . .	Милюков	Милюков	Милюков
Финансов	Шингарев		Терещенко
Путей сообщения . .	Некрасов		Некрасов
Торговли и промышл.	Коновалов	Коновалов (Третьяков?)	Коновалов
Земледелия и землеустройства . . .	Кривошеин	Шингарев	Шингарев
Военный	Поливанов	Гучков	Гучков
Морской	Савич		Гучков
Госуд. контролер . .	Ефремов		Годнев
Обер. прокур. синода	В. Львов		В. Львов
Народн. просвещения	гр. П. Игнатьев	Герасимов (Мануилов)	Мануилов
Юстиции	В. Маклаков	В. Маклаков (Набоков)	Керепский
Труда		Лутугин	Чхендзе ¹

В первом списке введены три тогдашних либеральных министра; в последующих — царских министров больше не имеется. В первом списке затем видно влияние умеренной части блока (октябристов); но не исключены и популярные имена думской оппозиции. Эти последние повторяются и в двух следующих списках; но Родзянко заменен кн. Львовым. Второй список, кроме Гучкова, молчит об октябристах и вставляет министерство труда. Третий возвращается к добросовестному представительству думских фракций блока и вводит внеблоковых левых.

Революционизирование общественных организаций, в результате открытой борьбы, которую повело против них правительство, было теперь на очереди. 7 апреля 1916 г. Штюрмер признал несвоевременным разрешение съездов всяких организаций. Затем, 21 сентября, то есть уже при Протопопове, это запрещение было истолковано в том смысле, что собрания с участием

¹ Чхендзе был предложен пост министра труда, но он от него отказался.

лиц, посторонних устраивающему учреждению, считаются собраниями публичными, на которых (как и на закрытых) могут присутствовать представители администрации и прекращать их, если они выходят из рамок непосредственных задач. Мотивировалось это «назревшей потребностью охранять Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты от всяких эксцессов политического свойства для сохранения их высокоценной специальной деятельности». Это лицемерие было, видимо, делом Протопопова. Он прямо заявил кн. Львову: «Мне известно, что к. д. имеют план выкрасть царя из ставки, привезти в Москву и заставить коленопреклоненно присягнуть конституции!» Поднялась буря протестов, и настроение союзов очень повысилось. Перед самым открытием Думы 1 ноября председатель Думы получил от собрания председателей губернских земских управ и от главноуполномоченного Союза городов обращения к Думе, подписанные Львовым и Челноковым. Кн. Львов писал, что собравшиеся «пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили его довести до сведения членов Государственной думы, что в решительной борьбе Государственной думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством». В мотивах говорилось о «зловещих слухах о предательстве и измене», о «подготовке почвы для позорного мира» о необходимости «неуклонного продолжения войны до конечной победы». В обращении Городского союза повторялись те же мотивы с присоединением обвинения в «преступной медленности, проявленной в польском вопросе», и Дума уведомлялась, что «наступил решительный час — промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию, наконец, такого правительства, которое, в единении с народом, доведет страну к победе».

Темы моей речи, которую я готовил к открытию Думы, совпадали с этими указаниями, подтверждавшими ее своевременность и необходимость. Я воспользовался для нее всем материалом, собранным в России и за границей, но решил идти дальше. Было очевидно, что удар по Штюмеру теперь уже недостаточен; надо идти дальше и выше фигурантов «министерской чехарды», вскрыть публично «темные силы», коснуться «зловещих слухов», не щадя и того источника, к которому они восходят. Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним

не считаться, ибо действительно наступал «решительный час». Я говорил о слухах об «измене», неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, «глупость» это «или измена». Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование — даже там, где сам я не был в нем вполне уверен. Эти места моей речи особенно запомнились и широко распространились не только в русской, но и в иностранной печати. Но наиболее сильное, центральное место речи я замаскировал цитатой «*Neue Freie Press*». Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей ее камарильи. Это спасло речь от ферулы председателя, не понявшего немецкого текста, — но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями. Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения. Штюрмер, на которого я направил личное обвинение, пытался поднять в Совете министров вопрос о санкциях против меня, но сочувствия не встретил. Ему было предоставлено начать иск о клевете, от чего он благоразумно воздержался. Не добился он и перерыва занятий Думы. В ближайшем заседании нападение продолжалось. В. В. Шульгин произнес ядовитую и яркую речь — и сделал практические выводы. Осторожнее, но достаточно ясно поддержал меня В. А. Маклаков. Наши речи были запрещены для печати, но это только усилило их резонанс. В миллионах экземпляров они были размножены на машинках министерств и штабов — и разлетелись по всей стране. За моей речью установилась репутация штурмового сигнала к революции. Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространение в стране настроение. А показателем впечатления, полученного правительством, был тот неожиданный факт, что Штюрмер был немедленно уволен в отставку, 10 ноября на его место был назначен А. Ф. Трепов, и сессия прервана до 19-го, чтобы дать возможность новому премьеру осмотреться и приготовить свое выступление.

Казалось, тут одержана какая-то серьезная победа. Но... это только казалось. Самый выбор нового главы правительства показывал, что власть не хочет выходить из своих окопов и продолжает искать своих слуг все в той же старой среде старых сановников (Милюков П. Н. Воспоминания, 1859—1917. М., 1990. Т. 2. С. 234—238).

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Часть I. Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX — начале XX вв.

Первый раздел настоящего сборника представлен документами по истории основных течений общественно-политического движения в России в пореформенный период.

Поражение в Крымской войне, буржуазные реформы 60-х гг. были в истории России рубежом, который отделил сверхцентрализованное государство, возвышающееся над экономически отсталым обществом от России новой, пробуждающейся к общественной жизни.

При подборе материала составители придерживались проблемно-хронологического принципа. Во-первых, документы расположены в хронологическом порядке. Во-вторых, они представляют основные направления российского общественного движения — консервативное, либеральное и социалистическое.

Российский либерализм, являвшийся наиболее конструктивным направлением в пореформенную эпоху, представлен в данном сборнике произведениями таких либеральных деятелей России как Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и А. И. Кошелев. Различные направления либерализма можно проследить по публикуемым адресам местного дворянства.

Русская либеральная традиция существенно отличается от либерализма буржуазного Запада. Если там либеральные течения были направлены на ограждение прав личности от вмешательства государства, то русский либерализм никогда не бросал вызова власти. В сознании русских людей слишком укоренилась убежденность в творческой силе государства. Поэтому русский либерализм не столько отстаивал права личности, сколько стремился к видоизменению государственного строя.

Ядро политического мировоззрения крупнейшего идеолога русского либерализма второй половины XIX в. Б. Н. Чичерина составляла апология государства, как основного двигателя и творца истории. Идеальным политическим строем для России он (как и другие русские либералы) считал конституционную монархию. Он поддерживал самодержавие лишь в той мере, в какой оно способствовало проведению реформ и развитию буржуазных отношений, обеспечивая тем самым уважение к конституционному строю.

Большинство русских либералов были твердо убеждены в том, что только государственная власть может служить орудием про-

гресса, их основной идеей была мысль, что благосостояние русского народа зависит от хороших или правильных государственных учреждений, от постепенных политических реформ и умеренной опеки правительства. Эти взгляды можно проследить, читая «Всеподданнейшие адреса» тверского, московского дворянства, а также отрывок из брошюры А. И. Кошелева.

Говоря об особенностях русского либерализма, следует отметить, что в отличие от Запада, где либерализм является идеологией прежде всего буржуазии, в России либерализм скорее был «интеллектуальным», представлявшим не классовую точку зрения.

Вышеупомянутые адреса российского дворянства представляли либерализм дворянский. Взгляды и деятельность либеральной бюрократии представлены в сборнике публикаций доклада министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова. Другое направление либерализма, расходившееся с либерализмом дворянским, со взглядами Чичерина Б. Н. представлено «Всеподданнейшим адресом» Черниговского губернского земского собрания и статей Ланина Н. П. «Русская буржуазия и земство в 80-х гг». Земский либерализм больше говорил не о централизации и государственном единстве, а о земстве, о народе, о земском судоустройстве, саморазвитии, самоуправлении, децентрализации.

Основная причина споров и разногласий между либералами и социалистами в пореформенный период — противопоставление реформистского пути революционному. Этому важному вопросу посвящена работа К. Д. Кавелина «Разговор с социалистом-революционером». В ней Кавелин говорит о допустимых пределах насилия, о возможности неуправляемого террора, о недопустимости революции, которая неизбежно разрушит достижения цивилизации и прогресса.

Правое, консервативное течение русского общественного движения объединяло всех сторонников идеализированного абсолютизма и существующего социального строя. Прежде всего это была группа русских сановников, представителей высшей бюрократии, землевладельческо-дворянские тенденции которых составляли главное содержание правительственной политики 80-х гг. XIX в. Из них в качестве публицистов выступали представленные в сборнике обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, сотрудник Министерства внутренних дел А. Д. Пазухин. Из этих работ видно, что многие искренние представители консерватизма вовсе не отрицали свободный государственный строй, но считали, что Россия до этого еще не доросла, русский абсолютизм должен

находиться в единении с народом, которому должно быть представлено право совещательного голоса.

Третье направление российского общественного движения — социалистическое — представлено в настоящем сборнике произведениями теоретиков русского социализма, программными документами народнических организаций.

Социалистические концепции возникли в России в 30—40-е гг. XIX в. как поиск национального пути развития и преодоления отсталости от передовых стран. Появившиеся на Западе социалистические теории воспринимались как самокритика западной цивилизации. Русские социалистические теории опирались на преимущества отсталости. Они предполагали пойти по европейскому пути, но используя элементы собственного национального наследия. Эта идея в законченном виде была сформулирована впервые А. И. Герценом, являвшимся автором теории «русского крестьянского социализма». Идеи Герцена А. И. были подхвачены идеологами народничества и русского утопического социализма.

Параллельно складывалась идеология казарменного социализма, которая берет истоки в России примерно с 60-х гг. XIX в. Например, в идеях С. Г. Нечаева с его идеалом общества, где, по его выражению, надо производить как можно больше, а потреблять как можно меньше», с иезуитскими методами революционной борьбы. Организационные и тактические принципы созданного Нечаевым комитета «Народная расправа» изложены в приводимом в сборнике «Катехизисе революционера». Революционная тактика Нечаева допускала самые аморальные средства, проповедовала теорию «цель оправдывает средства». А в публикуемых в хрестоматии работах другого теоретика революционного народничества — П. Н. Ткачева также слышен призыв силою заставить народ перестраивать свою жизнь, через власть, принуждение, палку заставить его войти в социалистическое общество. Конечно, столь откровенны и последовательны были не все революционеры, но так или иначе тенденция казарменности, насилия просматривается в российском освободительном движении на протяжении второй половины XIX в. Об этом свидетельствуют публикуемые в данном сборнике программные документы народнических организаций, а также «Правительственное сообщение» о терроре народников.

Среди русских революционеров XIX в. особая роль принадлежит М. А. Бакунину — теоретику анархизма — программные положения которого приводятся в сборнике. Главным в теории Бакунина было учение о государстве, которое он считал помехой

для развития свободной личности. Все общество в целом должно составлять свободный союз свободных общин, но к этому, считал Бакунин, есть один путь — «путь боевой, бунтовской».

С именем П. А. Лаврова связано более умеренное течение в народническом социалистическом движении — пропагандистское. Его тактика сводилась к пропаганде «чистого социализма». Публикуемые отрывки из «Исторических писем» дают представления о взглядах Лаврова на прогресс человечества, основной формулой которого он считал активно действующую, критически мыслящую личность, которая двигает общество вперед.

В 80—90-е гг. XIX в. определилось другое крыло русской социалистической мысли — русский социал-демократический марксизм. Молодые марксисты начали свою деятельность с полемики против народников. Сходясь с народническим социализмом в конечных целях и даже отчасти в средствах для их достижения, русская социал-демократия расходилась с этим течением во взглядах на своеобразие экономического развития России, на значение общины и крестьянства. В этой полемике решающую роль сыграли произведения и деятельность первых русских марксистов — Г. В. Плеханова, П. Б. Струве и В. И. Ленина. Публикуемая в сборнике статья Г. В. Плеханова дает представление об этапах борьбы между двумя главными течениями русского социализма. А работа П. Б. Струве критикует утопические идеи народников и доказывает, что экономическое развитие России идет по линии роста капитализма.

Работы В. И. Ленина не включены в данный сборник, так как они широко представлены в его собраниях сочинений. Составители сочли необходимым поместить в пособие работы П. Б. Струве и Эд. Бернштейна, являющимися библиографической редкостью и не публиковавшимися в советский период.

В 90-е гг. XIX в. международная социал-демократия раскололась на два направления: реформистское (последователи идей германского социал-демократа Эд. Бернштейна) и ортодоксальное. Сторонниками Бернштейна в России были «экономисты». В настоящий сборник включены фрагменты работ Эд. Бернштейна, так как его идеи имеют принципиальное значение для дальнейшей эволюции не только мирового, но и российского социал-демократического движения, для осмысления причин раскола социал-демократов и судеб русской революции.

О. Н. Богатырева

Часть II. Политические партии России в начале XX в.

В условиях абсолютизма основные политические партии сложились в России только в начале XX в., то есть значительно позднее, чем в странах Западной Европы, но в относительно короткий промежуток времени. Условно их можно разделить на помещичье-монархические (черносотенцы), либерально-буржуазные (октябристы и кадеты) и революционно-демократические (эсеры, социал-демократы и анархисты). Процесс образования политических партий в России имел значительные особенности. Среди них следует выделить многочисленность (свыше 50), национальную пестроту, массовость и оппозиционность (все партии от кадетов и левее были нелегальными).

Публикуемые в данном сборнике программы политических партий расположены в хронологическом порядке. Программа Российской социал-демократической рабочей партии не помещена потому, что она много раз печаталась в первом томе широко распространенного сборника «КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», в собраниях сочинений В. И. Ленина, в других изданиях.

Необходимо отметить, что разработанная Г. В. Плехановым программа РСДРП была общей для двух серьезно отличавшихся друг от друга течений в российской социал-демократии. Они опирались на различные коренные положения марксизма, расходились в оценке уровня социально-экономического и политического развития страны, в применимости насильственных средств для достижения поставленных целей. Меньшевизм являлся отражением реформаторской тенденции в рабочем движении, тогда как большевизм вытекал из насильственной традиции российского революционного процесса, являлся его леворадикальным, экстремистским ответвлением, ориентированным на достижение цели любой ценой.

Программа конституционно-демократической партии, ориентировавшейся до весны 1917 г. на ограниченную монархию английского образца, отличается приверженностью общечеловеческим ценностям, демократическим принципам и правовым нормам. В то же время кадеты отрицали революционные катаклизмы, стояли на платформе мирных эволюционных преобразований в стране. Они придерживались идеологии национальной демократии и выступали против отстаивания узких классовых интересов любой части населения. Они пытались объединить те группы российского общества, которые не могли найти исход

своему чувству социальной справедливости ни в классовой, ни в революционной борьбе.

Платформа партии социалистов-революционеров базировалась на взглядах народников, но имела сходные моменты с марксистской программой РСДРП. Они тоже провозгласили своей целью социализм, однако понимали его по-своему, пытаясь при этом учесть российскую специфику. Классовые антагонизмы эсеры, в отличие от большевиков, не абсолютизировали, подчеркивали важность нравственно-этической характеристики социализма. Они справедливо упрекали социал-демократов в стремлении некритически перенести западноевропейский опыт на российскую почву.

В целом программа партии социалистов-революционеров была утопической (как и у РСДРП), но больше учитывала своеобразные экономические условия России, особенно в аграрном вопросе.

Программа «Союза 17 октября» сочетала в политическом плане либерализм промышленной и торговой буржуазии России, оппозиционные настроения земства и в то же время их удовлетворенность значительными уступками царизма в октябре 1905 г. Авторы программы несколько преувеличивали значение манифеста 17 октября, поскольку надежд на его реализацию было немного, а предпринятое большевиками в Москве декабрьское вооруженное восстание свело их на нет. Это способствовало поправению как октябристов, так и кадетов, меньшевиков.

Идеология черносотенного «Союза русского народа» уходит корнями в триединую формулу эпохи Николая I: «православие, самодержавие, народность». Лидеры союза ставили целью объединение народа и царя через совещательный земский собор и ослабление роли бюрократии в управлении страной. Крайний консерватизм, реакционность черносотенцев сочетались в программе с патриотизмом, национализмом и антисемитизмом. Экономические и социальные проблемы не были в ней разработаны должным образом.

Взгляды анархистов сводились к отрицанию всякой государственной власти и проповеди абсолютной свободы личности. Публикуемый в сборнике проект программы синдикального анархизма отличается приверженностью принципу уравнительности. Ее авторы подчеркивают необходимость насильственной социальной революции для разрушения старого общества, утверждения новых производственных отношений и полной автономии личности. Особую роль в решении этих вопросов они отводили рабочим,

объединенным в профессиональные союзы. Интересы других слоев общества анархисты-синдикалисты игнорировали.

Суть программы Трудовой народно-социалистической партии заключается в отстаивании прав и свобод человеческой личности, в чьем всестороннем развитии видят ее авторы смысл исторического прогресса. Народные социалисты, которых называли «эсеровскими меньшевиками», вышли из либеральных народников. Они не были согласны с крайними революционными методами эсеров, отказались от их принципа «социализации земли», признав необходимым ее отчуждение, национализацию, а также развитие кооперативных хозяйств. По многим другим вопросам позиция энесов совпадала то с эсерами, то с кадетами, с которыми они часто блокировались.

Профессор Н. Н. Попов

Часть III. Государственная дума в России (1906—1917)

Третий раздел сборника посвящен деятельности политических партий России в Государственной думе. В начале XX в. русское общество сделало шаг вперед к конституционному строю. Революционный процесс 1904—1905 гг., успешные совместные мероприятия всех оппозиционных партий и организаций России привели к правительственному реформаторству. Царский Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и изданные на его основе законы стали важнейшим достижением первой российской революции. Они открывали дорогу конституционному развитию страны.

Настоящий раздел начинается с публикации Манифеста 17 октября, которым в России объявлялись основные гражданские свободы, а также значительно расширился круг лиц, получивших избирательные права. Государственная дума наделялась парламентскими законодательными правами, расширялись ее полномочия по сравнению с так называемой Булыгинской думой, так и не созданной вследствие бойкота выборов в нее большинством политических партий и организаций страны.

Тактика политических партий по отношению к Государственной думе была совершенно различной. Если ЦК кадетской партии приветствовал ее появление и возлагал на нее надежду при достижении действительных шагов в революционной борьбе, то социал-демократы считали, что Государственная дума «непри-

годна» для революции. Критике ошибочной бойкотистской тактики социал-демократов по отношению к I Государственной думе посвящена статья одного из лидеров кадетской партии П. Н. Милюкова «Г. Плеханов и бойкот». Две другие работы того же автора излагают суть тактики кадетов в I Государственной думе по основным вопросам, особенно по аграрному, который являлся главным вопросом первой российской революции. Являлся он таковым как в I, так и во II Государственных думах. Это наглядно иллюстрируют публикуемые в пособии речи Н. Н. Кутлера, П. А. Столыпина и И. Г. Церетели, которые представляли противоположные решения крестьянского вопроса.

Председатель Совета Министров П. А. Столыпин излагает в своей речи суть правительственной реформы по переустройству быта крестьян и о праве собственности на землю; член кадетской партии, бывший министр земледелия Н. Н. Кутлер говорит о принудительном отчуждении с выкупом помещечьих земель, а лидер социал-демократической думской фракции И. Г. Церетели критикует проекты уравнительного землепользования, представленные народническими фракциями и предлагает проект муниципализации земли.

Серьезные расхождения по аграрному и другим вопросам между различными политическими силами привели к роспуску правительством как I, так и II Государственных дум, причем царским манифестом от 3 июня 1907 г. был серьезно изменен порядок выборов в сторону ущемления прав трудящихся и национальных меньшинств. Вследствие этого III Государственная дума оказалась послушной царскому режиму.

Кадетская политика «раскачивания трона» рельефно проявилась в IV Государственной думе, о работе которой рассказывается в воспоминаниях П. Н. Милюкова. Достаточно сказать, что после антиправительственной речи в Думе 1 ноября 1916 г., названной современниками «штурмовым сигналом к революции», председатель Совета Министров Штюрмер вынужден был уйти в отставку. Конфронтация сплотившихся в условиях войны оппозиционных сил, с одной стороны, и царизма, с другой, привела к свержению последнего в феврале 1917 г. к установлению в России демократических порядков.

О. Н. Богатырева, Н. Н. Попов

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Часть I. Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX—начале XX вв.	5
Герцен А. И. Русский народ и социализм	5
Герцен А. И. Русское крепостничество	6
«Всеподданнейший адрес» тверского дворянства (1862 г.)	7
Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская Дума	9
«Всеподданнейший адрес» Московского дворянства (1865 г.)	11
Бакунии М. А. Наша программа	12
Лавров П. А. Об исторической роли «критически мыслящей личности»	13
Нечаев С. Г. Катехизис революционера	16
Ткачев П. Н. Набат (Программа журнала)	21
Программа газеты «Земля и воля»	26
Правительственное сообщение о терроре народников	28
«Всеподданнейший адрес» Черниговского губернского земского собрания	30
Программа исполнительного комитета «Народной Воли»	32
Кавелин К. Д. Разговор с социалистом-революционером	34
Лорис-Меликов М. Т. Конституция	42
Письмо исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III	47
Южаков С. Н. Министерство земледелия	49
Победоносцев К. П. Речь в заседании Совета Министров	51
Русская буржуазия и земство в 80-х гг. XIX в.	53
Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос	55
«Высочайший рескрипт» благородному российскому дворянству	58
Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия	59
Плеханов Г. В. Первые шаги социал-демократического движения в России	65
Маркс К. Письмо В. И. Засулич	71
Струве П. Б. Моим критикам	72
Бернштейн Эд. Условия возможности социализма и задачи социал- демократии	75
Часть II. Политические партии в России в начале XX в.	84
Программа конституционно-демократической партии	84
Программа партии социалистов-революционеров	95
Воззвание (программа) «Союза 17 октября»	103
Союз русского народа	111
Проект программы синдикального анархизма	113
Программа трудовой (народно-социалистической) партии	117
Часть III. Государственная дума в России (1906—1917)	125
Об усовершенствовании Государственного Порядка. Высочайший манифест от 17 октября 1905 г.	125

Милуков П. Н. Г. Плеханов и бойкот	126
Милуков П. Н. Тезисы доклада о тактике партии народной свободы в Государственной думе	127
Милуков П. Н. Аграрный вопрос на III съезде К. Д. партии	128
Законопроект по аграрному вопросу трудовиков (проект 104-х) . . .	131
Обсуждение аграрного закона во II Государственной думе. Речь депутата Кутлера Н. Н.	139
Речь депутата Церетели И. Г.	145
О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу. Высочайший манифест от 3 июня 1907 г.	150
Милуков П. Н. Из воспоминаний о работе IV Государственной думы	152
Методические рекомендации	156

Технический редактор Вавуляк М. И.

Подписано в печ. 27.09.91 г. Формат 60 х 84 1/16. Бумага писчая.
Гарнитура Светлана. Печать высокая. Уч.-изд. л. 10.0 Усл. печ. л. 10,25
Заказ 528. Тираж 10 000.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный универ-
ситет им. А. М. Горького. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

